

НОТА УТОПИИ

Книга вторая

НОТА УТОПИИ

КНИГА ВТОРАЯ
2009 год

Любовь Рыбалко

ВЕЧНОСТЬ.

Любовь Рыбалко

Салон корабля, белизной озаренный.
Беседа идет средь друзей увлеченных.
Понять Мирозданье народы стремятся,
Два мира желаньем одним единятся.
Так сложно входить в неизвестное чудо,
Так просто оно, когда родом оттуда.
Подобием мир величавый отмечен,
Взгляни, человек, твой путь бесконечен!
Его начинаешь с планеты любимой,
Не ведаешь даже, что там - за могилой.
Она заберет лишь земное творенье:
Одежду твою из материи брэнной.
А тело, сотканное Солнцем и словом,
Уходит, ведомое вечности зовом.
Душа, нарядившись в одежду живую,
Поднимет тебя на ступеньку вторую.
Там вечность встречает пришедших впервые,
Раскрыв все дороги, дороги иные.
Нет горя, нет боли в том мире сияний,
Дорогу избрав, полетишь в Свет желаний
Творить и любить, и любимыми быть,
Вселенной миры созидать и вершить!
Дорога твоя, человек дорогой,
Наполнена светом, любовью, мечтой!
Как крикнуть? Как долго мне нужно кричать,
Чтоб все это чудо тебе показать?
Друзей призову я из древних времен,
К прозренью зовут Нострадамус и Мор, и Платон!

Оиула на мгновение ушла по дороге мысли. Переживания и эмоции вылились в стих. Она улыбнулась, встретившись вновь со своим новым даром. Есть ли предел для возможностей человека?

- Есть, сестричка! Предел - это Господь! В своем полете каждая душа, живущая в вечности, стремится к этому пределу. Путь этот бесконечен, и он называется вечностью. Растет и меняется душа, пытаясь достичь предела. Но с каждой минутой меняется и Господь. опередить это движение вечности никому невозможно!

Оиула засмеялась: - Я представила, Томас, как какая-то частичка моего тела выскочила за пределы кожного покрова. Это все легче понять, если научиться видеть многие процессы, происходящие во Вселенной на основе подобия с телом человека. Писание говорит, что человек создан по образу и подобию Божию. Значит, Вселенная по строению схожа с телом человека. " Я в вас, вы - во Мне". - Опять говорит Библия. Мы подобны маленькой клетке в человеческом теле, если тело взять за Вселенную. Как же клетка может выпрыгнуть из тела?

Оиула, подумав, обратилась с вопросом к Морю:

- Братец Том, помоги мне изложить объяснение процесса старения и возрождения Вселенной одновременно. Это так трудно обрисовать зрительно. Разум видит и понимает, а словами выразить сложно. В образе трех деревьев я пыталась показать, но это не то.

- Давай попробуем, сестричка. Возьмем обыкновенную семью верующего человека. Представим, что она в одной капсуле, окруженной Святым духом. Члены этой семьи будут меняться со временем, а семья может существовать вечно. Семья постоянно имеет молодую подрастающую замену. Есть отец, на котором она держится в данное время, и есть старики, которые в скором будущем уходят в иной мир. Течет время, течет поток поколений в семье. Вот тебе модель вечной Вселенной. У нее есть три подобных зоны, где подается энергия, необходимая ребенку, затем взрослому, и третья несет ослабленные потоки для старческого тела. Сразу три стадии развития. Шесть зон огромной Вселенной поочередно проходят все стадии. Так одновременно Вселенная рождается, мужает и, старея, умирает. Понятно?

- Мне, понятно! - смеется Оиула.

Оид привлек внимание молодых людей:

- Мы отвлеклись от дела. Нас ждет вторая часть книги.

Засветился экран. Пошел текст книги:

НОТА УТОПИИ

ТОМАС МОР «УТОПИЯ»

Книга вторая

***Беседа Рафаэля Гитлодея
о наилучшем устройстве государства
в пересказе Томаса Мора,
лондонского гражданина и шерифа.***

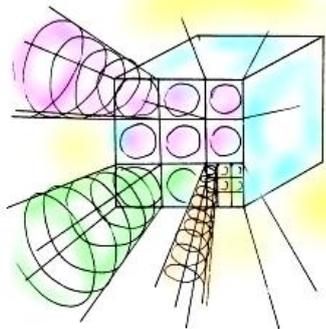
Остров утопийцев в средней своей части (ибо она шире всего) простирается на двести миль, на большом протяжении остров не очень сужается, а ближе к обоим концам постепенно утоньшается.

Если эти концы обвести циркулем, то вышла бы окружность в пятьсот миль; концы эти делают остров похожим на нарождающуюся луну. Пролив между ее рогами разъединяет их более чем на одиннадцать миль. Разливаясь на большом пустом пространстве, окруженная отовсюду землей, вода защищена от ветров, наподобие огромного озера, скорее стоячего, чем бурного; это делает почти всю середину острова гаванью. К великой пользе людей отсюда отплывают в разные стороны корабли. Вход в гавань весьма опасен из-за мелей, а также из-за скал.

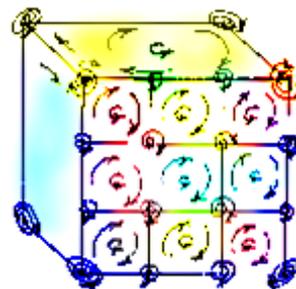
Почти посередине этого промежутка выступает один утес, от него нет вреда; воздвигнутую на нем башню занимает стража; прочие камни скрыты и таят гибель. Проходы известны только самим жителям, поэтому не случайно сделано так, что любой чужеземец может проникнуть в этот залив только с проводником - утопийцем. Да и для самих утопийцев вход едва ли безопасен, разве только с берега укажут им путь, какими либо знаками. Ежели перенести эти знаки в иные места, то можно легко погубить сколь угодно многочисленный вражеский флот. С другой стороны острова гаваней больше. И повсюду

спуск на землю настолько укреплен самой природой или же с помощью искусства, что даже малое число защитников может там воспрепятствовать огромному войску.

Впрочем, как говорят и как видно по самому этому месту, когда-то эту землю не окружало море. Однако, как только прибыл туда, одержав победу, Утоп - имя этого победителя носит остров, называвшийся прежде Абракса, - он привел скопище грубого и дикого народа к такому образу жизни и такой просвещенности, что ныне они превосходят в этом почти всех смертных; он позаботился, чтобы прорыли пятнадцать миль в том месте, где земля эта примыкала к континенту, и вокруг суши провел море. Работу эту (дабы не считали ее позорной) принудил он делать не только жителей, но присоединил к ним также своих воинов; оттого, что работа была распределена между столь великим множеством людей, дело закончилось с невероятной быстротой. Успех удивил и поверг в ужас соседей, которые вначале смеялись над бессмысленностью этой затеи.

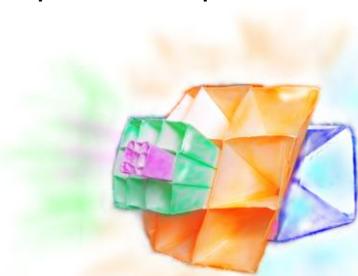
На Утопии есть пятьдесят четыре города; все они большие и великолепные. По языку, нравам установлениям, законам они одинаковы; расположение тоже у всех одно, одинаков у них, насколько это позволяет местность, и внешний вид. Ближайшие из них отстоят друг от друга на двадцать четыре мили. И опять же ни один из них не удален настолько, чтобы нельзя было из него дойти до другого города пешком за один день..."

Томас поднял руку, остановив чтение.

- Я думаю, что пояснив этот блок информации, мы пойдем дальше.

Засветилась вторая часть экрана. Появился голубой шар. Внутренняя часть шара разделилась на шесть частей. Возникла модель куба вложенная в шар. Шесть разноцветных спиралей развернулись

во внутренних четырехугольниках куба. Каждая из спиралей сконцентриро-

вала в верхней части, в месте соприкосновения с кругом, яркие энергетические структуры. Шесть звезд засияли на этой маленькой модели.

- Оиула, я думаю, что для тебя это уже знакомо. Голограмма смоделировала самый первый внутренний галактический уровень Вселенной. Здесь находится и Солнце. В этой структуре всего шесть звезд. Можно сказать, что это остров с шестью городами.

Остров, о котором говорится в "Утопии" размещает в себе 54 города. Давай построим следующий уровень на основе Знаний, которые ты уже освоила. Нужно каждую из шести сторон куба разделить на девять частей и через точки пересечения и нулевую точку, провести прямые, выходящие далеко за пределы круга, и соединить их в одинаковые квадраты. Рис.1

- В одном прямоугольнике образовалось девять новых. Всего их шесть. Теперь применим математику $9 \times 6 = 54$. Вот то, что нам требовалось, 54 города на острове Утопия.

Стало ясно, что Гитлодей посетил галактический уровень Вселенной, следующий за нашим. Там 54 звезды - он их назвал великолепными городами.

Оиула взвизгнула от удовольствия: - Сколько новой информации! Все эти города устроены одинаково. Одинаков язык, внешний вид, законы! А теперь посмотрим совпадут ли они с нашими?

Томас улыбался, глядя на свою новоявленную сестричку. Ей, наверное, стоит больших усилий сидеть на месте. Он чувствовал ее желание попрыгать от радости. В том, что их души родственные, он не сомневался.

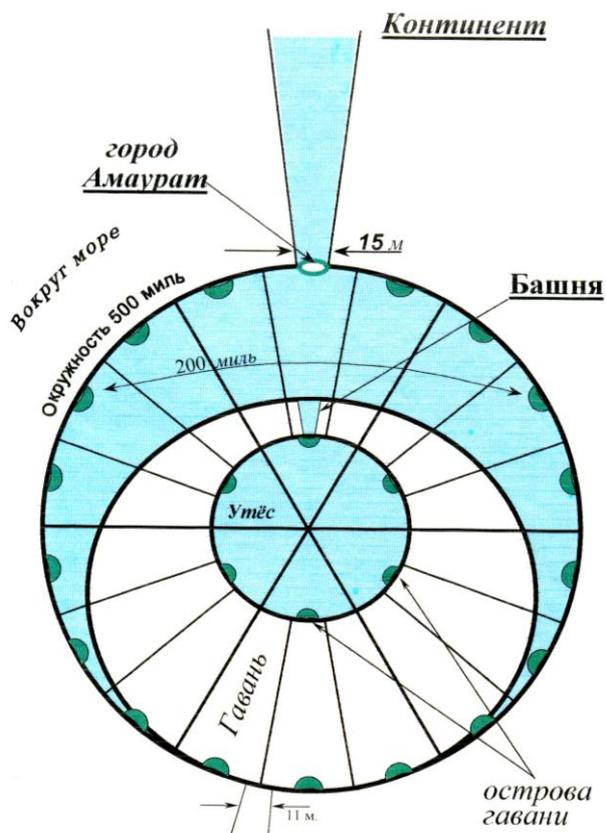
В разговор включился Оид:

- Теперь посмотрим голограмму чертежа острова по описанию.

Голограмма точно воспроизвела остров Утопию.

- Дочка, теперь смотри внимательно: Утес в середине острова - это галактический уровень, где находится солнечная система. Он совершенно не мешает жителям этого острова, так как находится в других энергетических структурах или в другом измерении.

В верхней части острова, изображенного голограммой, находится зона дня, там развиваются хозяйства и

процветают деревни. Нижняя часть, где концы " полумесяца" истончены, занята зоной ночи. Хозяйств и деревень там нет, но города процветают. Это можно сравнить с планетой Земля, когда зима движется по планете от одного государства до другого.

Обрати внимание на то, что пространство внутри острова, где находятся планеты (деревни) и пространства выше городов называются морем. Передвигаться в нем означает - плавать. В середине острова гавань, где открыты пути. От одного до другого доходят за один день. Ритм (день) подобный и первому галактическому уровню.

Утес в средней части не мешает путешествовать. А самое быстрое перемещение происходит через нулевую точку. Но нужно знать маршруты и коды, так как в зоне смерти (ночи) дорога опасна. Пролив в 11 миль соединяет остров через зону ночи со следующим уровнем Вселенной.

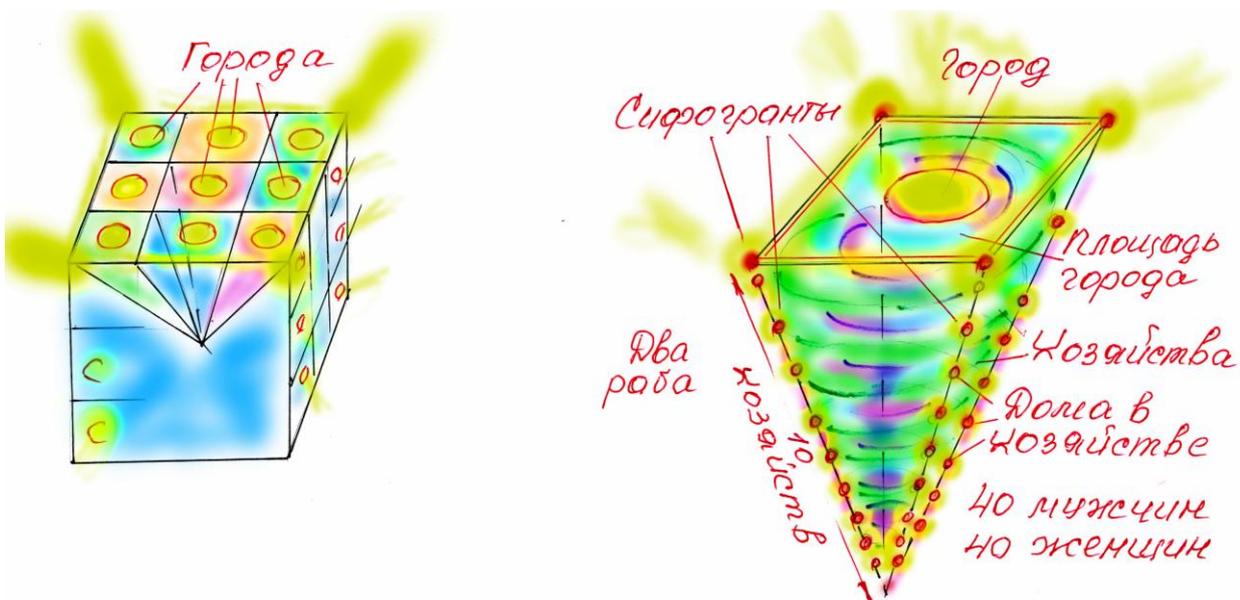
Строил этот остров Утоп.

- Папа, размеры же конечно условные? Этот остров не может быть так мал.

- Да, это подобно масштабной карте, дочка. У тебя есть еще вопросы?

- Нет, путешествие в мир книги можно продолжать.

"... Из каждого города по три старых и умудренных опытом гражданина ежегодно сходятся в Амаурот обсуждать общие дела острова. Ибо этот город считается первым и главным (оттого, что он находится как бы в сердце страны и

расположен весьма удобно для делегатов из всех ее частей).

Земля для городов отведена так удачно, что ни один из них не имеет ни с какой своей стороны менее двенадцати миль. А с одной стороны даже гораздо больше; конечно, с той стороны, где города дальше отъединены друг от друга. Ни один город не желает

расширять своих пределов. Это оттого, что они считают себя скорее держателями, чем владельцами этих земель..."

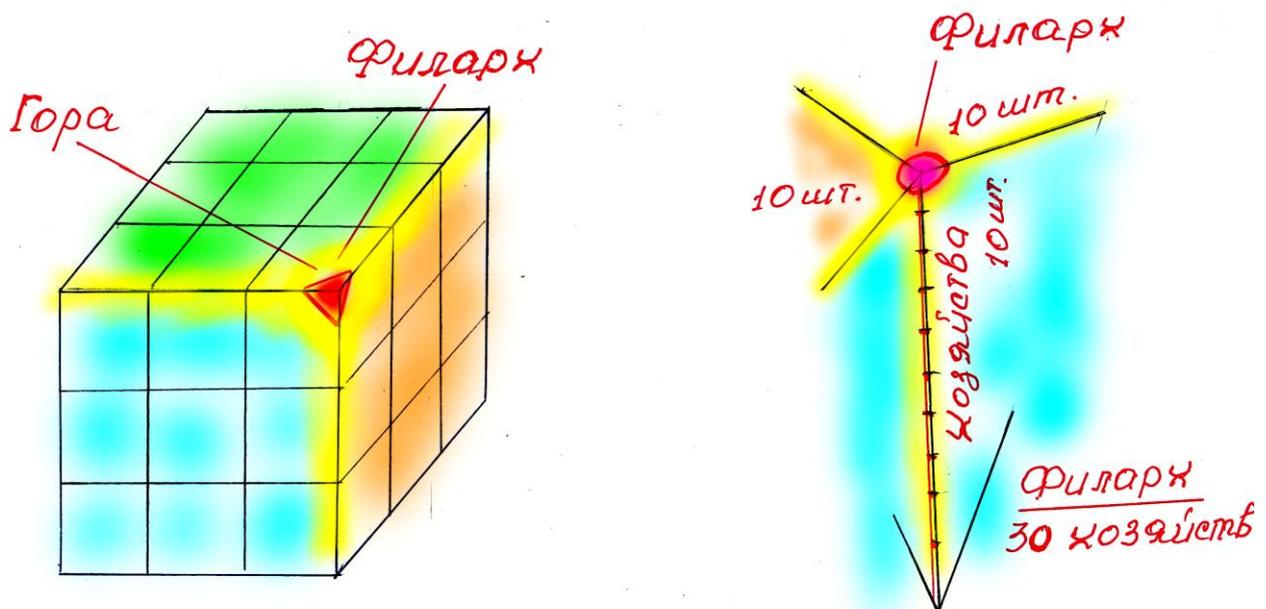
- Оиула, смотри на голограмму. Площади для городов одинаковые, и они выглядят в виде прямоугольника, который с одной стороны вытянут в острый угол. Площадь эта постоянна. Жители же хозяйств временны, с каждым новым ритмом они занимают новый дом в новом уровне. Выполнив необходимые дела, идут выше, - пояснил Тамас.

- Сестричка, ты, конечно же, поняла, что города, о которых идет речь, не что иное, как Звезды. Они удалены друг от друга на одинаковом расстоянии. Четырехугольник, острый угол которого берет начало из нулевой точки и где движутся по орбитам планеты каждой Звезды, называется деревенским хозяйством.

"...В деревне повсюду есть удобно расположенные дома, в которых имеется деревенская утварь. Там живут граждане, приезжающие туда поочередно. В каждом деревенском хозяйстве не менее сорока мужчин и женщин. И, кроме этого, еще два прикрепленных раба. Надо всеми стоит хозяин и хозяйка, почтенные и в летах. Над каждым тридцатью хозяйствами - один филарх. Из каждого хозяйства ежегодно возвращаются в город двадцать человек: они провели в деревне два года. На их место из города выбирают столько же новых, чтобы их обучили те, которые пробыли в деревне год и поэтому более разумеют в деревенских делах; на следующий год они будут наставлять других, дабы - если все окажется там равно неопытными и неумелыми в возделывании земли - не повредили они урожаю своим незнанием".

- Устройство хозяйств нужно разобрать подробнее. Голограмма нам поможет разобраться.

Появился макет острова. Зона дня была освещена, зона ночи затянута те-

нию. На передний план вышла одна звездная структура из 54.

Четырехугольный конус повторял строение солнечной системы. Только размеры его отличались. Он был намного длиннее. Десять энергетических уровней делились цветовыми переливами. Каждый вихрь, созданный этими энергетическими потоками в углах конуса, создавал свой неповторимый уголок - дом. Угловые вихревые структуры взаимодействовали с внутренней энергией конуса, заставляя ее работать.

Яркая вспышка преобразила голограмму. Оиула засмеялась.

Вместо энергетических вихрей возникли силуэты красивых молодых пар. Они весело трудились в большом хозяйстве. Каждая пара выполняла свою работу. Работа была увлекательной, творила красоту и великолепие. Работали они не руками: мысли, речь и пение давали задание двум рослым и сильным рабам. Роль рабов выполняли две дружные вихревые структуры в середине конуса. Сорок быстрых потоков выполняли любое желание, разнося свое творчество вверх и вниз, во все уголки большого хозяйства.

Самый высокий дом принадлежал хозяину и хозяйке. Они полностью управляли этим хозяйством. Внимательно следили за работой, похваливая своих людей, или ласково подсказывали, как лучше спланировать. Изображение голограммы шагнуло ввысь, показав связь хозяина и хозяйки с центром управления. Тридцать хозяйств, соединенных в угловых структурах куба, управлялись одним филархом.

Оиула, считая, посмотрела на Томаса.

- Что, недосчиталась? - засмеялся брат, - приложи еще три больших хозяйства, спирали которых формируются сторонами куба, и все сойдется.

Девушка засмеялась: - Вот теперь правильно. ($9 \times 3 = 27 + 3 = 30$)

Голограмма подала сигнал - "внимание". Ожил куб. Огонь и дым закрыли одну сторону куба. Надвигающееся бедствие заставило народ одного из трех хозяйств уйти в город. С собой они захватывают по 20 человек из каждого хозяйства.

Оиула внимательно разбиралась: - Теперь все понятно. Понятно, когда уже есть багаж знаний.

- Оиула, теперь мы познакомимся с жизнью и нравами Утопийцев:

"Несмотря на то, что этот обычай обновления земледельцев заведен, чтобы никто не был вынужден против воли очень долго вести весьма суровую жизнь, многие, однако, которым от природы нравится заниматься деревенскими делами, спрашивают себе более долгий срок. Земледельцы пашут поле, кормят скот, заготавливают дрова и везут их в город, как им угодно: по земле или по морю. С удивительным умением они выхаживают бесконечное количество цыплят, ибо они не подкладывают яйца под курицу, но выводят и выхаживают потом большое количество цыплят, равномерно согревая яйца. Как только птенцы вылупятся из скорлупы, они ходят за людьми, вроде как за собственными матерями, и признают их.

Утопийцы держат очень мало лошадей, разве что норовистых и только для упражнения юношей в верховой езде. Ибо все бремя по возделыванию земли и перевозкам ложится на быков. Говорят, что они уступают лошадям в беге, но превосходят их выносливостью; утопийцы полагают, что быки не подвержены хворям и поэтому на них меньше уходит хлопот и их дешевле стоит прокормить; наконец, когда перестают они работать, то годны на мясо. Зерно употребляют только для приготовления хлеба. Ибо пьют вино утопийцы виноградное, яблочное, грушевое или же, наконец, чистую воду, а часто варят они также мед или лакричный корень, которого у них немалое количество. Хотя они вызнали (и даже весьма точно), сколько хлеба съедает город и край, прилегающий к городу, однако, и сеют они, и скота выращивают гораздо больше того количества, которого достало бы для собственного употребления; прочее утопийцы делят с соседями. Все, что только им надобно, чего нет у них в деревне, все эти предметы они просят у города и получают их от городских властей безо всяких проволочек, не давая ничего взамен. И каждый месяц много людей сходятся на праздник. **Когда наступает день сбора урожая, деревенские филархи извещают городские власти, какое число граждан надлежит к ним послать, и оттого, что это множество сборщиков урожая прибывает в самый срок, они справляются почти со всем урожаем за один погожий день".**

- Томас, в твоей книге все рассказывается приближенно к жизни людей на нашей планете. Невольно переводишь описание жизни народа и городов на наш мир, в то время как рассказывается об устоях жизни астрального мира.

- Да, сестричка, человек сможет понять жизнь другого мира только при сопоставлении и создании подобных образов уже знакомого мира. И это сопоставление происходит кругом. Возьми фантастические фильмы. Образ добра и любви - красивые, нежные изображения человека. Образы злых героев воплощаются иногда в искаженные и изуродованные фигуры людей, а чаще это разъяренные пасти зверей и тварей, представителей другой планеты. Если вы не видели представителей инопланетного мира, как вы их можете представить? А самое главное, человек не знает то, что все миры подобны и живут по одним законам. Отличает их только разница в энергетических структурах каждого уровня Вселенной или Звездной системы. Это дает основное различие только в видах материи. Законы любви, познаний и развития едины. Мир вечности собирает и объединяет всех в одну большую семью. Там все равны и все красивы.

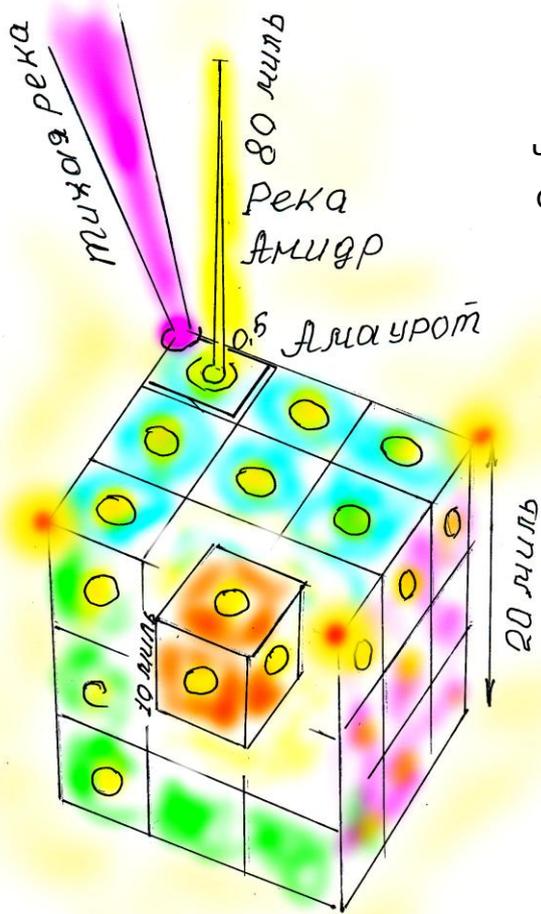
На примере жизни острова Утопии, его городов и деревенских хозяйств мы с тобой знакомимся с жизнью мира вечности или астрального мира, как ты его называешь. Но мир этот находится на целый уровень выше солнечной системы. Это даст тебе возможность сравнить жизнь двух уровней Вселенной и понять, что все миры Вселенной живут в одном ритме и по одним законам. Утвердятся ранее полученные тобой знания.

Человек на Земле создает материальные ценности, подобные его телу. Человек Вселенной создает миры и все необходимое, подобное его тонкой материи. Нам понять это и увидеть невозможно. Вот мы и получаем информационные сведения об иных мирах, переведенные на "наш язык". Сейчас мы еще раз уточняем: все, о чем нам рассказывает "Утопия", состоит из энергетических структур. Все во Вселенной имеет тело и разум, это бесконечно огромный мир живых существ. Но энергия - это тоже материя.

Прости меня, сестричка, я увлекся.

- Наоборот, ты мне помог разобраться. Лошади и быки - это энергетические спирали в звездных структурах, но работу они выполняют подобную нашим лошадям. Возникает или вырастает энергия питания: хлеб, вино, мед. Затем спирали переносят эту энергию или продукт в город или переправляют соседям. Такие же структуры спиралей (коней, быков) работают на планетах, помогая выращивать сады и огороды.

Томас смеялся: - Вот видишь как хорошо ты перевела и объяснила. Только так через подобных переводчиков может общаться с нами астральный мир Вселенной. Так выходят все Знания и на все планеты одинаково - через людей, несущих дар Божий.

- Томас, можно я задам вопрос не по теме?

- Я жду, милая.

- Сейчас на планете есть что-то вроде течения в мире педагогики: метод нового обучения. Они утверждают, что не нужно детям навязывать обучение, пусть они свободно развиваются, получая все необходимые знания по каналу из космоса. Нужно просто открыть им этот канал. Меня пугают эти "ученые" представители... Как ты это объяснишь?

- Твои представления о них, сестричка, правильные. Это не просто бездари или глупцы, это большое зло на планете и оно протянуло лапы к святым детям. Дети с момента рождения и до созревания ведомы ангелами. Это и есть основной канал, ведущий человека по жизни. Господь нормирует каждому человеку ношу знаний и даров. У каждого есть свой светлый путь, но часто зло

становится на этой дороге по вине самого человека. Каждый мир, населяющий Вселенную, имеет свои законы и правила общения, имеет определенный багаж знаний на данном этапе развития. Каждый рождающийся человек уско-

ренно обучается уже имеющимся знаниям и, конечно же, правилам коллективного проживания. Получив обучение, ему выдается об этом документ.

В вашем мире это необходимо при общении. Вы не умеете сканировать багаж знаний своего собрата. Философия же подобных учителей и преподавателей ведет к росту неучей. И заправлять этим "делом" может только сатана и его свора. Какой канал и куда они могут открыть без Бога? Попустительство власти в образовании и защите детей говорит об отсутствии в ней сил добра. Всеу свое время, и все это в руках Божьих. Все будут наказаны!

Томас тяжело вздохнул. "Глупость, тупость и подлость не исчезают, время не меняет эту гниль человечества".

Помолчав, он продолжал:

- Любые знания на планете выходят по одному пути, и выносит их человек, идущий по этому пути. Выйдя в свет, они становятся достоянием всего человечества. Повторения движений во Вселенной не бывает. Это так же невозможно, как невозможно вернуть дым в трубу. Ждать, что еще кому-то они придут - трата времени и жизни. Вот посмотри голограмму даров, идущих на Землю.

- Они слой за слоем ложатся в информационном поле планеты и в информационной памяти человечества. Знания, которые сейчас осваиваешь ты, сестричка, тоже выйдут только по одному каналу - твоему. Ты видишь, сколько трудов для этого приложено и миром вечности, и тобой. Разве может каждый человек это сделать? Ты вынесешь полный объем Знаний, овладев ими в этом объеме. Каждый же, читающий уже готовое, сможет взять только часть, по своим способностям. Но весь мир будет знать основное.

Томас улыбнулся и подмигнул Оиуле:

- Две с половиной тысячи лет для тебя трудились философы и пророки. Снимай покровы утопических эфферий, открывай Истину великих трудов древних мыслителей.

Он крепко обнял свою сестричку и поцеловал в щечку. Две частички одного большого - целого соединились в этом огромном мире, стали красивее и сильнее.

У Оиулы потекли слезы радости. Она смотрела на брата и понимала этот секрет вечности:

- Милые мои братики, вы наполняете меня упорством и уверенностью, я расту с вашей силой и мудростью. Знаете ли вы, что и на Земле вы всегда со мной. Могучий и нежный Платон, утонченный, излучающий любовь Томас, всегда шуточный и внимательный Мишель. Ваши сильные плечи всегда рядом с моими, я их чувствую. Вы моя семья, я не умею уже делить мир вечно-

сти и мир Земли. Для меня все это одна жизнь. Только иногда появляется ощущение того, что я лишена чего-то очень красивого. Но и в этом я разобралась, как мне кажется. В астральном теле я бываю в вашем мире, и о нем тоскует моя душа. Уровень же Земного развития еще не готов дать анализ того мира, где обитаете вы. Так?

- Так, так, так....

Три братца - красавца, окружив Оиулу, смеялись.

- Вот видите, вспомнила, и вы все здесь - пошутила девушка.

Оид и Тау улыбались, глядя на эту дружную семейку. Много у них дел впереди. И дела их будут такими же прекрасными, как они сами.

Гости исчезли так же, как и появились, а Томас продолжал:

- Нам осталось пояснить процесс взаимодействия города и деревни. Город это Звезда, и она дает все необходимое количество энергии для жизни своего мира. Так же, как наше Солнце снабжает всех живительной энергией. Хозяйства и деревни производят товаров столько, сколько необходимо будет поставить городу (звезде), и излишками они обмениваются с соседними энергетическими структурами. Ты это уже знаешь, что все взаимосвязано.

Каждый месяц (144 года x 30 дней = 4320 лет) или по окончании века все собираются на праздник. Перед днем сбора урожая (это у нас называют катаклизм) звезды посылают мир святых для помощи. Выйдут они и на Землю. (Делатели, сборщики урожая)

С этим мы справились, приступаем к следующей главе.

О городах, особенно об Амауроте.

"Кто узнает об одном из городов, узнает обо всех: так они вообще похожи друг на друга (насколько не препятствует этому местность). Итак, я изображу какой-нибудь один (и, действительно, не очень важно, какой). Но какой взять лучше, чем Амаурот? Ни одного нет достойнее, чем он; прочие уступают ему, потому что в нем заседает сенат, да и мне он знакомее других, оттого что я прожил в нем безвыездно пять лет.

Итак, Амаурот расположен на пологом склоне горы, по форме он почти квадратный. Ибо город, начавшись немного ниже холма, простирается по ширине на две мили до реки Анидр; вдоль берега город несколько длиннее. Начинается Анидр в восьмидесяти милях выше Амаурота из небольшого родника, но, увеличившись от встречи с другими реками - в их числе есть две немалых, - перед самым городом он расширяется до полумили, вскоре делается еще больше и, протекши шестьдесят миль, впадает в океан. На всем этом пространстве, которое лежит между городом и морем, а также на несколько миль

выше города, на быстрой реке чередуются прилив и отлив, длящиеся без перерыва по шесть часов. Когда море наступает, оно захватывает на тридцать миль в длину все ложе Анидра своими волнами, оттесняя реку назад. В это время оно портит своей соленостью воду и несколько выше; затем река по-немногу преснеет и через город протекает несмешанной. Когда наступает отлив, она течет чистой и неиспорченной почти до самого устья".

Голограмма воспроизвела новую форму острова. Огромный прозрачный куб светился, нависая над зрителями. В центр куба вложен маленький куб более плотных тонов голубого. Огромные вихри брали свое начало из маленького куба. Изменив энергетическую окраску, они продолжались в бесконечность, распадаясь в своем потоке на бесконечное множество более мелких вихревых структур. Уровень за уровнем, как бы передавая свою эстафету другому, они завершали свой бег, встретившись со звездой. Восемь стремительных золотистых вихрей, сформированных угловыми структурами куба, держали все эти энергетические спирали в плотной завязке, и были подобны они, как говорит Мор: "замечательным аркам сделанным из камня".

Второй большой куб моделировал следующий галактический уровень Вселенной или остров Утопии. Если у первого куба было всего шесть сторон, то большой куб, увеличившись, разделил свои стороны на девять частей: $6 \times 9 = 54$, создав многогранник. Так получился второй галактический уровень, если брать отсчет от нулевой точки. И в этом уровне формируется 54 звездных системы или 54 города.

Площадь, отведенная для каждого города, была одинакова. Ярко обозначился один из 54 квадратов. Находился он в самом центре и прилегал к самой главной "арке" или ведущей вихревой структуре, олицетворяющей центр Вселенной. В этой точке идет скопление самых чистейших энергий текущего века. Ритмические всплески поочередно меняют центры, тем самым уравнивая все зоны необъятной Вселенной.

Город Амаурот расположен на пологом склоне горы.

Энергетический канал, питающий город, носит имя реки Анидр.

- Оиула, рассматривая город Амаурот, имей ввиду, что городом этим является Звезда. И мир его подобен миру царя Соломона. Знакомясь с жизнью и законами нового города, ты глубже познаешь устои всей Вселенной, так как жизнь на всех звездах протекает по одним законам.

Подробно рассматривая строение и место расположения города Амаурота, мы видим, что все это подобно Солнечной системе. Река, питающая Звезду (город), проходит в середине ее. И проходя в зону спиральной структуры, как бы вливается в океан, где, как корабли, плавают планеты. Кроме того, вторая река или угловой энергетический вихрь, подает сильные энергии городу, и конечно же, взаимодействует с мощным потоком Анидра, подпитывает его.

Посмотрев внимательно на голограмму, Томас продолжал:

- Встает вопрос о приливах и отливах. Это очень важно для жизни народа. Прилив портит воду, при отливе она чистая. Колебания эти происходят с интервалом в шесть часов. Сутки в измерении Звезды равняются нашему веку или 4320 лет. Делим: $24\text{час} : 6\text{час} = 4$

$4320 : 4 = 1080$ лет. Вот и нашли синусоиду колебания в ритме Звезды:

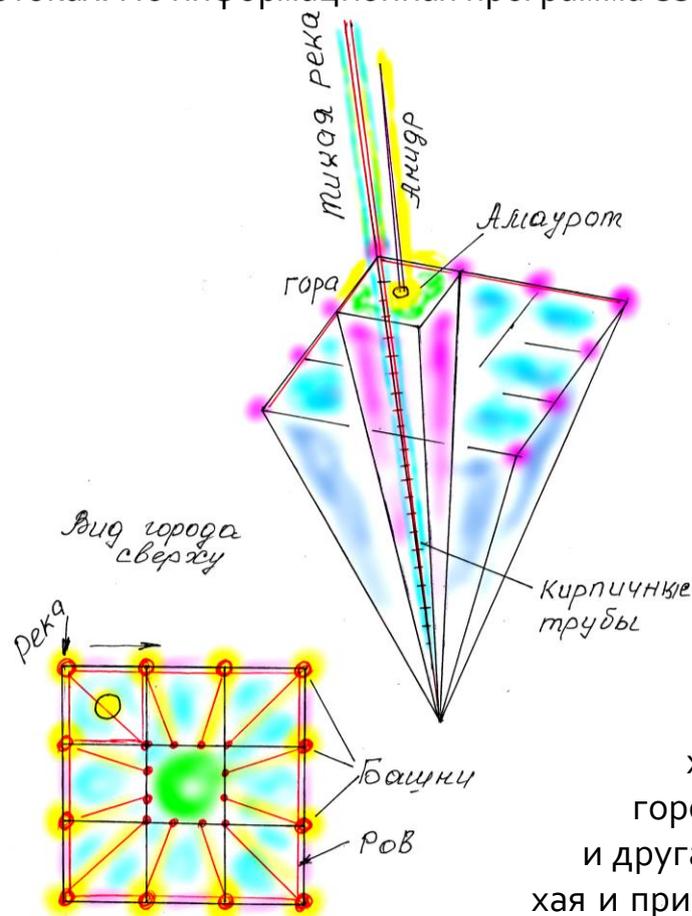
1080 лет зона отлива или плюса - ВЕСНА

1080 лет зона прилива или минуса - ЛЕТО

1080 лет зона отлива или плюса - ОСЕНЬ

1080 лет зона прилива или минуса - ЗИМА

Двигаясь дальше, эта волна несет свою энергию в уменьшенных волновых потоках. Но информационная программа ее остается на всем пути.

Изначально наши жизненные ритмы заложены на чередование плюса и минуса. Эту тему мы закрываем. Сестричка, вопросы есть?

- Нет, мне все понятно. Можно продолжать дальше.

Побежал текст книги:

"Стоящим не на деревянных столбах и сваях, а на замечательных арках, сделанных из камня. Он находится с той стороны, которая дальше всего отстоит от моря, дабы корабли могли беспрепятственно проходить мимо всей этой стороны города. Есть у них, кроме этого, еще и другая река, небольшая, но весьма тихая и приятная. Начинаясь на той же горе, на которой лежит город, течет она, устремляясь

через его середину, и смешивается с Анидром. Дабы в случае какого-нибудь вражеского нападения воду нельзя было бы ни перехватить, ни отвести, ни испортить, амауротанцы обвели укреплениями и соединили с городом ис-

ток и начало этой реки, благо зарождается она недалеко. Отсюда по кирпичным трубам вода распределяется повсюду в нижние части города. Там, где место не позволяет делать этого, в большие вместилища собирают дождевую воду, что также полезно.

Высокая и толстая стена с частыми башнями и укреплениями опоясывает город. С трех сторон стены окружает сухой, но глубокий и широкий ров, а также ограда из непроходимого терновника. С четвертой стороны ров заменяет сама река. Улицы служат для проезда и защищают от ветра.

Здания как подобает, отнюдь, негрязны: длинный непрерывный ряд их через весь квартал обращает на себя внимание внешним видом домов. Этот ряд в кварталах разделяет улица шириной в двадцать футов.

С задней стороны зданий по всей длине улицы к ним прилегает сад, широкий, загороженный отовсюду внутренней стороной квартала. Нет такого дома, у которого не было бы двери, как на улицу, так и задней - в сад. Они двустворчатые, легко открываются от прикосновения руки и сами закрываются, пропуская кого угодно. Ведь у утопийцев нет никакой собственности. Да и самые дома меняют они раз в десять лет по жребию. Эти сады они очень любят. В них есть виноград, плоды, травы, цветы.

Все в таком блеске, так ухожено, что никогда не видал я ничего плодоснее, ничего красивее. Рвение утопийцев в этом отношении разжигает не только само удовольствие, но и состязание одного квартала с другим: кто лучше ухаживает за своим садом. Разумеется, трудно будет тебе отыскать во всем городе что-либо более пригодное для пользы граждан или для их удовольствия. Поэтому, кажется, тот, кто основал город, ни о чем не заботился более чем об этих садах. Ибо, говорят, весь вид этого города сначала обрисован был самим Утопом.

Однако украшение его и прочее совершенствование, для которых, он видел, не достанет жизни одного человека, оставил он потомкам. Поэтому в хрониках, которые с тщанием и старанием утопийцы ведут с самого захвата острова, записав историю, охватывающую тысячу семьсот шестьдесят лет, написано, что сначала дома были низкие, наподобие хижин или шалашей; сделаны были из какого угодно дерева, стены утопийцы обмазывали глиной, покатые остроконечные крыши покрывали соломой. А ныне дома красивые, в три этажа; стены снаружи сделаны из камня, или щебня, или кирпича; внутри в пустые места засыпают битые обломки. Плоские крыши они покрывают какой-то известью, стоит она весьма дешево, однако замешана так, что не подвластна огню и лучше свинца противостоит насилию непогоды. Стекло (ибо его там потребляют очень много) защищает окна от ветра.

Меж тем есть также в окнах и тонкое полотно, которое они смазывают прозрачным маслом или же янтарем. Это выгодно вдвойне: получается, что света проходит больше, а ветер проникает меньше".

- Выше идет описание укреплений города. Высокие и частые башни формируются в точках соприкосновения потоков звездной системы и спиральных потоков окружающих созвездий, подобных зодиакальным знакам в солнечной системе.

- Братец, получается, что каждую звездную систему окружают двенадцать зодиакальных структур.

- Да, милая, раздели площадь города Амаурота на девять частей и ты увидишь зоны формирования башен. Эти вихревые потоки направляют свою энергию в зону Звезды. Все зоны разделов служат и оградами и улицами, каждый диапазон потоков выполняет свою функцию.

- Оиула, давай разберемся в устройстве города.

Голограмма высветила четырехугольник. Квадратная сторона его разделась на девять частей. В средней части вышел яркий поток света, центром его была река Анидр. Она напоминала раскаленную спираль, тепло которой согревало все вокруг.

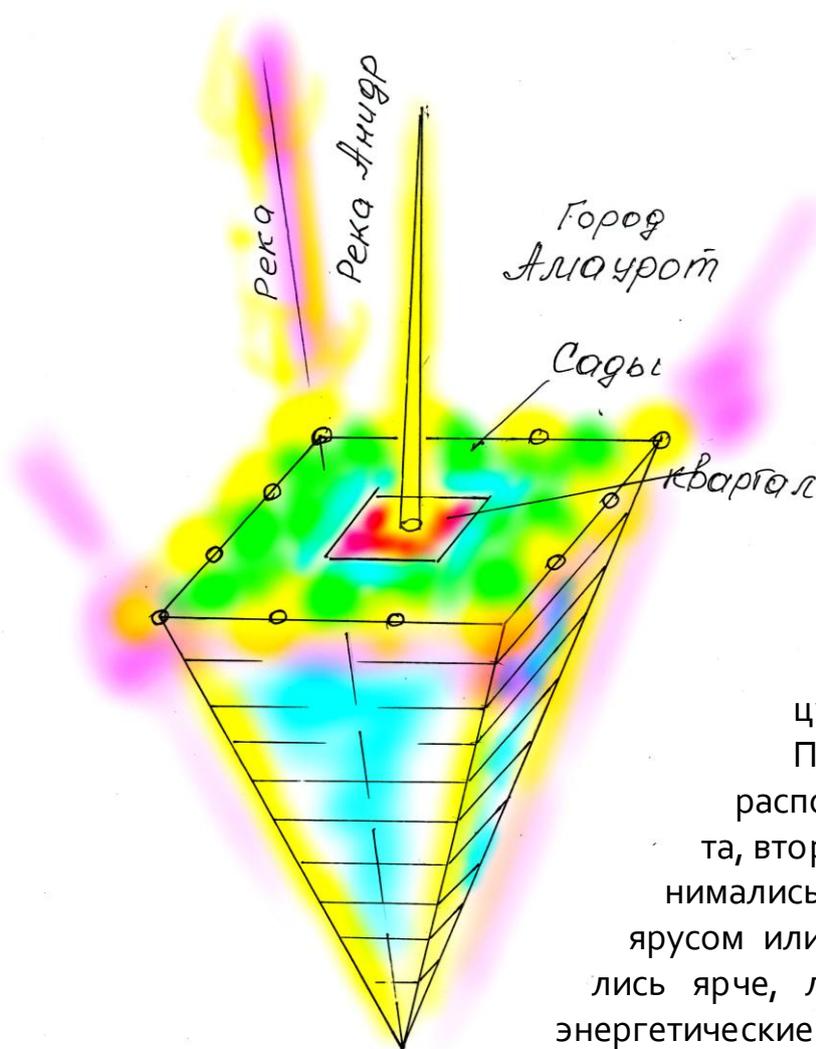
- Вот это и есть город Звезды.

Вокруг реки рос прекрасный сад и великолепные цветники. За садом располагался первый квартал в виде квадрата. Сплошная гряда домов, больше напоминающих сказочные дворцы. Энергетические структуры всех этих сооружений при необходимости моделировали двери и пропускали в сад или на улицу.

Первый квартал домов был расположен на площади квадрата, второй, третий и так далее поднимались высоко вверх. С каждым ярусом или кварталом дома становились ярче, легче и выше. Тончайшие энергетические потоки заменяли стекла. Все блестело и сияло в этом удивительном

городе.

- Томас, этот город легче по архитектуре, чем город Солнца?

- Правильно. Амаурот на уровень выше, поэтому у него энергетика (а это значит, что и материя) выше и тоньше. Все будет выглядеть по-другому.

Оиула, нам осталось разобрать ритм смены домов. Сказано, что жители города меняют дома или уровни раз в десять лет. Давай посчитаем, сколько это будет, если перевести в измерение землян: День в уровне звезды длится 144 земных года. Месяц составит $144 \times 30 = 4320$ лет. Год состоит из десяти месяцев $4320 \times 10 = 43200$ лет. 43200 (лет земных) $\times 10$ (звездных) = 432000 лет земных длится один уровень, или время, которое они проживают в одном доме, а затем переселяются выше. За 432 тысячи лет весь народ познает все уровни звездной системы. Всё познав, они поднимаются на следующий виток жизни. Подобная ритмика - и в солнечной системе и во всех Звездах Вселенной, так как все подчинены одному ритму.

- Томас, почему в году десять месяцев, а не двенадцать как на Земле?

- Ритм движения планеты в течение года измеряется действием зодиакальных волн. Они задают весь ход энергетических всплесков. Вселенная же имеет десять уровней при делении волны, идущей от Бога, на диапазоны.

Этот ритм мерцания волн и дает движение во Вселенной. Священное Писание подтверждает это словами: " во Вселенной все по десять".

Сестричка, если нет вопросов, то читаем дальше.

О должностных лицах

"Каждые тридцать хозяйств ежегодно выбирают себе должностное лицо, которое на своем прежнем языке называют они сифогрантом, а на теперешнем - филархом. Над десятью сифогрантами с их хозяйствами стоит человек, некогда называвшийся транибор, а теперь - протофиларх.

Именно сифогранты, которых двести, поклявшись, что они изберут того, кого сочтут наиболее пригодным, тайным голосованием определяют правителя - разумеется, одного из тех четырех, которых им назвал народ. Ибо от каждой из четырех частей города выбирается один, которого и советуют сенату. Должность правителя постоянна в течение всей его жизни. Если не помешает этому подозрение в стремлении к тирании.

Траниборов выбирают ежегодно. Однако беспричинно их не меняют. Все прочие должностные лица избираются на год. Траниборы каждые три дня, а если того требует дело, то иногда и чаще, приходят на совет к правителю. Совещаются о государственных делах. Частные споры, если они есть, - их там очень мало - они разрешают быстро.

В сенат всегда допускаются два сифогранта, и всякий день разные. Предусмотрено ни о чем, относящемся к государству, не выносить суждений, если

со времени обсуждения в сенате не прошло трех дней. Принимать решения помимо сената или народного собрания о чем-либо, касающемся общественных дел, считается уголовным преступлением. Говорят, это было учреждено, чтобы трудно было, воспользовавшись заговором правителя с траниборами, изменить государственный строй и подавить народ тиранией. Оттого все, что считается важным, докладывают собранию сифогрантов, которые, обсудив дело со своими хозяйствами, совещаются после друг с другом и свое решение объявляют сенату.

Иногда дело выносится на обсуждение всего острова. У сената есть также обычай, по которому ничто из предлагающегося в первый день не обсуждается тут же, а переносится на следующее заседание сената, дабы никто не сболтнул необдуманно того, что первым придет ему на язык: в противном случае позднее он будет думать более о том, как защитить свое решение, чем о пользе для государства.

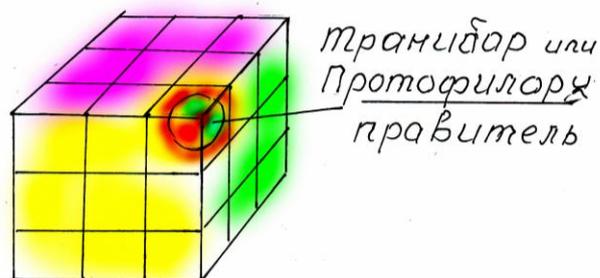
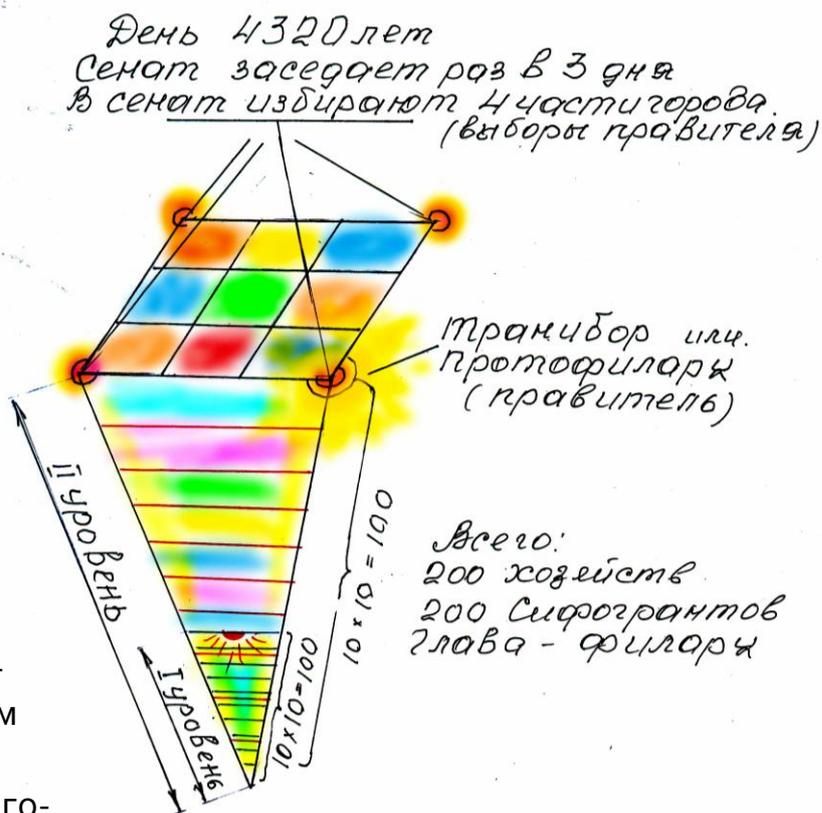
От извращенного и ложного стыда предпочтет он скорее подвергнуть опасности благополучие общества, нежели мнение о себе, дабы не казалось, что сначала он недостаточно поразмыслил. Ему надобно было поразмыслить сначала, чтобы говорить обдуманнее, а не быстрее".

Оиула внимательно читала текст книги. Активно работал процесс мышления. Оид следил за девушкой. Вопрос сложный, и с ним она еще не соприкасалась.

- Дочка, мысленно рисуй голограмму твоего мышления. Работай с ней как с доской или листом бумаги, стирай, добавляй. Помогать тебе нельзя, ты должна полностью владеть техникой логического мышления.

Оиула активно включилась в работу.

Голограмма куба зависла перед собравшимися. Шесть сторон или шесть квадратов разделились каждая на девять частей. Образовались 54 маленьких

квадрата. Верхняя часть куба осветилась, давая знать, что это зона дня. Нижняя вошла в затемнение, обозначив зону ночи. Оиула начала считать, планировать. Нужна полная схема размещения всех зон.

Девушка не могла понять, откуда взято двести сифогрантов. Но вот чертеж готов. Оиула подпрыгнула от радости.

- Папочка, удивительно! Это просто чудеса, все сходится в одно большое русло Знаний. Все едино во Вселенной. Я не брала во внимание первый уровень, нашу галактику и не могла понять, из чего складывается количество сифогрантов. Теперь все ясно: сифогрант или филарх это тот, кто ведет промежуток в наш век, то есть он правит 4320 лет в нашем исчислении. Тринобор или протофиларх, ведущий зоны десяти Библейских дней или десять раз по 4320 лет (год), в его подчинении десять сифогрантов. Вот и подтверждается, что остров Утопия действительно находится во втором уровне. Сто сифогрантов нашего уровня и сто сифогрантов второго уровня дают двести. Теперь хозяйства: возделываются хозяйства только в зоне дня, а это значит, что берется зона трех четырехугольников куба. Деление их на девять дает 27, к ним добавляются три хозяйства первого уровня и получаем 30 хозяйств. Двести сифогрантов избирают тайным голосованием из представителей четырех частей города правителя. Кандидатов называет народ. Я правильно поняла?

Оид улыбался, дочка радовала его. Все она сможет.

- Ты у меня умница! - любящий взгляд сказал все остальное.

Гость наблюдал за удивительным семейством, сидя в мягком кресле. Вот его новая семья. Предстоит большая работа. Сердце Томаса замирало: "Земля! Радует новая встреча с тобой и твоим народом".

- Читаем дальше, сестричка. Мы разобрали описание острова, города, хозяйств. Теперь познакомимся с занятиями утопийцев. Все описание так похоже на жизнь человека, что необходимо напомнить, что речь идет о тонком астральном мире, живущем в структуре Звезды. Все работы и занятия в хозяйствах - это созидание огромного мира Звездной спирали, включая и планеты. Все это они называют хозяйством и деревней, где все трудятся. Надо принять во внимание, что город Утопия находится в первом ярусе многоэтажного поселения Звезды. Это говорит, что они проходят первые уроки созидания в вечности и помогают своим детям жить на планетах. Все миры Звезд развиваются подобно. По рассказу можно представить, что ждет вас после смерти и после катаклизма. Землян ждет переселение в новый Иерусалим, в город Солнца. Ты уже познакомилась с астральными жителями планет в солнечной системе и видела, что они строят планеты и живут в радости и веселье. Чем они могут заниматься и как, давай уточним.

О занятиях

" У всех мужчин и женщин без исключения есть единое общее дело - сельское хозяйство. Ему обучают всех с детства, - отчасти в школе, где дают наставления, отчасти - на полях, поблизости от города, куда вывозят детей как бы для игры, однако они не только наблюдают, но, пользуясь удобной возможностью упражнять тело, также и трудятся.

Помимо сельского хозяйства (которым, как я сказал, заняты все) каждый изучает что-нибудь еще, как бы именно свое. Они обычно заняты прядением шерсти или же обработкой льна, ремеслом каменщиков, жестянщиков или плотников. И нет никакого иного, сколько-нибудь важного занятия, которое было бы достойно упоминания. Ибо платье у них отличается разве только у людей разного пола да еще у одиноких или женатых, а так по всему острову оно всегда одного покроя, приглядное на вид, удобное при движениях тела, предназначенное для ношения и в холод, и в жару. Платье, говорю я, каждое хозяйство изготавливает для себя. Однако из других ремесел всякий изучает какое-нибудь - не только мужчины, но и женщины. Впрочем, эти - как более слабые, - овладевают более легкими. Они обыкновенно обрабатывают шерсть и лен.

Мужчинам поручаются прочие, более трудные, ремесла. По большей части каждого выучивают ремеслу старших. Ибо к этому чаще всего влекутся они от природы. Если же кого-либо привлекает к себе иное занятие, то его принимает другое хозяйство, ремеслу которого он хотел бы обучиться. И не только его отец, но и должностные лица пекутся о том, чтобы отдать его почтенному и уважаемому главе хозяйства. Если же кто-нибудь, изучив одно ремесло, желает знать еще и другое, то ему это позволяют. Овладев обоими, он занимается, каким захочет, если только государство не нуждается более в каком-нибудь одном.

Главное и почти что единственное дело сифогрантов - заботиться и следить, чтобы никто не сидел в праздности. Но чтобы каждый усидчиво занимался своим ремеслом - однако же, не работал бы не переставая с раннего утра до поздней ночи, усталый, подобно вьючному скоту! Ибо это хуже участи рабов. Впрочем, такова жизнь ремесленников повсюду, за исключением утопийцев, которые при двадцати четырех равных часах - считая вместе день и ночь - для работы отводят всего шесть: три - до полудня, после которого идут обедать, и, отдохнув от обеда два послеполуденных часа, снова уделив труду три часа, завершают день ужином. Оттого что первый час считают они с полудня, то спать они ложатся около восьми. Сон требует восемь часов. Что остается лишним от часов на работу, сон и еду, дозволяется каждому проводить по своей воле, но не проводить это время в разгуле и беспечности, а часы, свободные от ремесла, надобно тратить на другие занятия по своему вкусу. Эти перерывы большая часть людей посвящает наукам. Обыкновенно они каждый день в предрассветные часы устраивают публичные чтения и участвуют в них, по крайней мере, приводят туда именно тех, которые отобраны для

науки. Впрочем, великое множество разных людей - мужчины, равно как и женщины, - стекаются послушать эти чтения - кто куда: каждый по своей природной склонности. Однако, если кто-нибудь предпочтет уделить это же самое время своему ремеслу - это приходит в голову многим, у кого дух не возвышается до размышления над каким-либо предметом, - никто ему не препятствует. Его даже хвалят, как человека полезного для государства. После ужина один час они проводят в играх: летом - в садах, зимой - в тех общих дворцах, в которых едят. Там утопийцы занимаются музыкой или развлекают себя беседами. Кости или другого рода нелепые и гибельные игры им даже неведомы; Впрочем, у них в употреблении есть две игры, не отличающиеся от игры в шахматы. Одна - это сражение чисел, в котором число грабит другое число. Вторая, - в которой пороки, объединив усилия, борются с добродетелями. В этой игре весьма умно показывается спор пороков между собой и, наоборот, согласие добродетелей. Также показывается, какие пороки каким добродетелям противопоставляются, каким силам они открыто противостоят, с какими уловками нападают со стороны, с помощью чего добродетели ослабляют силы пороков, какими способами избегают они их покушений и, наконец, как та или другая сторона обретает победу.

Но здесь, чтобы вы не ошиблись, надобно посмотреть поближе. Ведь раз они всего лишь шесть часов работают, то, пожалуй, может случиться, ты подумаешь, что впоследствии недостаток необходимых вещей. До этого очень далеко; этого времени для того, чтобы запастись всеми вещами, необходимыми для жизни и для удобств, не только хватает, но оно еще и остается; вы это, конечно, поймете, если поразмыслите о том, сколь большая часть жителей у других народов пребывает в праздности. Во-первых, почти все женщины - половина всего населения или, если где-либо женщины трудятся, там чаще всего вместо них храпят мужчины. К тому же, сколь велика также праздная толпа священников и монахов! Добавь сюда всех богатых, особенно владельцев поместий, которых все называют высокородными и знатными. Причисли к ним их приближенных, весь этот сброд ничего не делающих оруженосцев, наконец, прибавь здоровых и крепких нищих - бездельников, прикрывающихся какой-нибудь болезнью, и ты увидишь, что тех, чьим трудом держится все то, чем пользуются смертные, гораздо меньше, чем ты полагал. Взвесь-ка теперь сам, сколь немногие из всех них озабочены необходимыми ремеслами. Даже если считать на деньги, то необходимо заниматься многими ремеслами, во все пустыми и лишними, служащими лишь роскоши да беспутству. Ибо, если это самое великое множество людей, которые ныне трудятся, разделить между столь немногими ремеслами, сколь немного их требует природа для обычных нужд, то при таком изобилии товаров, какое необходимо должно было бы появиться, цены стали бы, разумеется, ниже, чем те, при которых ремесленники могут себе добывать только лишь средства пропитания. Но если всех тех, которые прозябают ныне в бесполезных ремеслах, да еще толпу, хирею-

щую от безделья и праздности, в которой каждый потребляет столько товаров, доставляемых усилиями других людей, сколько надобно двум, создающим эти товары, - если определить их всех в дело, к тому же и полезное, то легко ты заметишь, сколь мало времени надобно для изготовления вполне достаточного количества и с избытком всего, что требуется в рассуждении необходимости и удобства (добавь сюда также: в рассуждении удовольствия, и как раз подлинного и естественного).

Опыт Утопии делает это очевидным. Ибо там, в целом городе и прилегающей к нему округе изо всего числа мужчин и женщин, годных для работы по возрасту и здоровью, едва лишь пятьсот получают освобождение от работы. Среди них сифогранты, хотя законы освобождают их от труда, сами, однако, не избавляют себя от него, чтобы своим примером легче побудить к труду остальных. Такой же свободой наслаждаются те, которым народ, движимый советами священников и тайным голосованием сифогрантов, навсегда дарует волю, дабы изучали они науки. Если же кто-нибудь из них обманывает возложенную на него надежду, его гонят назад к ремесленникам; и, напротив, нередко происходит так, что какой-нибудь мастер эти оставшиеся у него часы с таким великим усердием посвящает наукам, выказывает столько прилежания, что его избавляют от ремесла и выдвигают в разряд людей ученых.

Из этого сословия ученых людей выбирают послов, священников, траниборов и, наконец, самого правителя, которого на древнем языке называют они барзаном, а на теперешнем - адемом. Оттого что почти все прочие не бездействуют и заняты небесполезными ремеслами, легко подсчитать, сколько много вещей создают они за весьма малое время.

К тому, о чем я упомянул, прибавляется еще то удобство, что на многие необходимые дела тратят они гораздо меньше труда, чем другие народы.

Действительно, во-первых, строительство или же обновление зданий повсюду требует усердного труда весьма многих людей, ибо тому, что построил отец, мало бережливый наследник позволяет понемногу развалиться, и то, что можно было сохранить очень малой ценой, его преемник вынужден восстанавливать за большие деньги. Часто также, когда дом стоил одному человеку огромных затрат, другой в привередливости своей об этом не задумывается и не заботится настолько, что, когда вскоре дом приходит в упадок, он строит себе другой дом за не меньшие деньги в другом месте. У утопийцев, однако, все предусмотрено, и в государстве установлен порядок; там чрезвычайно редко случается, чтобы для строительства зданий надобно было выбирать новое место: быстро находят средства не только исправить появившиеся повреждения, но и предотвращают еще лишь угрожающие. Так получается, что при очень малой затрате труда здания стоят очень долго и люди с такого рода ремеслом иногда едва находят, что им делать, кроме как если прикажут им у себя дома строгать доски и обтесывать, а также подгонять камни, чтобы (если выпадет какая-нибудь работа) быстрее могли они построить здание.

И в изготовлении одежды тоже, посмотри, сколь мало надобно им усилий: во-первых, пока они заняты работой, они небрежно прикрыты кожами или шкурами, которые служат им семь лет. Когда они выходят на люди, то надевают сверху плащ, который прикрывает ту, более грубую одежду: цвет плащей на всем острове один и тот же - естественный цвет шерсти. Оттого шерстяной ткани надобно им не только намного меньше, чем где-либо в ином месте, но и сама она намного дешевле; изготовление полотна еще дешевле, поэтому его чаще употребляют; но в полотне важна им только белизна, а в шерсти - только чистота; более тонкую ткань они вовсе не ценят. Поэтому получается, что, в то время как в других местах одному человеку не хватает четырех или пяти шерстяных плащей разного цвета и надобно еще столько же шелковых рубашек, а некоторым, более разборчивым, мало и десяти, в Утопии каждый довольствуется одним платьем, которое носит большей частью два года. И, конечно, нет никакой причины, по которой пожелал бы человек иметь больше одежды, оттого что если добудет он еще, то не лучше защитится он от холода и не окажется ни на волос наряднее.

Потому что все они занимаются полезными ремеслами и для этого достаточно весьма малой затраты труда, выходит, что у них всего вполне вдоволь; иногда огромное количество людей они отсылают исправлять общественные дороги (если дороги испорчены); очень часто также, когда не случается надобности в какой-либо такой работе, открыто объявляют, что на работу отводится меньше часов. Ведь и власти не занимают граждан против их воли излишним трудом, поскольку государство это так устроено, что, прежде всего, важна только одна цель: насколько позволяют общественные нужды, избавить всех граждан от телесного рабства и даровать им как можно больше времени для духовной свободы и просвещения. Ибо в этом, полагают они, заключается счастье жизни".

- Вот так описывается жизнь утопийцев на языке человека. Есть определение "занят работами", но насколько работы и условия труда различны, выразить практически невозможно. Чтобы все понять, лучше всего самим увидеть.

Оид улыбнулся.

- Отправляемся в путешествие!

Салон корабля изменил планировку посадочных мест. Четыре удобных кресла расположились напротив огромного иллюминатора. Яркая вспышка в обзорном окне дала знать путешественникам, что они в пути.

Корабль подобно молнии пересекал космические просторы. Вот он вошел в транспортный канал.

Оиула улыбнулась. - Наш полет напоминает движение скоростного лифта. Корабль скользит в канале как в шахте.

- Полет наш окончен, мы у цели. По времени это гораздо быстрее, чем подъем в лифте высотного дома.

Корабль снизил скорость. Перед взором пассажиров появилась яркая Звезда. Она сильно отличалась от Солнца. Свет, исходящий от этой космической красавицы, был ярче, и в то же время сама Звезда казалась бледнее.

Оид пояснил: - Дочка, мы подлетаем к одной из 54 Звезд, расположенных выше Солнца. Это говорит о том, что материальные миры в этом измерении нежнее, а энергия, идущая по каналу или по реке орошения, гораздо выше. Яркое же пламя возгорается при взаимодействии грубых энергий. Так Платон своим сравнением в виде двух стихий - ОГНЯ и ЗЕМЛИ, дал возможность представить этот процесс образно для человека. Удаленные на расстояния они непрерывно взаимодействуют между собой. Пространство или поле их взаимодействий создает бытие, а иначе - бесконечные миры Вселенной. Так в процессе идущих навстречу волновых структур рождаются вода и воздух, которые в свою очередь возрождают жизнь.

Оиула слушала, а мозг рисовал этот процесс. Вот она незнакомая Звезда, испускающая живительные потоки и дающая жизнь неповторимым уголкам Вселенной. Никто уже не сможет повторить ее дело. Каждая Звезда также индивидуальна, как и человек. Нет абсолютно одинаковых.

Корабль облетал Звезду. Все было подобно путешествию к царю Соломону.

Оиула окинула взором окружающее пространство. Оид прочитал мысли девушки и пояснил:

- Да, дочка, описанный Томасом строй, увидеть невозможно, так как это целый галактический уровень. Показать его можно только в чертеже или рисунке. Ну и, конечно же, можно вызвать голограмму. Со строением острова мы разобрались. Сейчас нам предстоит познакомиться с народом. Узнать, как он живет, где и чем занимается.

Тем временем корабль воспарил у стен огромного города.

Оиула, затаив дыхание, рассматривала устройство города. Подобно высотному дворцу было это загадочное сооружение. Только сейчас Оиула смогла увидеть деление его на ярусы, напоминающие улицы. Вот так квартал за кварталом поднимается народ в своих знаниях и желаниях к свету.

- Папа, подобно радуге светится этот разноцветный город. Золотом горит квартал, прилегающий к Звезде, и алмазным сиянием полыхают верхние уровни.

- Так и должно быть, моя девочка. Чем выше, тем сильнее и чище энергетические потоки. Вот так и Священное Писание часто дает определение той или иной высокородной структуры путем сравнения с блеском и излучением драгоценных камней. Как еще можно объяснить или показать человеку то, о чем идет речь? Все процессы жизни Вселенной и жизни астрального мира можно показать путем примеров, взятых из жизни. Библейские притчи нам дают такие пояснения.

Корабль приблизился к живой радужной структуре. Спираль открыла свои потоки в виде дверей и пригласила гостей в прекрасный дворец.

Мгновение - и путешественники оказались в сказочном саду. Лучезарная широкая река несла свои воды подобно величавой красавице, вышедшей в мир людей показать свою прелесть и степенность.

Самое красивое сооружение в виде величественного храма возвышалось на берегу этой реки.

Оид движением руки показал своим спутникам на ступени храма, куда вышли встречающие. Группа, состоящая из мужчин и женщин, была восхитительна. Ростом они были намного выше Оида и Тау, тела атлетического сложения воплощали идеал гармонии и красоты. Простые белые одежды оттеняли очарование, как бы говоря: "мы ничто, мы прикрываем красоту".

Поднявшись, наши путешественники в сопровождении хозяев, вошли в большой круглый зал. Резные столы расположились полукругом в середине зала. Удобные кресла приглашали вошедших занять места.

Оиду и его спутникам предложили места в центре зала. Рассевшись, все затаили в ожидании.

Оиула осмотрелась. Убранство зала привело ее в замешательство. Каждое мгновение все менялось, можно было смотреть бесконечно, любясь на игру оформления и великолепия этого храма. Казалось, что для него поставлена основная задача восхищать и поражать постоянной сменой своих одежд. Оиула посмотрела на своих спутников. Оид и Тау спокойно ожидали. Томас же подобно Оиуле, оглядывал убранство загадочного зала.

Поняв, в чем дело, Оид объяснил: - Дети, мы находимся в зале, где заседает сенат. Зал этот расположен в самых благоприятных потоках на этом острове или в этом уровне. Игра убранства происходит на уровне вашего восприятия, а иначе можно сказать, что зал одевает вас в новые одежды. Они дадут вам возможность участвовать в диалоге.

Мерцание убранства зала прекратилось, Оиула и Томас увидели над собой нежный сияющий поток света. Зазвучала тихая мелодия. Но воздействие ее было так велико, что девушка оглянулась. Все сидели на местах, ощущение же Оиулы уносило ее в бескрайние космические просторы.

Зазвучал красивый мужской голос: "Приветствуем наших гостей! Приглашаем познакомиться с жизнью города и прилегающих угодий. Брат Оид, веди своих детей по пути познания, наставляй! Сенат в твоём распоряжении".

Оид начал объяснять:

- Мы находимся в зале Великого сената. Нас пригласили сюда, потому что из этого зала можно видеть жизнь и дела всего острова. Дочка, если перевести на твой язык знаний, то дворец сената расположен на той горе, которая создается самой высокой энергетической структурой, формируемой кубом (краеугольным камнем). Эти потоки проникают во все уголки, а обратным потоком спирали несут всю информацию о жизни острова в сенат. Мы сможем побывать в любом уголке этого мира за одно путешествие. Заседания Великого сената происходят по своему расписанию. Сейчас этот зал предоставлен в наше

распоряжение. В путешествии нас будут сопровождать присутствующие в зале. С Богом!

Как по волшебству слова, в зале за столами образовался разноцветный вихрь. Пол исчез, и перед взором собравшихся открылся бескрайний космос. Окно созерцания подчинялось слову и мерцало в ожидании.

- Нам предстоит познакомиться с занятиями жителей города. Посмотрим, чем занимаются те, кто постоянно пребывает в нем.

Из окна созерцания поднялось серебристое облако, открылся вид на прекрасный парк. На открытой площадке разместился уютный амфитеатр. Шли занятия. Собравшиеся рисовали голограммы и изучали глубины Вселенной, применяя все законы физики, математики и астрономии. Увлекательные турниры знаний вводили их в прошлое и будущее. На основе законов и ритмических циклов они учились создавать неповторимые миры. Пока у них рождались миры в учебных голограммах. Но вот придет время, и все эти произведения мысли и фантазии найдут свое применение в строительстве новых миров.

Мгновенно переместившись в другую точку, нашим искателям открылся следующий эпизод из жизни горожан: космический корабль, готовый к отлету, поджидал юных пассажиров. Группа детей готовилась к посадке, получая последние наставления.

Оид пояснил: - В полетах и увлекательных путешествиях дети приучаются к работе в сельском хозяйстве. Так готовится новая смена.

Ускоренным показом прошла встреча послов, служба в Храме, занятие хорового коллектива, приготовление обеденных залов. Так жил трудовой город. Все были заняты своим делом.

Но вот окно созерцания скользнуло в места отдыха. Все было заполнено отдыхающими. Красивый рослый народ, как на подбор, хорош и статен. Группы беседующих, играющих в подвижные игры, или слушающих рассказ седовластого мудреца, расположились в парке.

- Население города многочисленное, и все они заняты трудом. Но у каждого есть время и на отдых. Жизнь народа подчинена размеренности суток: есть время, предназначенное для работы, есть время, отведенное для отдыха. Астральный мир не делит свое время на день и ночь, но они попеременно сменяют друг друга, ведя определенный участок общественных работ. Основные их работы относятся к сельскому хозяйству, где они содержат хозяйство и выращивают необходимое для города. Туда мы сейчас и отправимся.

Окно созерцания раздвинулось. Вверху появилась голограмма звездной системы. На фоне ее неожиданно возникли две фигуры. Голограмма исчезла, а в окне созерцания гостеприимно кланялись и приглашали в свое владение хозяин и хозяйка звездной системы. Их энергетические тела содержали в себе весь мир этой Звезды.

Путешествие продолжалось. Оиула сравнила его с путешествием в мир многослойной матрешки. Пройдя первую, самую большую, они окунулись в мно-

гослойный мир хозяйств. Повсюду их встречали красивые пары, примерные хозяйства и планеты в виде живописных огородов. Огромный мир населял звездную систему. Такое Оиула видела впервые. Путешествуя по бескрайним космическим просторам, трудно было представить, что все это чье - то энергетическое тело.

Томас пришел на помощь сестре:

- Послушай, как хорошо объяснил Платон одухотворенность всего космоса в диалоге "Филеб": *"Что касается природы тел всех живых существ, то в составе их имеются огонь, вода, воздух и " земля". Допустим же относительно каждого из заключающихся в нас (родов) следующее: что каждый из них в нас мал, скуден, ни в какой мере нигде не чист, и сила его недостойна его природы. Допустив же это относительно одного заключенного в нас (рода), мысли то же и обо всех прочих. В нас огонь есть нечто малое, слабое и скудное, вселенский же огонь изумителен и по величине, и по красоте, и по всяческой свойственной огню силе. Так что же? От огня ли, заключенного в нас, питается, рождается и получает начало вселенский огонь, или же напротив, мой и твой огонь и огонь прочих живых существ зависит во всех этих отношениях от вселенского огня? Тоже самое можно сказать и о земле, находящейся здесь, в живых существах, и во Вселенной, а также и обо всем прочем"*.

Оиула внимательно слушала.

Томас продолжал: *" Видя, что все названное сводится к одному, мы назвали это все телом. То же самое допусти и относительно того, что мы называем космосом; состоят из тех же самых (родов), он так же точно, надо думать, есть тело. От этого ли тела всецело питается наше тело, или же, напротив, от нашего тела питается мировое, воспринимая от него в свой состав все те (роды), о которых мы только что говорили? Не скажем ли мы, что в нашем теле есть душа? Откуда же оно взяло бы ее, если бы тело Вселенной не было одушевлено, заключая в себе то же самое, что содержится в нашем теле, но сверх того, во всех отношениях более прекрасное?"*

Древние, бывшие лучше нас и обитающие ближе к богам, передали нам сказание, гласившее, что все, о чем говорится как о вечно сущем, состоит из единства и множества и заключает в себе сросшиеся воедино предел и беспредельность".

Закончив, юноша посмотрел на сестру.

- Ты уловила смысл?

- Да, я поняла, что Платон объясняет многоликость тела Вселенной. Мы занимаем самый маленький уровень, создающий и входящий в состав тела Вселенной и ее души. Все последующие миры формируются каждый в своем уровне и каждый дополняет душу и тело необъятной Вселенной. В то же время все это единое тело Бога. Окно созерцания переводит нам все это в зри-

тельный образ, а точнее, показывает, как действительно выглядит этот мир. Он также материален и реален, как и наш земной мир. Но материей астрального мира являются тонкие структуры, в которых преобладает энергия огня или энергия Бога. В нашем мире первенство строительного материала занимает земля. Но с материальным телом у нас одновременно растет и тонкий план нашей души и тела. Уйдя из притяжения планеты, скинув земной наряд, астральное тело человека находит свое место во Вселенной. А как оно там живет мы, наверное, сейчас увидим на примере?

- Ты права, дочка, продолжаем знакомство с хозяйствами.

Хозяйства

Окно созерцания пригласило путешественников в гости в одно из хозяйств. Молодая пара радостно приняла гостей и стала показывать свои владения. В центре хозяйства протекала чистая река. Великолепный сад произрастал на обоих берегах. Сочные травы и душистые цветники украшали хозяйство.

Оиула с удивлением осматривала этот загадочный мир. Человек, живя на планете, считает, что вокруг планеты мертвый космос. Как мы ошибаемся. Нас окружает тысяча родов. (Вечно помнит завет Свой, слово, которое заповедал в тысячу родов. Псалом 104, ст.8) Каждый род поддерживает свое родовое дерево в вечности. И эти рода легко просчитаются. Энергия, идущая от Бога, разлагается на десять больших волн. Они создают галактические уровни. Каждый уровень разлагает свои энергетические структуры еще на десять волн. Это энергия, идущая от Звезд. Она делится еще на десять зон, в которых размещаются планеты. Затем энергетическая зона каждой планеты разделяется еще на десять волн.

Все (выше указанные) волны созидают века длительностью в 4320 лет.

$10 \times 10 \times 10 = 1000$ родов.

Века возрождают бесконечное множество народов.

Оид внимательно следил за мышлением дочери.

- Ты все верно поняла. Теперь постарайся просчитать время суток этого астрального мира. Поняв длительность суток Утопийцев, ты поймешь ритмику вашего мира.

Оиула принялась за расчеты: - Если новолуние составляет 4320 лет, то год будет 43200 лет или десять месяцев. Сутки составят $4320 : 30 = 144$ года.

$144 \text{ года} : 24 \text{ часа} = 6 \text{ лет}$. Один час астрального мира составляет 6 земных лет. Вот и нам становится ясно, почему у нас 72 года день, и идет подъем жизненного уровня, а следующие 72 года ночь - астральный мир в это время отдыхает и нами занимается поменьше.

Оиула задумалась: - Для нас целая жизнь 72 года, а для жителей вечности это всего лишь ночь. Вот почему они за нас там не переживают. Они знают, что вся наша жизнь мгновение против течения вечности.

- Выяснили еще один вопрос, теперь познакомимся с народом хозяйства.

Путешествие продолжалось.

Хозяин и хозяйка пригласили весь свой многочисленный народ на праздник дружбы. Приветствуя гостей ослепительными улыбками и приветственными поклонами, народ начал свой загадочный танец.

Каждый диапазон тончайшей энергетической структуры воплощал в себе работника или работницу хозяйства. Одни трудились возле садов, другие занимались огородом, третьи работали со льном.

Работа их резко отличалась от земных занятий. Вместо тяжелого изнуряющего труда они совершали легкие танцевальные движения в ритме красивой музыки, повторяющей морской прибой. Все энергетические потоки в звездной структуре издавали свое мелодичное звучание. Работники

хозяйства следили за чистотой звучания этих мелодий, так как именно они были критерием чистоты энергетических потоков, составляющих мир Звезды. Всю тяжелую необходимую работу выполняли два раба или точнее два вихря, несущихся навстречу друг другу. Именно им, вихрям, каждый из работников давал задание исполнить ту или иную работу, одновременно контролируя.

Если нужна была энергетическая подпитка для работ или для восстановления чистоты звуковых потоков, работники запрашивали в городе необходимое количество энергетических структур, подобных золоту или серебру. Все моментально подавалось по требованию. Город или Звезда снабжали всем необходимым свои хозяйства. В свою очередь, хозяйства производили своей продукции тоже с большим запасом.

Часто хозяйства обменивались продукцией друг с другом или же вывозили в хозяйства другого соседнего города. Недостатка не было ни в чем. Весь рабочий процесс больше напоминал веселый праздник урожая. Музыка, пение, танцы - так работает наш мир вечности. Время отдыха и перерывов они проводят в городе в структуре Звезды. Выезд на сельхозработы можно сравнить с нашей работой на дачах. Но с той разницей, что человек все делает руками, и

труд его тяжел. Мир вечности творит разумом, и труд его состоит в творчестве, радости и полете к совершенству.

В обзоре появилась планета. Увеличиваясь, она открыла все внутренние энергетические структуры. Бесконечное множество вихрей преобразилось в прекрасный народ. Все были в работе.

- Вот, дочка, практически, все ремесла заняты в теле планеты. Каменщикам, жестянщикам, плотникам, земледельцам, сталеварам и многим другим находится работа в строительстве и жизни планеты. Тут идет и бойкая работа купли - продажи, так как планета постоянно растет, потребляя различные виды энергий.

Чтобы хорошо понять, посмотри на свой мир. Есть мир материи и предметов. Рядом мир другого измерения - духовный или человек. Так точно и в звездной системе. Есть энергии, способные создавать материю, и эти потоки вложены в двух рабов (два вихря). И есть энергия разума, она заполняет всю Вселенную. Ведущая роль отводится именно ей. Этот мир питают Звезды, которые являются их домом. Ритмические всплески меняют поле действия и выводят новые рода в жизнь.

- Папа, дома их тоже состоят из энергетических структур?

- Конечно, и ты знаешь, что они неизменны. Только каждый новый век их украшает на свой вкус, то есть в каждом веке будут свои энергии.

- Папочка, астральный мир всемогущ через свое познание и умение управлять энергетическими процессами. Им и дома, наверное, особенно не нужны?

- Ты права, моя девочка, он силен, но дом для них это то место, где они питаются и набирают энергию или силу и дальше разносят ее своими делами. И для человека планеты Земля роль дома, в общем, такая же. Нет дома, нет уголка для отдыха, и человек превращается в бродягу. Дом - это святыня для каждого человека. Любимые вещи напитываются энергией хозяина, держат его тепло. С работы он приходит уставший, набравшийся посторонних энергетических структур, часто негативных. Дом и любимые вещи начинают лечить его. Энергетическая капсула домашнего уголка по законам физики выравнивает энергетический баланс и снимает негатив, растворяя его в своих потоках. Человек расслабляется и засыпает. Отдохнув, он восстановил свои силы. Полный сил и хорошего настроения он восстановит свой домашний уголок. Так помогают в жизни человеку домашние вещи и любимые предметы. Из трудового дня вы приходите к своим близким, хоть и не одухотворенным предметам. По жилищу можно судить состояние человека. Если из дома делается бардак, то хозяин полностью соответствует своему жилищу.

- Именно поэтому не могут жить вместе два человека с разными характерами и взглядами на жизнь.

- Конечно, семья должна состоять из единства взглядов, интересов. Это единство объединяется одним словом - любовь. Это чувство, возникшее между людьми, и говорит, что они близки по энергетическому полю.

- Но часто и влюбленные не могут жить вместе?

- Много помех идет от окружения, есть причины из-за неправильного воспитания. Если человек вырос эгоистом или хамом, ленивым или жадным, то первое чувство влюбленности часто исчезает. Настоящая любовь, а это значит и единство стремлений, растет с годами и крепчает.

- Это очень редко.

- На твоей планете редко, ты права. Астральный же мир только так и создает семьи. Единство энергетических структур взаимодействуют, а противоположные отталкиваются. Дальше мы подойдем и к этому вопросу.

Продолжаем чтение книги:

Об отношениях друг с другом

"Однако, кажется, уже надобно разъяснить, каким образом ведут себя граждане между собой, как относятся друг к другу народы, как распределяют утопийцы добро.

Итак, оттого что государство состоит из хозяйств, хозяйства эти по большей части возникают по родству. Ибо женщины (когда войдут они в возраст) вступают в брак и переходят в дом мужа. Дети же мужского пола и затем внуки остаются в семье и повинуются старшему из родителей. Если только от старости не выжил он из ума. Тогда наследует ближайший по возрасту. Дабы не сделался город многолюднее или не мог разрастись он сверх меры, остерегаются, чтобы одно хозяйство - каковых, не считая окрестностей, в каждом городе шесть тысяч - не имело менее десяти и более шестнадцати взрослых. Число же невзрослых никак не может быть ограничено.

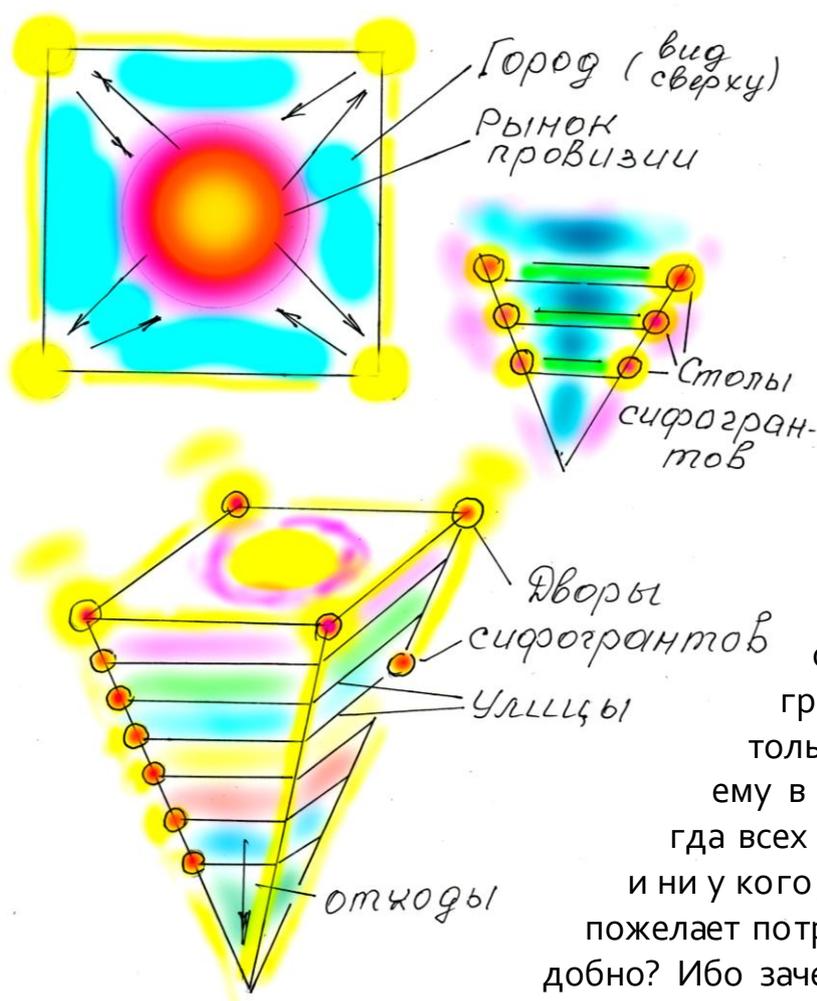
Эта мера легко соблюдается посредством перевода тех, кто переполняет более крупные хозяйства, в меньшие. Если же людей станет больше установленного, то утопийцы выравнивают это малочисленностью населения других своих городов. Если же случится, что по всему острову население разбухнет сверх положенного, то, переписав граждан из каждого города, они переселяют их на ближний материк, туда, где у местных жителей осталось много незанятой и неводеланной земли; там они основывают колонию по своим собственным законам, присоединяя к себе местных жителей, если те того желают.

Сплотившись с желающими в общем укладе жизни, а также в обычаях, они легко с ними сливаются, и это идет на благо обоим народам. Ибо установлениями своими они достигают того, что та земля, которая прежде казалась скупой и скаредной для одних местных, оказывается богатой для обоих народов. Отказавшихся жить по их законам утопийцы прогоняют из тех владений, которые предназначают себе самим. На сопротивляющихся они идут войной. Ибо утопийцы считают наисправедливейшей причиной войны, когда какой-нибудь народ сам своей землей не пользуется, но владеет ею как бы попусту

и напрасно, запрещая пользоваться и владеть ею другим, которые по предписанию природы должны здесь кормиться.

Если когда-нибудь какой-то случай настолько уменьшит число людей в их городах, что они не смогут возместить потерю из других частей острова, сохранив надлежащим образом каждый город (какое, говорят, случилось только дважды за все время, когда свирепствовала жестокая чума), то этот город пополняется гражданами, переселяющимися из колонии обратно. Утопийцы согласны скорее, чтобы погибли колонии, чем чтобы ослабел какой-нибудь из островных городов.

Однако возвращаюсь к совместной жизни граждан. Во главе хозяйства, как я сказал, стоит старейший. Жены служат мужьям, дети - родителям, и вообще младшие по возрасту - старшим.

Каждый город делится на четыре равные части. В середине каждой части есть рынок со всякими товарами. Туда каждое хозяйство свозит определенные свои изделия, и каждый вид их помещают в отдельные склады.

Любой глава хозяйства просит то, что надобно ему самому и его близким, притом без денег, вообще безо всякого вознаграждения уносит все, что только попросит. Да и зачем ему в чем-либо отказывать? Когда всех товаров вполне достаточно и ни у кого нет страха, что кто-нибудь пожелает потребовать более чем ему надобно? Ибо зачем полагать, что попросит лишнее тот, кто уверен, что у него никогда ни

в чем не будет недостатка? Действительно, во всяком роде живых существ жадным и хищным становятся или от боязни лишиться, или - у человека - только от гордыни, которая полагает своим достоинством превосходить прочих, чрезмерно похваляясь своей собственностью - порок такого рода среди установлений утопийцев вообще не имеет никакого места.

К рынкам, которые я упоминал, примыкают рынки для провизии, куда доставляют не только овощи, фрукты и хлеб, но и рыбу и все, что только можно есть у четвероногих и у птиц. За городом выделены особые места, где проточная вода смывает гниль и грязь. Оттуда привозят скот, убитый и освеженный руками рабов (утопийцы не позволяют своим гражданам забивать животных, оттого что, они полагают, из-за этого понемногу погибает милосердие - наичеловечнейшее чувство нашего естества); и запрещают они привозить в город что-либо грязное, нечистое, от гниения чего может ухудшиться воздух и возникнуть болезнь.

Кроме того, на каждой улице стоят вместительные дворцы, находящиеся на равном расстоянии друг от друга; у каждого из них свое название. Там живут сифогранты; к каждому из дворцов приписаны тридцать хозяйств, как раз по пятнадцати с каждой стороны, там должны они вместе принимать пищу. Экононы из каждого дворца в определенный час приходят на рынок и получают провизию сообразно с числом своих людей.

Первая забота, однако, о больных, которых лечат в общественных приютах. Ибо утопийцы имеют четыре больничных приюта в окрестностях города, недалеко от его стен; они столь обширны, что каждый из них можно сравнить с маленьким городом: это сделано так для того, чтобы не размещать больных тесно и поэтому неудобно, сколь много бы их ни было, и для того, чтобы, одержимым таким недугом, который при соприкосновении обычно переползает с одного человека на другого, можно было удалиться на большее расстояние.

Эти приюты так устроены и так полны всем, что надобно для здоровья, столь нежно и заботливо пекутся там о больных, столь опытные врачи находятся там все время, что хотя никого туда и не отсылают против воли - никого, однако, нет во всем городе, кто, страдая от хвори, не предпочел бы лежать там, нежели у себя дома.

После того, как больничный эконом получит еду, предписанную врачами, все лучшее распределяется поровну между дворцами-каждому сообразно с числом людей; разве что еще принимаются во внимание правитель, первосвященник и траниборы, а также послы и все чужестранцы (если они есть; они бывают мало и редко; но, когда они появляются, то для них отводят определенным образом построенные дома).

В эти дворцы в часы, установленные для обеда и ужина, созываемая звуками медной трубы, сходится вся сифогрантия. Кроме разве тех, которые лежат в больничных приютах или дома. Однако после удовлетворения дворцов никому не возбраняется брать с рынка пищу домой. Ведь известно, что никто не сделает этого беспричинно, ибо, если никому и не запрещается обедать дома, то никто, однако, не делает это охотно, оттого что считают неблагоприятным и глупым тратить усилия на приготовление худшей пищи, когда прекрасный и сытный обед готов во дворце, совсем поблизости.

В этом дворце всю сколько-нибудь грязную работу выполняют рабы. Впрочем, обязанности варки и приготовления пищи лежат только на женщинах; они также по очереди, одна из каждого хозяйства, заняты всем, что подается на стол. Располагаются за тремя или большим числом столов в зависимости от числа сотрапезников. Мужчины помещаются у стены, женщины - в стороне, дабы, если случится неожиданно какая-нибудь беда (это обыкновенно происходит иногда с беременными), могли они встать, не нарушая порядка, и уйти оттуда к кормилицам.

Эти сидят отдельно с грудными детьми в некоей, предназначенной для этого столовой, в которой всегда есть огонь и чистая вода, а также колыбели, чтобы можно было, если они захотят, положить младенцев и, выпростав их из пеленок, дать им отдохнуть на свободе и поиграть. Каждая мать кормит свое дитя, разве только помешают этому смерть или болезнь.

Когда это случается, жены сифогрантов спешно разыскивают кормилицу, и это нетрудно. Ибо те, которые могут это выполнить, ни за одну обязанность не берутся охотнее, оттого что все восхваляют милосердие этой женщины, и тот, кого она взлелеет, признает кормилицу за мать. В помещении кормилиц сидят все дети, которые еще не совершили искупительного жертвоприношения.

Прочие невзрослые - в их число входит каждый из обоих полов, кто не достиг брачного возраста, - либо прислуживают сотрапезникам, либо, если они этого еще не могут сделать по летам своим, стоят рядом, причем в полном молчании. Те и другие питаются тем, что достается им от сидящих, и нет у них иного времени, назначенного для обеда. В середине первого стола - место, которое считают наивысшим, оттуда, ибо этот стол повернут поперек в крайней части столовой, видно все собрание - там сидит сифогрант со своей супругой. Рядом с ним - двое старших по возрасту. Ведь сидят за каждым столом по четверо. Если в этой сифогрантии имеется храм, то священник и его супруга сидят с сифогрантом как председатели.

По обеим сторонам располагаются более молодые, потом снова старики. И, таким образом, во всем доме равные по летам объединены друг с другом и в то же время смешаны с людьми иного возраста: говорят, это устроено для того, чтобы почтение и уважение к старикам удерживало бы более молодых от неподобающей вольности в словах и движениях (так как за столом нельзя ничего ни сделать, ни сказать, чего бы старшие, находясь тут же по соседству, не заметили).

Блюда с едой подаются начиная не с первого места, а сперва приносят лучшую еду всем старейшим (их места отмечены). Затем равную долю дают остальным. И старики по своему усмотрению сидящим вокруг раздают сласти, если их не так много, чтобы хватило вдоволь на весь дом. Так старейшим оказывают надлежащее почтение, и все оказываются довольны. Каждый обед и ужин начинается с какого-нибудь чтения, которое имеет отношение к нравам,

оно, однако же, кратко и не утомительно. После него старшие ведут достойную беседу, не печальную и не без шуток. И не занимают они весь обед длинными речами, но охотно слушают молодых и даже намеренно вызывают их, дабы вызнать таким образом дарование и ум каждого, проявляющиеся в застольной беседе. Обеды непродолжительны, ужины - подольше, оттого что одни сменяют труд, а другие - сон и ночной покой, который - они полагают - более действует на здоровое пищеварение. Ни один ужин не обходится без музыки. И ни одна вторая перемена не бывает без сластей. Утопийцы возжигают курения и разбрызгивают благовония. Делают все, что могло бы развеселить сотрапезников.

Они скорее склоняются к тому мнению, что не должно быть запретных удовольствий (лишь бы не воспоследовали за ними неприятности).

Таким образом, живут они вместе в городе, а в деревнях, которые находятся друг от друга дальше, все они едят дома, каждый свое. Ведь каждой семье хватает пищи, оттого что из деревень и приходит все то, чем кормятся горожане".

- В этой части "Утопия" дает нам подробное описание отношений утопийцев друг с другом. Задавай вопросы, дочка, Томасу.

- Дома и дворцы передаются по наследству детям. Но дети рождаются только на планетах, подобных нашей. Это говорит о том, что у каждого жителя планеты есть свой путь?

- Немножко не так. При рождении каждому дается чистая душа и путь для развития и роста в духовном плане. Но в мире зла содержать душу в чистоте очень трудно, нужно много трудиться. Многие вместо подъема вверх выбирают дорогу вниз. И тогда они сходят с пути развития и опускаются в информационное поле ада, которое находится в недрах планеты. Это поле тоже собирает полный комплект. Освободившееся место на дорожке развития занимает новая рожденная душа, - пояснил Оид.

- Папочка, это говорит о том, что нет застрахованных от зла?

- Нет, все дается по делам. Человек волен в своих поступках. Мир света не принуждает, а приглашает всех войти в Отчий дом. Зло применяет насилие, но и это насилие совершается только после того, как человек отказался от пути праведника или честного человека. Чистота души хранит жителя планеты. Мир святых помогает тем, кто обращается с молитвой, он защищает своих детей.

- Народ планеты - маленькие дети Вселенной?

- Да, это новое поколение займет свое место в первом уровне Вселенной. Как ученики первого класса. Они начнут всему обучаться.

- Томас, как происходит переселение из одного города в другой?

- Во время катаклизма энергетические структуры звездных систем уравниваются. Где нехватка в новом пополнении, взятом с планет, туда подаются

жители с тех мест, где есть излишки. Одновременно происходит смешение родов. Слабый усиливается более сильным. Во время катаклизма происходят войны, идет уничтожение зла и очищение жилых зон от вредоносных поселенцев.

- Томас, в книге упоминается о том, что прежде, чем переселить народ производится перепись?

- Резкий переход народа, живущего на планете, в мир вечности во время катаклизма отмечен массовостью. Запись в книгу жизни в этот момент подобна переписи всего населения.

- Порядок распределения мне понятен. Как энергетическая спираль не возьмет лишней энергии за ненадобностью, так и жители вечности потребляют только строго необходимые энергии. Понятно и то, что когда они работают, одежды их удобны и просты. В праздники одежды нарядны. Объясни, как они лечатся и почему возникают болезни?

- Когда разрастается зло, то его мир стремится достичь самой Звезды. Ты видела, как разрастается зло в виде змея. Дыхание его распространяется далеко за пределы этого мира. Вот от этих энергий и требуется очищение или лечение на языке человека. Понятно?

- Понятно, братик! Одновременно я разобралась и с процессом варки пищи женщинами. Это подобно описанному в Библии: Ева сорвала яблоко с дерева, укусила сама и передала его Адаму. Точнее, описан порядок течения энергетических потоков в спиральных структурах. Идет сад, потом женские потоки, и через них поток из сада для питания идет уже к мужчинам или на стол. Там каждый берет пищу по потребности. Старец и мудрец берут самый высокий диапазон, ребенок нуждается в легкой пище. Все основные вопросы разобраны, можно отправляться в дальнейшее путешествие по книге.

О поездках утопийцев

"И если у кого-нибудь появится желание повидать друзей, живущих в другом городе, или просто какое-нибудь место, разрешение легко получить у своих сифогрантов и траниборов, разве только помешает этому какая-нибудь причина. Так одновременно отправляется какое-то число людей с письмом от правителя, который удостоверяет, что дано разрешение на отъезд и предписан день возвращения. В дорогу дают повозку и общественного раба, чтобы он погонял волов и заботился о них. Впрочем, если среди уходящих нет женщин, то повозку возвращают как обузу и помеху. Несмотря на то, что утопийцы ничего не берут с собой в дорогу, у них, однако, всего вдоволь, ибо они повсюду дома. Если в каком-нибудь месте они задержатся дольше, чем на один день, то каждый там занят своим делом, и ремесленники, занимающиеся тем же трудом, обходятся с ними наичеловечнейшим образом. Если кто уйдет за

границу по собственной воле, без разрешения правителя, то пойманного подвергают великому позору: его возвращают как беглого и жестоко карают. Отважившийся сделать это вторично, становится рабом.

Если возникнет у кого-нибудь желание побродить по полям вокруг своего города, то при дозволении главы хозяйства, а также при согласии супруги не будет ему запрета. Но в какую бы деревню он ни пришел, ему не дадут там никакой еды прежде, чем он не завершит полуденной доли работы (или сколько там принято делать до ужина). При этом условии дозволено уходить куда угодно в пределах владений своего города. Ведь ушедший будет не менее полезен, чем, если бы он оставался в городе.

Вы уже видите, насколько нет там никакой возможности для безделья, никакого предлога для лени, нет ни одной винной лавки, ни одной пивной, нигде нет лупанара. Никакого повода для подкупа, ни одного притона, ни одного тайного места для встреч, но пребывание на виду у всех создает необходимость заниматься привычным трудом или же благопристойно отдыхать.

Из этого обыкновения необходимо следует у этого народа изобилие во всем. И оттого, что оно равно простирается на всех, получается, конечно, что никто не может стать бедным или нищим. Амауротский сенат (в который, как я сказал, ежегодно входят по три человека от каждого города), как только установит, что и в каком месте имеется в изобилии и, напротив, чего где уродилось меньше, тут же восполняет недостаток одного изобилием другого. И делают они это бесплатно, ничего в свою очередь не получая от тех, кому дарят. Однако то, что они отдали какому-нибудь городу, ничего от него не требуя в ответ, они получают, когда нуждаются, от другого, которому ничего не давали. Так, весь остров - как бы единая семья.

И после того, как они уже вдоволь запасут для самих себя (они считают, что это происходит не раньше, чем когда будет у них припасено на два года, оттого что они заботятся об урожае следующего года), тогда из того, что у них осталось, они вывозят в другие страны большое количество зерна, меда, шерсти, льна, леса, пурпурных тканей и одежд, воска, сала, кожи и вдобавок еще скота. Из всего этого седьмую часть дают они в дар бедным в тех странах, прочее - продают по умеренной цене. С помощью такой торговли они привозят к себе на родину не только те товары, в которых есть у них дома нужда (ибо ничего такого почти нет, кроме железа), но, кроме этого, также большое количество серебра и золота.

Так повелось издавна, и у них это есть в столь великом изобилии, что невозможно поверить. Поэтому ныне они мало озабочены, продавать ли им за наличные деньги или получать эти деньги в назначенный срок, и гораздо большую часть они отдают займы; заключая сделку, однако, они по завершении обычного порядка никогда не домогаются поручительства частных лиц, но только всего города.

Когда подходит день уплаты, город требует с частных должников ссуду и вносит в казну, а также пользуется начислением на эти деньги, пока утопийцы не потребуют их назад. Они же большую часть денег никогда не требуют. Ибо они считают, что несправедливо отнимать несколько не нужную им вещь у тех, кому эта вещь нужна. Впрочем, они требуют деньги только тогда, когда этого требует дело, чтобы какую-то часть дать в долг другому народу, или же когда надобно вести войну. Это единственно, для чего они все свои сокровища хранят дома, чтобы стали они им защитой на случай крайней или внезапной опасности.

Преимущественно для того, чтобы за любую цену нанять иноземных солдат, которых они подвергают опасности охотнее, чем своих граждан. Утопийцы знают, что за большие деньги большей частью продаются и сами враги, которые готовы предать или даже сразиться друг с другом открыто. Поэтому они хранят неоценимое сокровище, однако не как сокровище, а обходятся с ним так, что мне даже стыдно об этом рассказать, и я боюсь, что словам моим не будет веры; и тем более я этого опасаясь, что весьма сознаю: если бы не видел я сам, то нелегко было бы меня убедить, чтобы я поверил другому рассказчику. Ибо ведь почти неизбежно: чем более что-нибудь чуждо обычаям слушателей, тем дальше они от того, чтобы этому поверить.

Хотя разумный ценитель, возможно, удивится меньше, оттого что и прочие их установления весьма сильно отличаются от наших: употребление серебра, а также золота соответствует скорее их обычаям, чем нашим. Действительно, они сами не пользуются деньгами, но хранят их на тот случай, который может либо произойти, либо нет.

Между тем с золотом и серебром, из которого делают деньги, поступают они так, что никто не ценит их более, чем заслуживает того сама их природа; а кому не видно, насколько хуже они, чем железо? Ведь без железа, честное слово, смертные могут жить не более, чем без огня или воды, тогда как золоту и серебру природа не дала никакого применения, без которого нам нелегко было бы обойтись, если бы человеческая глупость не наделила бы их ценностью из-за редкости.

С другой стороны, словно лучшая, наиснисходительнейшая мать, положила природа все лучшее, как, например, воздух, воду и самую землю, открыто, а пустое и ничуть не полезное отодвинула она как можно дальше. Что если эти металлы утопийцы запрячут в какой-нибудь башне? На правителя и сенат может пасть подозрение (у глупой толпы на это ума достанет), что они, обманув плутовством народ, сами получают от этого какую-нибудь выгоду. Более того, если умело изготовят они отчеканенные чаши и еще что-нибудь в таком роде и если возникнет надобность снова их расплавить и выплатить солдатам жалованье, то, разумеется, можно представить, что они с трудом дозволят оторвать от себя то, что однажды они уже посчитали своей забавой.

Для противодействия таким вещам утопийцы придумали некий способ, согласующийся с прочими их установлениями, но чрезвычайно далекий от нас, у которых золото в такой цене и которые так тщательно его охраняют; только знающие этот способ мне и поверят.

Ибо утопийцы едят и пьют из глиняной и стеклянной посуды, весьма тонкой работы, однако, дешевой. Из золота и серебра не только в общих дворцах, но и в частных домах - повсюду делают они ночные горшки и всякие сосуды для нечистот. К тому же утопийцы из этих металлов изготавливают цепи и тяжелые оковы, которые надевают на рабов. Наконец, у каждого, кто опозорил себя каким-нибудь преступлением, с ушей свисают золотые кольца, золото охватывает пальцы, золотое ожерелье окружает шею, и, наконец, золото обвивает его голову. Так они всеми способами стараются, чтобы золото и серебро были у них в беславии: и выходит так, что утопийцы, кажется, не ощутили бы никакого ущерба, если бы однажды им пришлось израсходовать целиком те металлы, которые другие народы тратят с не меньшей болью, чем, если бы терзали они свою собственную утробу, у утопийцев, если бы однажды и потребовалось израсходовать их целиком, никто, кажется, не ощутил бы для себя никакого ущерба.

Кроме того, они собирают на берегах жемчуг, а на разных скалах - алмазы и рубины, однако не ищут их, а шлифуют попавшиеся случайно. Ими они украшают детей, которые в раннем возрасте похваляются такими украшениями и гордятся ими; когда же войдут немного в возраст и заметят, что такого рода забавы есть только разве у одних детей, они безо всякого напоминания родителей, сами по себе со стыдом откладывают их в сторону. Не иначе, чем наши дети, когда, подрастая, бросают они орехи, шарики и куклы. Эти, столь сильно отличающиеся от прочих народов, установления порождают столь же отличающееся умонастроение - ничто не прояснило мне этого более, чем случай с анемолийскими послами.

Приехали они в Амаурот (когда я сам там был), и оттого, что приехали они обсудить важные дела, перед их прибытием приехали по три гражданина из каждого города; однако все послы соседних народов, которых раньше туда отправляли, которым были хорошо известны обычаи утопийцев, которые понимали, что очень дорогая одежда у тех нисколько не в почете, что шелком они пренебрегают, а золото даже считают позорным, обычно приезжали в возможно более скромном платье. Но анемолийцы, оттого что жили они очень далеко и имели мало с ними дела, когда узнали, что утопийцы носят одну и ту же грубую одежду, подумали, что те совсем не имеют того, чем не пользуются; сами же, более высокомерные, чем мудрые, решили для большего великолепия предстать какими-то богами и ослепить глаза бедных утопийцев блеском своего наряда.

Так вступили три посла в сопровождении ста спутников все в разноцветном платье, большинство в шелку, сами послы (ибо у себя дома они были знатны-

ми людьми) - в золотых плащах, с большими ожерельями и золотыми серьгами, к тому же на руках у них были золотые кольца, сверх того шляпы их были увешаны бусами, сверкающими жемчугом и драгоценными камнями - в конце концов они были украшены всем тем, что у утопийцев служило или для наказания рабов, или было знаком бесславия, или же забавой для детей. Поэтому стоило труда посмотреть, как петушились анемолийцы, когда сравнивали свой наряд с одеждой утопийцев (ибо на площадь высыпал народ). И, напротив, с не меньшим удовольствием можно было наблюдать, сколь сильно обманулись они в своих надеждах и ожиданиях, сколь далеки они были от того уважения, которое полагали обрести.

И впрямь, на взгляд всех утопийцев, за исключением совсем немногих, которые по какому-нибудь удобному поводу посещали другие народы, весь этот блестящий наряд казался весьма постыдным, и, почтительно приветствуя вместо господ каждого незнатного, самих послов из-за употребления ими золотых цепей посчитали они за рабов и пропустили безо всякого почета.

Ты мог бы также увидеть детей, которые бросали прочь драгоценные камни и жемчуг; когда они замечали, что такие же прикреплены у послов на шляпах, толкали матерей и говорили им: "Вот, мать, какой большой бездельник, до сих пор носит жемчуг да камушки, будто он мальчишка!" И родительница тоже серьезно отвечала: "Сынок, я думаю, это кто-нибудь из посольских шутов". Другие осуждали те самые золотые цепи, говорили, что от них никакого толка - они настолько тонки, что раб легко их разорвет, и опять же настолько просторны, что, захотев, он может легко их стряхнуть и убежать, куда угодно, раскованный и свободный.

После того же, как послы пробыли в этом городе день-другой, они заметили, что там весьма много золота и стоит оно весьма дешево, и увидели, что утопийцы не менее его презирают, чем сами они его почитают; к тому же на цепи и оковы одного беглого раба шло больше золота и серебра, чем стоил весь их наряд для троих; опустив крылья, устыдясь, убрали они все, чем столь надменно похвалялись. Особенно же после того, как дружески побеседовали с утопийцами, изучили их обычаи и мнения: утопийцы удивляются, если какой-нибудь смертный, которому дозволено созерцать какую-нибудь звезду и даже, наконец, само солнце, находит удовольствие в неверном блеске маленькой жемчужины или камешка; неужели возможен такой безумец, который кажется самому себе более знатным из-за нитки более тонкой шерсти; если эту самую шерсть, как ни тонки ее нити, носила некогда овца и была она в то время, однако, не чем другим, как овцой.

Удивляет утопийцев, что золото, по самой природе своей столь никчемное, ныне у всех народов в такой большой цене, что сам человек, из-за которого и для пользы которого приобрело оно эту цену, стоит гораздо дешевле, чем золото, вплоть до того, что какому-нибудь глупому чурбану, в котором дарованный не более чем в колоде, услуживает, однако, много умных и добрых людей

только лишь оттого, что ему досталась большая куча золотых монет; если же какой-либо случай или какой-нибудь выверт закона (который не хуже самого случая может переместить все вверх дном) перенесет эти монеты от господина к наипрезреннейшему из всей его челяди шалопаю, получится, что, немного погодя, господин перейдет в услужение к рабу своему как довесок или добавление к деньгам.

Впрочем, гораздо более удивляет и отвращает утопийцев безумие людей, которые воздают только что не божеские почести тем богатым, которым они ничего не должны, ни в чем не подвластны и которых не за что почитать, кроме как за то, что они богаты. И при этом они знают, что те столь низки и скандальны, что вернее верно понимают: из всей этой кучи денег при жизни богатых не достанется им никогда ни единой монетки.

Эти мнения и подобные им утопийцы частично усвоили из воспитания. Они были воспитаны в государстве, установления которого находятся далее всего от такого рода глупостей. Частично же из чтения и изучения книг. Ибо, хотя в каждом городе немного тех, кто освобожден от прочих трудов и приставлен к одному только учению (это как раз те, в ком от детства обнаружилось выдающиеся способности, отменное дарование и склонность к полезным наукам), однако, учатся все дети, и большая часть народа, мужчины и женщины, всю жизнь - те часы, которые, как мы сказали, свободны от трудов, - тратят на учение.

Науки они изучают на своем языке. Ибо он не скуден словами, не без приятности для слуха и не лживей другого передает мысли. Почти тот же язык распространен в большей части того мира (разве только повсюду он более испорчен - где как).

До нашего приезда туда не доходило даже никакого слуха обо всех тех философах, имена которых весьма знамениты в этом, известном нам, мире; и, однако, в музыке, диалектике, а также в науке счета и измерения утопийцы изобрели почти все то же самое, что и наши древние. Впрочем, насколько они во всем почти равны жившим в старину, настолько далеко не могут они сравниться с изобретениями новых диалектиков. Ибо не изобрели они ни одного-единственного, пронизательнейшим, образом продуманного правила об ограничениях, расширениях и подстановках, которые повсюду здесь учат дети в "Малой логике". Затем "Вторые интенции" - так далеки они у них от достаточного исследования, что никто из них не мог увидеть так называемого "самого человека вообще", хотя он, как вы знаете, столь велик, что больше любого гиганта, - мы можем на него даже пальцем указать. Однако утопийцы весьма сведущи в полете и движении небесных тел.

Более того, они искусно придумали орудия разного вида, с помощью которых наилучшим образом улавливают они движение Солнца и Луны, а также и прочих светил, которые видны на их небосводе. Впрочем, о дружбе и раздорах планет и, наконец, обо всем этом обмане лживых прорицаний по звездам

они не помышляют и во сне. Дожди, ветры и прочие перемены погоды они предугадывают по некоторым приметам, хорошо известным из долгого опыта. Но о причинах всех этих вещей и о приливах моря, его солености, вообще о происхождении и природе неба и мироздания они отчасти рассуждают, как наши древние; они, как и те, расходятся друг с другом и, когда приводят новые доводы, не во всем соглашаются и не полностью сходятся.

В той части философии, в которой речь идет о нравственности, они судят подобно нам; они исследуют благо духовное, телесное, внешнее, потом - причастствует ли наименование блага всему этому или только достоинствам духа. Они рассуждают о добродетели и удовольствии. Однако первый из всех и главный у них спор о том, в чем состоит человеческое счастье - в чем-нибудь одном или же во многом. И в этом деле, кажется, более чем надобно, склоняются они в сторону группы, защищающей удовольствие, в котором, считают они, заключено для людей все счастье или же его важнейшая доля.

Еще более тебя удивит, что они для этого приятного мнения ищут покровительства религии, которая сурова и строга и обыкновенно печальна и непоколебима. Ведь никогда они не говорят о счастье, чтобы не соединить с ним некоторые начала, взятые из религии, а также философии, использующей доводы разума, - без этого, они полагают, само по себе исследование истинного счастья будет слабым и бессильным. Эти начала такого рода. Душа бессмертна и по благости Божией рождена для счастья, за добродетель и добрые дела назначена после этой жизни нам награда, а за гнусности - кара. Хотя это относится к религии, однако они считают, что к тому, чтобы поверить в это и признать, приведет разум.

Они безо всякого колебания провозглашают, что если устранить эти начала, то не сыскать такого глупца, который не понял бы, что всеми правдами и неправдами надобно стремиться к удовольствию; одного только следует ему опасаться: как бы меньшее удовольствие не помешало большему, и не стремился бы он к тому, за что расплачиваются страданиями. Ибо они говорят, что в высшей степени безумно стремиться к суровой, нелегкой добродетели и не только гнать от себя сладость жизни, но и по своей воле терпеть страдание, от которого не дождешься никакой пользы (ведь какая может быть польза, если после смерти ты ничего не получишь, а всю эту жизнь проведешь бессластно, то есть несчастно).

Ныне же они полагают, что счастье заключается не во всяком удовольствии, но в честном и добропорядочном. Ибо к нему, как к высшему благу, влечет нашу природу сама добродетель, в которой одной только и полагает счастье противоположная группа. Ведь они определяют добродетель как жизнь в соответствии с природой, и к этому нас предназначил Бог. В том, к чему надлежит стремиться и чего избегать, надобно следовать тому влечению природы, которое повинуется разуму.

С другой стороны, разум возжигает у смертных, во-первых, любовь и почитание величия Божьего, которому мы обязаны и тем, что существуем, и тем, что способны обладать счастьем; во-вторых, он наставляет нас и побуждает, чтобы и сами мы жили в наименьшей тревоге и наибольшей радости, и прочим всем помогали по природному с ними братству достичь того же. Ведь никогда не было ни одного столь сурового и строгого поборника добродетели и ненавистника удовольствия, который указывал бы тебе на труды, бдения и скорбь и не повелевал бы также посильно облегчать бедность и тяготы других. И он считал бы достойным похвалы за человечность то, что человеку надлежит заботиться о благе и утешении человека, если человечнее всего смягчать горести других и, одолев печаль, возвращать их к приятности жизни, то есть к удовольствиям (нет никакой добродетели, свойственной человеку более этой). Если так, то почему природа не побуждает, чтобы каждый делал то же для себя самого? Ибо или же приятная жизнь дурна, то есть та, которая доставляет удовольствие; если так, то ты не только не должен никому помогать в ней, но изо всех сил должен отнимать ее у всех как вредную и смертоносную; или же тебе не только можно, но и должно склонять других к этой жизни как к хорошей; тогда почему бы не склонить тебе к этому прежде самого себя?

Тебе следует быть не менее милостивым к себе, чем к другим. Ведь когда природа внушает тебе быть добрым к другим, не велит она тебе, напротив, быть суровым и беспощадным к себе самому.

Следовательно, говорят они, приятную жизнь, то есть удовольствие как предел всех наших деяний, предписывает нам сама природа. Жить по ее предписанию - так определяют они добродетель.

И так как природа приглашает смертных помогать друг другу, чтобы жить веселее (это она делает совершенно справедливо, ибо никто не возвышается над участью рода человеческого настолько, чтобы природа пеклась лишь о нем одном; она равно благоволит ко всем, объединенным общим видом), она, разумеется, даже велит тебе следить, чтобы не пренебрегал ты своими выгодами, как не причиняешь ты невыгод другим.

Поэтому они считают, что надобно соблюдать не только договоры, заключенные между частными лицами, но и законы общества, которые опубликовал добрый правитель или же утвердил с общего согласия народ, не угнетенный тиранией и не обманутый хитростью законов о распределении жизненных удобств, то есть основы удовольствия. Соблюдать эти законы, заботясь о своей выгоде, - дело благоразумия; думать, кроме того, о выгоде общества - признак благочестия. Однако похищать чужое удовольствие, гоняясь за своим, - несправедливо. И, напротив, отнять что-нибудь у самого себя и отдать это другим - как раз долг человечности и доброты; этот долг никогда не забирает у нас столько, сколько возвращает нам назад. Ибо он вознаграждается обменом благодеяний, и само сознание благодеяния и воспоминание о любви и

благорасположении тех, кому ты сделал добро, приносит душе более удовольствия, чем было бы то телесное удовольствие, от которого ты удержался. Наконец (в этом легко убеждает нас, охотно соглашающихся с этим, религия), за краткое и малое удовольствие Бог отплачивает огромной и никогда не преходящей радостью. Поэтому, тщательно это обдумав и взвесив, утопийцы считают, что все наши деяния, среди них даже и сами добродетели, предполагают, что в конце ожидает их удовольствие и счастье.

Удовольствием они называют всякое движение и состояние тела и души, пребывая в которых под водительством природы, человек наслаждается. Они не случайно добавляют о природной склонности. Ибо по природе приятно все, к чему устремляется человек без посредства несправедливости, из-за чего не утрачивается иное, более приятное, то, за чем не следует страдание, чего домогается не только чувство, но и здравый смысл. **Существует удовольствие наперекор природе;** смертные в суетном единодушии своем воображают, что эти удовольствия сладостны (будто сами люди способны изменять предметы, равно как и их названия); утопийцы полагают, что все это несколько не ведет к счастью и чаще всего даже препятствует ему. Оттого что, в ком эти удовольствия однажды укоренились, у того не остается никакого места для истинной и подлинной радости, а душа его целиком занята ложным пониманием удовольствия. Ведь существует очень много такого, что по собственной своей природе не содержит ничего сладостного, и, напротив, в значительной части чего есть много горечи, однако, нечестивые желания соблазняют считать это не только наивысшим удовольствием, но даже числить среди наипервейших достоинств жизни.

Этот род подложных удовольствий испытывают, по мнению утопийцев, те, о ком я упомянул прежде: люди, которым кажется, что, **чем лучше на них платье, тем лучше они сами.** В этом одном они допускают две ошибки. Ибо не менее заблуждаются они, полагая, что их платье лучше, чем они сами. Если думать о полезности одежды, то почему шерсть из более тонкой пряжи превосходит более толстую? Однако же люди так вскидывают хохолок, будто они правы по природе, а не заблуждаются, и уверены, что их собственная цена от этого становится выше. Оттого они - словно более нарядное платье дает им правоту - домогаются почета, на который, одетые хуже, они не дерзнули бы и надеяться; если же на них не обращают внимания, они негодуют.

И еще: не указывает ли на ту же глупость стремление к пустым и никчемным почестям? Ибо какое естественное и подлинное удовольствие доставит тебе кто-либо, если он обнажит голову или преклонит колени? Разве это излечит боль в твоих коленях? Или избавит твою голову от безумия? Понимая так поддельное удовольствие, на удивление сладостно сумасбродствуют те, кто похваляется и кичится сознанием своей знатности, оттого что выпало им на долю родиться от предков, длинный ряд которых считался богатым, особенно землей (ведь только в этом ныне и заключается знатность); и не кажется им,

что они хоть на волос станут менее знатными, даже если предки ничего им не оставят или сами они растратят оставленное.

Сюда же утопийцы причисляют тех, которых, как я сказал, **плениют драгоценности и камушки**, которым кажется, что они чуть ли не боги, если получают они какой-нибудь отменный камень, особенно такого рода, который в это время в этой стране больше всего стоит, ибо ведь не у всех и не во всякое время ценят одно и то же. Но они покупают его только вынутым из золота, без оправы, и не раньше, чем продавец поклянется и заверит, что жемчуг и камень настоящие: так они тревожатся, чтобы не обманули их зрение поддельными вместо настоящих. Но почему тебе будет меньше радости от поддельного камня, чем от настоящего, если твой глаз их не различает? Честное слово, оба они должны быть тебе так же дороги, как и слепцу.

И те, которые **хранят излишние богатства, нисколько не пользуясь всей грудой**, но только наслаждаясь созерцанием ее, - получают они настоящее удовольствие или скорее тешат себя ложным удовольствием? Или же те, кто, страдая противоположным пороком, **прячет золото, которым никогда не воспользуется** и которое, возможно, никогда более не увидит? Боясь, как бы не потерять, они его теряют. Ибо разве это не так, если, лишив себя, а может быть, и всех смертных пользования золотом, ты предаешь его земле? Однако, зарыв сокровище, ты, успокоившись, ликуешь от радости. Если же кто-нибудь украдет его, и ты, не зная о краже, через десять лет умрешь, то все это десятилетие, которое ты прожил после того, как деньги утащили, какое тебе было дело до того, своровали их или же они целы?

К этим столь **нелепым утехам утопийцы добавляют игру в кости (об этом безумстве они знают по слуху, а не из опыта), кроме того, охоту и птицеводство**. Они спрашивают, в чем заключается удовольствие бросать кости на доску. Ты делал это столько раз, что если и было в этом какое-нибудь удовольствие, то от частого повторения мог бы насытиться. Или какая может быть сладость в слушании того, как лают и воют собаки? Скорее уж отвращение. Или чувство удовольствия больше, когда собака гонится за зайцем, чем когда собака - за собакой? Ведь в обоих случаях происходит одно и то же - бегут, если радуется тебе бег.

Если притягивает тебя надежда на убийство, ожидание травли, которая произойдет на твоих глазах, то вид того, как собака раздирает зайчонка, слабого - более сильный, трусливого и робкого - свирепый, наконец, невинного - жестокий, вид этого скорее должен вызывать сострадание. Поэтому все это занятие охотой как дело, не достойное свободных людей, утопийцы перебрали мясникам (выше мы уже сказали, что это ремесло возложено у них на рабов). Утопийцы **полагают, что охота - это самая низкая часть дела мясников**, прочие части этого занятия почетнее и полезнее, поскольку они гораздо более выгодны и губят животных только в силу необходимости; охотник же ищет в убийстве и травле несчастного зверька исключительно только удо-

вольствие. Утопийцы считают, что неодолимое желание видеть смерть, хотя бы даже зверей, **возникает от жестокости души или при постоянном испытывании этого свирепого удовольствия, что в конце концов приводит к ожесточению.**

Несмотря на то, что это и все такого рода вещи, а их неисчислимо множество, обычно люди считают удовольствием, утопийцы, однако, разумеется, полагают, что так как по природе в этом нет ничего приятного, то к истинному удовольствию это не имеет никакого отношения. Ибо то, что в общем это наполняет чувства приятностью (это люди и принимают за удовольствие), нисколько не понуждает утопийцев отступить от своего мнения. Ибо причина этого не в природе самого дела, а в извращенной привычке людей. Из-за этого порока получается, что горькое люди принимают за сладкое. Подобно тому, как беременные женщины по испорченному своему вкусу полагают, что смола и сало слаще меда. Ничье, однако, суждение, искаженное болезнью или привычкой, не может изменить ни природу других вещей, ни природу удовольствия.

Утопийцы считают, что существуют различные виды удовольствий, которые они и признают истинными. Одними они наделяют дух, другими - тело. **Духу они приписывают понимание и ту сладость, которую порождает созерцание истины.** Сюда же относится приятная память о хорошо прожитой жизни и несомненная надежда на будущее благо.

Телесные удовольствия они делят на два рода, из которых первый тот, который наполняет чувство заметной приятностью, что бывает при восстановлении тех частей, которые исчерпал пребывающий внутри нас жар. И это возмещается едой и питьем; другой род удовольствия - в удалении того, чем тело переполнено в избытке. Это случается, когда мы очищаем утробу испражнениями, когда прилагаются усилия для рождения детей или когда, потирая и почесывая, мы успокаиваем зуд какой-нибудь части тела.

Иногда же удовольствие возникает, не давая того, что желают наши члены, не избавляет их от страдания; однако, это удовольствие щекошет и трогает наши чувства, привлекает к себе какой-то скрытой силой, но заметным действием. **Такое удовольствие люди получают от музыки.**

Другой род телесного удовольствия, считают они, тот, который заключается в спокойном и безмятежном состоянии тела, то есть у каждого это, конечно, здоровье, не испорченное никакой болезнью. Действительно, если человека не одолевает никакое страдание, то здоровье радуется само по себе, даже если и не присутствует здесь никакое удовольствие, полученное извне. Хотя это менее заметно и менее дает чувству, чем ненасытимое желание есть и пить, однако, тем не менее, многие считают, **что здоровье - величайшее удовольствие; почти все утопийцы полагают, что это - великое удовольствие,** а также как бы основание и опора всего, что только могут дать спокойные и желанные условия жизни; когда же нет здоровья, то не остается совсем ника-

кого места для какого бы то ни было удовольствия. Ибо отсутствие боли, если при этом нет здоровья, они называют скорее оцепенением, а не удовольствием.

Уже давно утопийцы после усердного обсуждения отвергли мнение тех, кто не считал, что надобно видеть удовольствие в прочном и нерушимом здоровье; они говорили, что если это удовольствие существует, то его можно почувствовать только разве при каком-нибудь движении извне. Ныне же, напротив, почти все утопийцы сошлись на том, что здоровье для удовольствия важнее всего. Они говорят, что если болезни присуще страдание, которое столь же непримиримо враждебно удовольствию, сколь, наоборот, болезнь враждебна здоровью, то почему в свой черед нерушимое здоровье не может содержать в себе удовольствия? Они полагают, что здесь совсем не важно сказать, является ли болезнь страданием или страдание присуще болезни - в обоих случаях получается одно и то же. Ведь если здоровье и есть само удовольствие или если оно необходимым образом порождает удовольствие, как огонь создает жар, то, конечно, в обоих случаях получается, что удовольствие не может отсутствовать у тех, кто обладает крепким здоровьем.

Кроме того, утопийцы говорят: что иное происходит во время нашей еды, как не борьба здоровья, которое начинает ухудшаться, против голода? (При этом пища здесь - соратник по оружию.) Пока здоровье в этой борьбе понемногу становится крепче, этот успех доводит до обычной силы удовольствие, которое так нас ободряет. Неужели здоровье, которое веселит борьба, не станет радоваться, одержав победу? Разве оно оцепенеет, счастливо обретя прежнюю силу, которой одной только оно и домогалось на протяжении всей борьбы? Разве не познает оно своих благ, не оценит их? Ибо утопийцы думают, что высказывание, будто здоровье нельзя почувствовать, очень далеко от истины. Кто, спрашивают они, бодрствуя, не чувствует себя здоровым, если он и впрямь здоров? На кого оцепенение или летаргия действуют так, что он не признает, сколь сладостно и приятно ему здоровье? И что есть сладость, как не иное название удовольствия?

Духовные удовольствия утопийцы ценят более (они считают их первыми и самыми главными). Важнейшая часть их, полагают они, происходит из упражнений в добродетели и из сознания благой жизни. Из тех удовольствий, которые доставляет тело, пальму первенства они отдают здоровью. Ибо к радостям еды, питья- всего, что только может таким образом порадовать, полагают они, надобно стремиться, но только для здоровья. Ибо все это приятно не само по себе, но оттого, что оно противостоит тайком подкрадывающемуся недугу. Как мудрецу более приличествует избегать болезней, чем желать иметь от них снадобья, скорее надобно прогонять страдания, чем искать облегчения от них, так и утопийцы думают, что предпочтительнее не нуждаться в удовольствиях такого рода, чем утешаться ими.

Если кто-нибудь полагает, что он испытывает подобное блаженство, то ему необходимо признать, что он лишь тогда обретает наибольшее счастье, когда выпадает ему на долю проводить жизнь в постоянном голоде, жажде, зуде, еде, питии, чесании и потирании. Кто, однако, не видит, что такая жизнь не только отвратительна, но и жалка? Конечно, эти удовольствия как наименее подлинные, из всех самые низкие, и они никогда не появляются иначе, как вкупе с противоположными страданиями. Ибо с удовольствием от еды связан голод, да и не в равной мере. Ибо страдание как сильнее, так и продолжительнее. Возникает оно прежде удовольствия и не исчезает до той поры, пока не умрет вместе с ним и удовольствие.

Так вот утопийцы полагают, что подобного рода удовольствия не надобно высоко ставить, если только не вынудит к ним необходимость. Однако утопийцы радуются им и с благодарностью признают милость матери-природы, которая с наиневнейшей сладостью склоняет свое потомство даже к тому, что надобно делать по необходимости и постоянно. Ведь с каким отвращением пришлось бы жить, если как и прочие хвори, которые беспокоят нас реже, так и ежедневные недомогания из-за голода и жажды надобно было бы нам прогонять ядами и горькими снадобьями?

Утопийцы **охотно сохраняют красоту, силу, проворство** - эти особые и приятные дары природы. Более того, те удовольствия, которые воспринимаются с помощью ушей, глаз, носа, которые природа пожелала дать человеку как его свойства и особенности (ибо нет другого рода живых существ, которых трогает вид и красота мира или же волнуют запахи - у прочих это бывает только разве для того, чтобы распознать пищу; и не ведают они отличия со звучных друг с другом или разных звуков) - все это, говорю я, утопийцы признают за некую приятную приправу жизни. Во всем этом у них есть такое ограничение: меньшее удовольствие не должно мешать большему, а также порождать когда-нибудь страдание, которое - они считают - неизбежно наступит, если удовольствие бесчестно.

И они полагают, что **презирать красоту, ослаблять силы, обращать проворство в лень, истощать тело постами, причинять вред здоровью и отвергать прочие благодеяния природы в высшей степени безумно, жестоко по отношению к себе и чрезвычайно неблагодарно по отношению к природе.** Это значит отвергать свои обязательства перед ней, отклонять все ее дары. Разве только кто-нибудь, пренебрегая своими выгодами, станет более пылко печься о других людях и об обществе, ожидая взамен этого своего труда от Бога большего удовольствия. В ином случае это значит сокрушать самого себя из-за пустого призрака добродетели безо всякой пользы для кого-либо или для того, чтобы быть в силах менее тягостно переносить беды, которые, возможно, никогда не произойдут.

Таково их суждение о добродетели и удовольствии. **Они верят, что если религия, ниспосланная с небес, не внушит человеку чего-либо более свято-**

го, то с помощью человеческого разума нельзя выискать ничего более верного. Разбирать, правильно они об этом думают или нет, нам не позволяет время, да и нет в этом необходимости. Ведь мы взяли только рассказать об их устоях, а не защищать их.

Впрочем, я точно убежден, что каким бы ни были их уложения, нигде больше нет лучшего народа, нигде нет более счастливого государства. Телом они проворны и крепки, сил у них больше, чем можно ожидать, судя по их росту, хотя и он, однако же, не маленький. Несмотря на то, что земля у них не везде плодородна и климат недостаточно здоров, против плохой погоды они укрепляют себя умеренностью в пище, поля же исцеляют трудолюбием. Так что ни у какого другого народа нет большего плодородия и приплода скота, нет людей, более сильных, подверженных меньшему числу болезней. Ты можешь там наблюдать не только то, что обычно тщательно выполняют земледельцы, когда земле, плохой от природы, помогают они своим искусством и трудом, но увидишь, что люди вручную выкорчевывают лес в одном месте и насаждают его в другом. При этом их заботит не плодородие, а удобство перевозки: чтобы дрова были ближе к морю, рекам или же к самим городам. Ведь по земле на большое расстояние проще доставлять хлеб, чем дрова.

Народ легкий и веселый, затейливый, любящий досуг, а когда это необходимо, достаточно привычный к труду. Впрочем, в иных отношениях они не слишком стремительны. Зато в умственных занятиях неутомимы.

Когда они услышали от нас о греческой литературе и науках (ибо в латинской, казалось им, не было ничего, заслуживающего большого одобрения, за исключением истории и поэтов), удивительно, с каким рвением пожелали они, чтоб дозволили им это изучать в нашем истолковании.

Поэтому мы начали читать скорее для того, чтобы не казалось, будто мы отказываемся от работы чем надеясь на какой-либо успех. Но как только мы немного продвинулись, так их усердие тотчас показало, что нам не предстоит тратить свое усердие впустую. Они принялись весьма легко изображать буквы и очень ловко произносить слова, весьма быстро запоминать их, стали так верно переводить, что нам это казалось чудом. Если только не считать, что большая часть тех, кто принялся за учение, воспылали к нему не только по одной своей воле, но и по приказу сената. Это были люди из числа учеников редкостных дарований и зрелого возраста. Поэтому менее чем через три года в языке не осталось для них ничего трудного; они стремились узнать и беспрепятственно читали хороших писателей, если только не мешали этому погрешности в книге.

Я, право, также предполагаю, что они легко овладели этой наукой оттого, что она им несколько сродни. Ибо я подозреваю, что этот народ ведет свое происхождение от греков: потому что их язык, в прочем почти персидский, хранит некоторые следы греческого в названиях городов и должностных лиц. Я привез им многие сочинения Платона, еще больше Аристотеля, а также кни-

гу Теофраста о растениях - жаль, что она в очень многих местах была испорчена. (Собираясь в плавание в четвертый раз, я взял на корабль вместо товаров довольно большой тюк книг, потому что твердо решил лучше не возвратиться никогда, чем возвратиться скоро.)

Пока мы плыли, книга Теофраста, оставленная по нерадивости, попалась церопитеку, который, веселясь и играя, вырвал из разных мест несколько страниц и разодрал их. Из тех, кто писал грамматики, у них есть только Ласкарис, ибо Федора я с собой не привозил, так же как не взял я ни одного словаря, кроме Гесихия и Диоскорида.

Утопийцы очень любят книжечки Плутарха, увлекают их также насмешки и шутки Лукиана. Из поэтов у них есть Аристофан, Гомер, а также Еврипид, затем Софокл, напечатанный Альдовым минускулом. Из историков - Фукидид и Геродот, есть и Геродиан.

Более того, из книг по медицине мой сотоварищ Триций Апинат привез с собой несколько небольших сочинений Гиппократ и "Малое искусство" Галена. Эти книги у них в большой цене. Несмотря на то, что изо всех народов утопийцы нуждаются в медицине менее всего, нигде, однако, не пребывает она в большем почете, хотя бы по той причине, что **знание ее они числят среди прекраснейших и полезнейших сторон философии. Когда с помощью этой философии исследуют они тайны природы, им кажется, что они не только получают удовольствие, но и входят в величайшую милость ее Творца и Создателя.**

Они полагают, что по обыкновению прочих мастеров Он выложил устройство мира сего перед человеком для рассмотрения и созерцания (одного только человека Он и создал способным к этому). **Потому Ему милее радивый и внимательный наблюдатель, ревнитель Его творений, чем тот, кто, наподобие животного, слабого умом, глупо и тупо пренебрегает столь великим и необыкновенным зрелищем.**

Оттого умы утопийцев, изоощренные в науках, удивительно способны к изобретению искусств, которые сколько-нибудь помогают сделать жизнь удобнее и лучше. Однако двумя вещами они обязаны нам: книгопечатанием и изготовлением бумаги; хотя этим - не только нам, но в большой мере также и себе. Ибо когда показали мы им буквы, напечатанные Альдом в бумажных книгах, и рассказали о том, из чего изготавливается бумага, о возможности печатать буквы, то могли мы не более чем поведать обо всем этом, потому что никто из нас не знал толка ни в том, ни в другом. Они тотчас сами весьма сообразительно догадались, в чем дело.

Прежде они писали только на пергаменте, на коре и папирусе, а теперь попробовали изготавливать бумагу и печатать буквы. Сначала это не очень им удавалось, но после весьма усердных занятий, вскоре они успели и в том, и в другом деле и добились того, что, будь у них греческие книги, в копиях недостатка не было бы. И ныне имеется у них не более того, что я упомянул, но, печатая

тая книги, они распространили то, что у них есть, во многих тысячах копий. Они доброжелательно принимают каждого, кто приезжает к ним посмотреть, если отмечен он каким-нибудь даром или же знанием многих земель, которое приобрёл во многих странствованиях (поэтому им было приятно, что мы туда приплыли). Ибо они охотно слушают, что делается повсюду на земле. Впрочем, ради торговли причаливают к ним не очень часто. Ведь что к ним привозить, кроме железа, золота или серебра, которые каждый предпочитает получить от них! То, что надобно от них вывозить, они считают разумнее вывозить самим, чем давать это делать другим. Они полагают, что так они лучше узнают другие народы, живущие вокруг них, и не забудут своего навыка и умения в мореплавании".

Охватив следующую часть книги, Оиула заметила, что чтение и диалог прошли очень быстро, почти совсем не затратив времени.

Оид поднял руку. Окно созерцания, сняв туманное покрывало, открыло очередное информационное сообщение.

Группа жителей Амаурота готовится в путешествие.

Появилась фигура, похожая на представителя города, но одежда, сковывающая движения, подсказала Оиуле, что это и есть раб, о которых говорилось в книге.

Воссоздав энергетическую капсулу, раб встал у пульта управления и пригласил пассажиров. Капсула, блеснув искрой, исчезла из глаз.

- Желание познать новые миры или тяга к наукам, часто влекут таких искателей в путешествие. Они свободны в своих действиях, так как это их путь развития. Держать таких на одном месте нельзя, это противоречит закону движения энергии. Мир вечности живет в постоянном гармоническом движении по восходящей. И если кто-то обгоняет собратьев, ему открывают дорогу, точнее, он сам ее пробивает. Дочка, давай воспользуемся окном созерцания и заглянем в твой мир.

Развернулось время событий: проводы усопшей, слезы, горе расставания детей. Печаль матери. Прошел год. Родственники собрались отметить печальную дату. Посещение могилы усопшей.

Окно созерцания скользнуло в информационном поле и показало отрезок из мира вечности. Молодая радостная мать собирается в гости. Транспортная капсула, окутав путешественницу, моментально перенесла ее легкое энергетическое тело по каналу, связывающему с земным прахом. Обняв детей и близких своей тонкой энергией любви и ласки, мать погасила тоску и горе детей.

Дети преобразились. Гнетущая тяжесть разлуки и тоска ушли вслед за легким вздохом. Они положили обед, принесенный для матери. Приняла она гостинец из их рук, впитала своим новым телом такие знакомые и желанные ароматы. Погладила цветы, положенные на могилу, согрела и обняла детей. Как

показать им все прелести вечности, как сказать, что ей хорошо, как научить слышать и видеть? Они всему научатся, но сейчас еще рано.

Окно созерцания показывает дальше.

Вот и поминки. Грустная картина. Мать радуется встрече. Нет у нее уже печали, она знает быстротечность времени. Дети же в тоске.

В день памяти эти два потока энергий выравниваются. Человек земли, помянув близкого, получает облегчение "как будто встретился" с тем, о ком так тосковал.

А семья вечности встречала свою путешественницу.

Оиула задумалась: **"Как рассказать тебе, Землянин, что вся Вселенная - одна большая семья? Ты в этой семье самый маленький и самый любимый ребенок. Как убережешь тебя от той смерти, которую несет с собой зло?"**

Душа девушки кричала: "КАК...?"

Окно созерцания перевело свое внимание на Амаурот.

Успокоившись, Оиула спросила:

- Почему окно созерцания так свободно может заглянуть в мир другого уровня?

- Потому, милая, что этот уровень находится в зоне их хозяйств. Ты недавно разбирала количество хозяйств, и в счет вошли и зоны первого уровня. Они прекрасно знают эти миры. В книге есть момент, где идет описание гостей в ярких блестящих нарядах, щедро украшенных золотом. Вот эти гости и прибыли из первого уровня. В каждом измерении свои энергии и свои ценности. Обрати внимание, когда говорится, что маленькие дети еще носятся с золотыми украшениями, в то время как в мире взрослых золото является тоном дурного вкуса. Для этого уровня этот металл так тяжел, что из него делают оковы и цепи для рабов. Дети же, выходцы из планет, они помнят блеск золота. Это говорит о том, что и на планетах второго уровня народ ценит этот металл.

Есть и еще один момент, когда говорится о том, что утопийцы свободно собирают на берегах жемчуг, и на скалах свободно находят алмазы и рубины. Это может многое сказать о строении планет этого уровня. Но вернемся к окну созерцания.

Стремительный вихрь, взявший свое начало от слов Оида, скользнул вниз. Для обозрения открылось огромное пространство. Бесконечное множество народа поразило девушку. Она не могла понять видение. Разноликий красивый народ заполнял всю зону, отведенную под хозяйства. Те, которые находились ближе, были очень большие. Их тела охватывали все содержимое хозяйств.

- Это тринаборы или протофелархи, - пояснил Томас, следя за ходом мыслей сестры.

В это время уровень большого народа ушел вверх над сидящими, образовав прозрачную матрешку. На его месте возникли многослойные яруса народов,

населявших хозяйства. Окно созерцания спускалось вниз по конусу. Постепенно уменьшались дома - дворцы, и мельче становился народ.

Высветился первый уровень хозяйства, занимающего квадратную площадь. На каждом углу расположились прекрасные дворцы. Четыре хозяина и четыре хозяйки - сифогранты содержали в своей энергетической капсуле тела своих детей и работников. Все были красивы и жизнерадостны. Каждый выполнял свою работу.

Оиула засмеялась.

- Так работать можно целую вечность.

Звуки прекрасной мелодии сопровождали движение энергетических потоков. Два вихря - два раба, выполняли всю работу, связанную с подачей энергии, выполняющей функцию воды или огня, транспортировкой готовой шерсти, льна, мяса, фруктов в город. Все это было в энергетических потоках.

Город, в свою очередь, подавал все энергии света необходимые для хозяйств. Роль многочисленного народа заключалась в том, чтобы своим разумом дать команду рабу с указанием направления того или иного диапазона энергии. Так создавались неповторимые сады прекрасных роз, ароматы которых благоухали в городе, или направлялись энергетические потоки, подобные лучшей шерсти. Из них будет создаваться одежда. Добавляя в эти изделия

свою любовь и талант, каждый создавал неповторимую гамму энергетических потоков, стремящихся в город - к Звезде.

В каждом хозяйстве есть огороды, которые размещаются на планетах. Все необходимое для огорода дает город в потоках, идущих от Звезды. Обратные энергетические потоки несут все, что требуется для астрального мира.

- Нам кажется, что безбрежный океан Вселенной пуст. На самом деле все эти огромные простран-

ства чье - то тело. Живя на Земле, даже не предполагаем, что мы копошимся как маленькие микробы в чьем - то теле. В первую очередь это тело матушки Земли. Но она выполняет роль самой большой матрешки нашей планеты. Внутри у нее размещается еще девять миров или девять уровней, которые трудятся над созданием тела планеты. Человек же - дитя Земли и маленький ребенок Вселенной. Я права?

- Ты правильно поняла, дочка. Давайте познакомимся с тем, как Платон объясняет многоярусный мир в диалоге "Федон".

Голограмма высветила текст из книги Платона:

"...- А теперь, друзья, - продолжал Сократ, - правильно было бы поразмыслить еще вот над чем. Если душа бессмертна, она требует заботы не только на нынешнее время, которое мы называем своей жизнью, но на все времена, и, если кто не заботится о своей душе, впредь мы будем считать это грозной опасностью. Если бы смерть была концом всему, она была бы счастливой находкой для дурных людей: скончавшись, они разом избавились бы и от тела, и - вместе с душой - от собственной порочности. Но на самом деле, раз выяснилось, что душа бессмертна, для нее нет, видно, иного прибежища и спасения от бедствий, кроме единственного: стать как можно лучше и как можно разумнее. Ведь душа не уносит с собою в Аид ничего, кроме воспитания и образа жизни, и они-то, говорят, доставляют умершему либо неопределимую пользу, либо чинят непоправимый вред с самого начала его пути в загробный мир.

Рассказывают об этом так. Когда человек умирает, его гений (сопровождающий), который достался ему на долю еще при жизни, уводит умершего в особое место, где все, пройдя суд, должны собраться, чтобы отправится в Аид с тем вожатым, какому поручено доставить их отсюда туда. Обретя там) участь, какую и должно, и пробывши в срок, какой должны пробыть, они возвращаются сюда под водительством другого вожатого, и так повторяется вновь и вновь через долгие промежутки времени. Но путь их, конечно, не таков, каким его изображает Телеф у Эсхила. Он говорит, что дорога в Аид проста, но мне она представляется и не простою и не единственною: ведь тогда не было бы нужды в вожатых, потому что никто не мог бы сбиться, будь она единственной эта дорога. Нет, похоже, что на ней много распутий и перекрестков: я сужу по священным обрядам и обычаям, которые соблюдаются здесь у вас.

Если душа умеренна и разумна, она послушно следует за вожатым, и то, что окружает ее, ей знакомо. А душа, которая страстно привязана к телу, как я уже говорил раньше, долго витает около него - около видимого места, долго упорствует и много страдает, пока наконец, приставленный к ней гений, силою не уведет ее прочь. Но остальные души, когда она к ним присоединится, все отворачиваются и бегут от нее, не желают быть ей ни спутниками, ни вожатыми, если окажется, что она нечиста, замарана несправедливым убийством или иным каким-либо из деяний, которые совершают подобные души. И блуждает она одна во всяческой нужде и стенании, пока не исполнятся времена, по прошествии коих она силою необходимости водворяется в обиталище, коего заслуживает. А души, которые, проведя свою жизнь в чистоте и воздержности, находят и спутников, и вожатых среди богов, и каждая поселяется в подобающем ей месте. **А на Земле, как меня убедили, есть много удиви-**

тельных мест и она совсем иная, чем думают те, кто привык рассуждать о ее размерах и свойствах.

Тут Симмий прервал его:

- Как это Сократ? Я ведь и сам много слышал о Земле, но не знаю, в чем ты убедился, и охотно послушал бы тебя. - Видишь ли, Симмий, просто пересказать, что и как, - для этого, на мой взгляд, мне теперь, верно, не хватило бы и жизни на такой длинный разговор. Каков, однако ж, по моему убеждению, вид Земли и каковы ее области, я могу описать: тут никаких препятствий нет.

- Прекрасно! - воскликнул Симмий. - С нас и этого хватит!

- Вот в чем я убедился. Во-первых, если Земля круга и находится посреди неба, она не нуждается ни в воздухе, ни в иной какой-либо подобной силе, которая удерживала бы ее от падения, - для этого достаточно однородности неба повсюду и собственного равновесия Земли, ибо однородное, находящееся в равновесии тело, **помещенное посреди однородного вместилища, не может склониться ни в ту ни в иную сторону, но останется однородным и неподвижным.** Это первое, в чем я убедился.

- И правильно, - сказал Симмий

- Далее, я убедился, что Земля очень великая и что мы, занимаем лишь малую частицу; мы теснимся вокруг нашего моря, словно муравьи или лягушки вокруг болота, и многие другие народы живут во многих иных местах, сходных с нашими. Да, ибо повсюду по Земле есть множество впадин, различных по виду и по величине, куда стекались вода, туман и воздух. Но сама Земля покоится чистая в чистом небе со звездами - большинство, рассуждающих об этом, обычно называют это небо эфиром. Осадки с него стекают постоянно во впадины Земли в виде тумана, воды и воздуха.

А мы, обитающие в ее впадинах, об этом и не догадываемся, но думаем, будто живем на самой поверхности Земли, все равно как если бы кто, обитая на дне моря, воображал, будто живет на поверхности, и, видя сквозь воду Солнце и звезды, море считал бы небом. Из-за медлительности своей и слабости он никогда бы не достиг поверхности, никогда бы не вынырнул и не поднял голову над водой, чтобы увидеть, насколько чище и прекраснее здесь, у нас, чем в его краях, и даже не услышал бы об этом ни от кого другого, кто это видел.

В таком же точно положении находимся и мы: **мы живем в одной из земных впадин, а думаем, будто находимся на поверхности,** и воздух зовем небом в уверенности, что в этом небе движутся звезды. А все оттого, что, по слабости своей и медлительности, мы не можем достигнуть крайнего рубежа воздуха. Но если бы кто-нибудь все-таки добрался до края или же сделался крылатым и взлетел ввысь, то, словно рабы здесь, у нас, которые высовывают головы из моря и видят этот наш мир. И если бы по природе своей он был способен вынести это зрелище, он узнал бы, что впервые видит истинное небо, истинный свет и истинную Землю. А наша Земля, и ее камни, и все наши местности раз-

мыты и изъедены, точно морские утесы, разъеденные солью. Ничто достойное внимания в море не родится, ничто, можно сказать, не достигнет совершенства, а где и есть земля - там лишь растрескавшиеся скалы, песок, нескончаемый ил и грязь - одним словом, там нет решительно ничего, что можно было бы сравнить с красотами наших мест. И еще куда больше отличается видимо, тот мир от нашего! Если только уместно сейчас пересказать миф, стоило бы послушать, Симмий, каково то, что находится на Земле, под самыми небесами.

- Ну, конечно, Сократ,- отвечал Симмий,- мы были бы рады услышать этот миф.

- Итак, друг, рассказывают прежде всего, что та **Земля, если взглянуть на нее сверху, похожа на мяч, сшитый из двенадцати кусков кожи и пестро расписанный разными цветами.** Краски, которыми пользуются наши живописцы, могут служить образчиками этих цветов, но там вся Земля играет такими красками, и даже куда более яркими и чистыми. В одном месте она пурпурная и дивно прекрасная, в другом золотистая, в третьем белая - белее снега и алебаstra; и остальные цвета, из которых она складывается, такие же, только там их больше числом и они прекраснее всего, что мы видим здесь. И даже самые ее впадины, хоть и наполненные водою и воздухом, окрашены по-своему и ярко блещут пестротой красок, так что лик ее представляется единым, целостным и вместе нескончаемо разнообразным.

Вот какова она, и, подобные ей самой, **вырастают на ней деревья и цветы, созревают плоды, и горы сложены по ее подобию, и камни - они гладкие, прозрачные и красивого цвета. Их обломки - это те самые камешки, которые так ценим мы здесь:** наши сердолики, и яшмы, и смарагды, и все прочие подобного рода. А там любой камень такой или еще лучше. Причиною этому то, что тамошние камни чисты, неизъедены и неиспорчены - в отличие от наших, которые разъедает гниль и соль из осадков, стекающих в наши впадины: они приносят уродства и болезни камням и почве, животным и растениям.

Всеми этими красотами изукрашена та Земля, а еще - золотом и серебром, и прочими дорогими металлами. Они лежат на виду, разбросанные повсюду в изобилии, и счастливы те, кому открыто это зрелище.

Среди многих живых существ, которые ее населяют, **есть и люди: одни живут в глубине суши, другие - по краю воздуха, как мы селимся по берегу моря, третьи - на островах, омываемых воздухом, недалеко от материка. Короче говоря, что для нас и для нужд нашей жизни вода, море, то для них воздух, а что для нас воздух, для них - эфир.** Зной и прохлада так у них сочетаются, что эти люди никогда не болеют и живут дольше нашего. И зрением, и слухом, и разумом, и всем остальным они отличаются от нас настолько же, насколько воздух отличен чистотою от воды или эфир - от воздуха. **Есть у них и храмы, и священные рощи богов, и боги действительно обитают в этих святилищах и через знамения, вещания, видения общаются с людьми. И**

люди видят Солнце и Луну, и звезды такими, каковы они на самом деле. И спутник всего этого - полное блаженство.

Такова природа той Земли в целом и того, что ее окружает. Но во впадинах по всей Земле есть много мест, то еще более глубоких и открытых, чем впадина, в которой живем мы, то хоть и глубоких, но со входом более тесным, чем зев нашей впадины. А есть и менее глубокие, но более пространные. Все они связаны друг с другом подземными ходами разной ширины, идущими в разных направлениях, так что обильные воды переливаются из одних впадин в другие, словно из чаши в чашу, и под землю текут неиссякающие, невероятной ширины реки - горячие и холодные. И огонь под землю в изобилии, и струятся громадные огненные реки и реки мокрой грязи, где более густой, где более жидкой, вроде грязевых потоков в Сицилии, какие бывают перед извержением лавы, или вроде самой лавы. Эти реки заполняют каждое из углублений, и каждая из них в свою очередь всякий раз принимает все новые потоки воды или огня, которые движутся то вверх, то вниз, словно какие-то колебания происходят в недрах. Природа этого колебания вот примерно такая. Один из зевов Земли - самый большой из всех; там начало пропасти, пронизывающей всю Землю насквозь, и об этом упоминает Гомер, говоря:

"Пропасть далекая, где под землею глубочайшая бездна".

И сам Гомер в другом месте, и многие другие поэты называют ее Тартаром. В эту пропасть стекают все реки, и в ней снова берут начало, и каждая приобретает свойства земли, по которой течет. Причина, по которой все они вытекают из Тартара и туда же впадают, в том, что у всей этой влаги нет ни дна, ни основания и она колеблется - вздымается и опускается, а вместе с нею и окутывающие ее воздух и ветер: они следуют за влагой, куда бы она ни двинулась, - в дальний ли конец той Земли или в ближний. **И как при дыхании воздух все время течет то в одном, то в другом направлении, так и там ветер колеблется вместе с влагой и то врывается в какое-нибудь место, то вырывается из него, вызывая чудовищной силы вихри.**

Когда вода отступает в ту область, которую мы зовем нижнею, она течет сквозь землю по руслам тамошних рек и наполняет их, словно оросительные каналы; а когда уходит оттуда и устремляется сюда, то снова наполняет здешние реки, и они бегут подземными протоками, каждая к тому месту, куда проложила себе путь, и образуют моря и озера, дают начало рекам и ключам. А потом они снова исчезают в глубине той Земли и возвращаются в Тартар: иная - более долгой дорогою, через многие и отдельные края, иная - более короткой. И всегда устье лежит ниже истока: иногда гораздо ниже высоты, на которую вода поднималась при разливе, иногда ненамного. Иной раз исток и устье на противоположных сторонах, а иной раз - по одну сторону от середины той Земли. А есть и такие потоки, что описывают полный круг, обвившись

вокруг той Земли кольцом или даже несколькими кольцами, точно змеи; они спускаются в самую большую глубину, какая только возможна, **но впадают все в тот же Тартар**. Спуститься же в любом из направлений можно только до середины Земли, но не дальше: ведь откуда бы ни текла река, с обеих сторон от середины местность для нее пойдет круто вверх.

Этих рек многое множество, они велики и разнообразны, но особо примечательны среди них четыре. Самая большая из всех и самая далекая от середины течет по кругу; она зовется Океаном. Навстречу ей, но по другую сторону от центра течет Ахеронт. Он течет по многим пустынным местностям, главным образом под землей, и заканчивается озером Ахирусиадой. **Туда приходят души большинства умерших и, пробив назначенный судьбою срок - какая больший, какая меньший, - отсылаются назад, чтобы снова перейти в породу живых существ.**

Третья река берет начало между двумя первыми и вскоре достигает обширного места, пылающего жарким огнем, и образует озеро, где бурлит вода с илом, размерами больше нашего мира. Дальше она бежит по кругу, мутная и илистая, опоясывая ту Землю, и подходит вплотную к краю озера Ахерусиады, но не смешивается с его водами. Описав под землю еще много кругов, она впадает в нижнюю часть Тартара. Имя этой реки - Пирифлегетон, **и она изрыгает наружу брызги своей лавы повсюду, где коснется земной поверхности.**

В противоположном от нее направлении берет начало четвертая река, которая сперва течет по местам, как говорят диким и страшным, иссиня-черного цвета; их называют Стигийскою страной, и озеро, которое образует река, зовется Стикс. Впадая в него, воды реки приобретают грозную силу и катятся под землю дальше, описывая круг в направлении, обратном Пирифлегетонту, и подступают к озеру Ахерусиаде с противоположного края. Они тоже нигде не смешиваются с чужими водами и тоже, опоясав землю кольцом, вливаются в Тартар - напротив Парифлегетонта. Имя этой реки, по словам поэтов, Кокит.

Вот как все это устроено.

Когда умершие являются в то место, куда уводит каждого его гений, **первым делом надо всеми чинится суд** - и над теми, кто прожил жизнь прекрасно и благочестиво, и над теми, кто жил иначе. О ком решат, что они держались середины, те отправляются к Ахаронту - всходят на ладьи, которые их ждут, и на них приплывают на озеро. Там они обитают и, очищаясь от провинностей, какие кто совершил при жизни, несут наказания и получают освобождение от вины, а за добрые дела получают воздаяния - каждый по заслугам.

Тех, кого по тяжести преступлений сочтут неисправимыми (это либо сятотатцы, часто и помногу грабившие в храмах, либо убийцы, многих погубившие

вопреки справедливости и закону, либо иные схожие с ними злодеи), - тех подбавляющая им судьба низвергает в Тартар, откуда им уже никогда не выйти.

- А если о ком решат, что они совершили преступления тяжкие, но все же искупимые - например, в гневе подняли руки на отца или на мать, а потом раскаивались всю жизнь, либо стали убийцами при сходных обстоятельствах, - те, хотя и должны быть ввергнуты в Тартар, однако по прошествии года волны выносят человекоубийц в Кокит, а отцеубийц и материубийц - в Пирифлегетон. И когда они оказываются близ берегов озера Ахерусиады, они кричат и зовут, одни - тех, кого убили, другие - тех, кому нанесли обиду, и молят, заклинают, чтобы они позволили им выйти к озеру и приняли их. И если те склонятся на их мольбы, они выходят, и бедствиям их настанет конец, а если нет - их снова уносит в Тартар, а оттуда - в реки, так они страдают до тех пор, пока не вымолят прощения у своих жертв: в этом состоит их кара, назначенная судьями. **И наконец, те, о ком решат, что она прожила жизнь особенно свято: их освобождают и избавляют от заключения в земных недрах, и они проходят в страну высшей чистоты, находящуюся над той Землею, и там поселятся. Те из их числа, кто благодаря философии очистился полностью, впредь живут совершенно бестелесно и прибывают в обиталище еще более прекрасные, о которых, однако же, поведать нелегко, да и времени у нас в обрез.**

И вот ради всего, о чем мы сейчас говорили, Симмий, мы должны употребить все усилия, **чтобы приобщиться, пока мы живы, к добродетели и разуму, ибо прекрасна награда и надежда велика!**

Правда, человеку здравомыслящему не годится утверждать с упорством, будто все обстоит именно так, как я рассказал. Но что такая или примерно такая участь и такие жилища уготованы нашим душам - коль скоро мы находим душу бессмертной, - утверждать, по-моему, следует, и вполне решительно. Такая решимость и достойна и прекрасна - с ее помощью мы словно бы зачаровываем самих себя. Вот почему я так пространно и подробно пересказываю это предание.

Но опять таки в силу того, о чем сейчас говорили, нечего тревожиться за свою душу человеку, который в течении целой жизни пренебрегал всеми телесными удовольствиями, и в частности украшениями и нарядами, считая их чуждыми себе и приносящими скорее вред, нежели пользу, который гнал за иными радостями, радостями познания, и, украсив душу не чужими, но доподлинно ее украшениями - воздержанностью, справедливостью, мужеством, свободой, истиной, ожидает странствия в Аид, готовый пуститься в путь, как только позовет судьба".

- Свою информацию Платон закрыл в мифические сказания, но они полностью совпадают с увиденным мною при полетах на планеты солнечной системы.

- Ты права, дочка. Все свои знания Платон передает вам путем диалога собеседников, каждый раз выбирая для себя новое действующее лицо. На своем примере ты уже знаешь, как легко можно вести беседу с собратьями по планете и представителями астрального мира.

- Папочка, я знаю, что он видел все процессы во Вселенной и путешествовал силой своего разума в различных уголках ее миров. Читателя его диалогов захватывает информационный вихрь и учит видеть описанные события. Читать Платона без подготовки невозможно, он несет очень высокие структуры вихря знаний.

- Да, милая, чтобы понять мудрость Платона, нужно освоить те знания, которые даются тебе. Их путь начинается как бы с нулевой точки. Открыв спиральный поток Истины, вам дали возможность вложить в этот единый информационный блок труды таких великих мыслителей планеты как Платон, Мор, Нострадамус. Войдут в эту спираль Истины и все Библейские пророки. Но это все впереди, сейчас продолжим работу с Томасом.

Обрати внимание, как интересно Томас Мор рассказывает об астральном мире, взаимосвязанным с народом планет. Он сравнивает выращивание народа, души которого выходят из чистилищ, с выхаживанием цыплят. Миры, населяющие планеты, находятся в полной зависимости от миров тонких материй.

Послушай: " С удивительным умением они выхаживают бесконечное количество цыплят, ибо они не подкладывают яйца под курицу, но выводят и выхаживают потом большое количество цыплят, равномерно согревая яйца. Как только птенцы вылупятся из скорлупы, они ходят за людьми, вроде как за собственными матерями, и признают их".

Окно созерцания осветилось, приглашая к дальнейшему знакомству. Для обозрения поднимались один уровень за другим. Показав свои неповторимые миры, они сворачивались в образную фигуру матрешки и, поднимаясь над сидевшими за столом, становились в ряд. Рост матрешек уменьшался. Длинная череда их высветила цифру 200.

- Вот они двести сифогрантов или филархов, или жизненных уровней в двух галактических уровнях Вселенной. Все эти жизненные структуры связаны одной энергетической спиралью и являются единым организмом огромной Вселенной.

Слова Оиулы дали толчок дальнейшей работе окна созерцания: Из недр Вселенной вышел яркий вихрь. Два стремительных потока, движущиеся навстречу друг другу, создавали это бушующее море энергий.

- Вот и два раба во всей своей красе - перед твоим взором, сестричка. Они творят все процессы распада и созидания. Мир разума, народ вносит в потоки свое тонкое информационное поле или Книгу Жизни и управляет всеми процессами созидания. Этот мир работает не руками, а силой разума, любви,

красоты. Для них работа несет удовольствие и наслаждение в созидании красоты.

Зная законы движения спиралей, легко понять все объяснения о том, что там нет лодырей, нет насилия и не нужны дополнительные законы. Все в спирали, все трудятся и все обедают в одно время и сытно. Для работы у них одни одежды, праздник оденет всех без исключения в нарядные одеяния. Им не нужно накапливать, так как они всегда движутся вперед в своем полете, а это значит, постоянно все обновляется. Накапливание же, будет тормозить в развитии.

- Оиула засмеялась, вспомнив "новых русских": - Накопительство, ненасытная жадность и в нашем мире большой тормоз в развитии.

Тем временем вихрь начал укладывать матрешек в свою спиральную структуру. Первой заняла место самая маленькая сестричка из большого и дружного семейства. Следом за ней шли остальные по возрастанию. Накрывая друг друга, ложились они слой за слоем в зоне хозяйств. Как старшие в семье поддерживают и помогают маленьким и более слабым, так и эти сестрички дружно, взявшись за руки, живут в одной большой семье. Самая большая матрешка накрыла их своим телом, окружив заботой и теплом, как любящая мать. Все они заняты одним делом, выполняя каждая свои обязанности. Нет сбоев и нарушений в этой гармоничной работе. Каждый стремится ввысь, к свету. Ведущая сила - любовь, счастье, познание огромной Вселенной. Все эти потоки подает Звезда, несущая в себе прекрасный мир. Самые ценные из потоков подобны золоту и серебру. Взаимодействие этих энергий с более грубыми объяснено процессом купли, продажи или обмена.

- Сестричка, ты посмотрела, как живет семья одной звезды. Можешь ли ты сказать, сколько Звезд на небосводе? Каждая Звезда это хозяйка вот такой большой семьи. На нашем острове Утопии 54 семьи, все они дружны между собой как хорошие соседи, точнее, братья и сестры. Они общаются между собой, обмениваются товарами, помогают друг другу делать одно большое дело. Ведут дружественные переговоры и торговлю с соседними островами. Блеск и сияние неисчислимого множества Звезд показывает, какая огромная семья Божьих детей выходит каждый век созидать во Вселенной. Миры эти меняются, так как живут они в постоянном движении к прогрессу. На их место приходят новые выходцы из смертного народа. Многоярусные города - дворцы Звезд незыблемы и вечны. Жители же их поднимаются как по ступенькам, выше и выше, набираясь света, любви и мудрости.

Оиула задумалась. Мысли вылились в слова:

- Каждый живет как бы ведомый тонкими потоками, стремительно несущимися вверх. Душа и тело из света, подобно легкой пушинке, летят ведомые своим горением. Если в ней зарождается поток знаний, она свободно уходит в семью, где в основе лежит наука. Если для души ближе общение с природой,

она занята в сельском хозяйстве. Радость труда и стремительный полет в развитии.

Девушка вспомнила выпускной вечер в школе. Нарядная и красивая семья одноклассников вышла на берег Иртыша. Взявшись за руки, смеясь и ликуя, бегом спустились по пологому склону к воде.

Они летели, у них выросли крылья, ждала взрослая жизнь. Много ли таких моментов в жизни человека? Нет! Дорога же вечности вся идет по такому полету в будущее. Оид улыбался, глядя на дочь. Тоска по прошлому, это свойственно только в мире праха. Вечность не имеет времени, нет тоски и печали, все накапливается в одной личности. Так она растет.

- Милая моя девочка, ты тоскуешь по мимолетному полету мечтательной юности. Научись не оглядываться, а смотреть вперед. У тебя растут крылья для полета в вечности. Ваш мир тоскует о прошедшей молодости, не поняв, как прекрасна зрелость с ее мудростью и любовью. Ожидание смерти пугает человека и не дает насладиться годами, которые даны ему для размышлений и единения с Богом. Это очень печальный итог человечества. Утеряна Истина, спит разум, растет зло. Вот и я перешел на твою тоскливую ноту. Это лишнее, дочка, каждый в ответе за свои дела и желания. Всем открыта дорога в Божий дом, но не все туда стремятся. В вашем мире жить по меркам верующего не выгодно.

- Папочка, Томас в своей книге совсем не касается темы человека, подобно-го нам.

- Он описывает остров в целом. Человек праха живет на планетах. Упоминание о цыплятах и есть место, где он говорит, что из всего изобилия в городах седьмая часть дается в дар бедным.

- Бедные - это мы?

- Все народы планет. Они развиваются в двух противоположных потоках. Чтобы приобрести вечную жизнь, им нужно много молиться, много просить благодати Божьей. Это подобно бедным нищим вашего мира. Мир вечности не просит подаваний, он летит в потоке Божьей благодати. Желание души открывает любой путь.

- На примере жизни острова Утопии показано, что все планеты развиваются подобно нашей Земле. И миры народов подобны, отличие же их только в том, что они развиваются в разных энергетических измерениях. Наша планета потребляет седьмую волну энергии Солнца. Если радуга, цветущая на Земле, имеет в себе семь цветовых тонов, значит, на планетах других галактик, где живет народ, радуга тоже семицветная?

- Да, милая, ты правильно подметила. Вот такими маленькими замечаниями в своей книге Томас показывает подобие и единство всего Мироздания. Труды одного мудреца планеты дополняются работами многих других. Так будет утверждаться Истина.

- Науки у них такие же или нет?

- Все науки начало своё берут на земле, в первом витке развития. И не только науки, но и все виды искусств и творческих основ. Дары Божии раздаются на планетах. В мире вечности они цветут подобно прекрасным цветникам. За ними стремится весь народ. Все они изощренны в науках и удивительно способны к изобретению искусств. Послушай, как говорит об этом Томас: " Господь вложил устройство мира сего перед человеком для рассмотрения и созерцания (одного только человека Он и создал способным к этому). Потому ему милее радивый и внимательный наблюдатель, ревнитель Его творений, чем тот, кто, наподобие животного, слабого умом, глупо и тупо пренебрегает столь великим и необыкновенным зрелищем".

В твоём мире, дочка, все в стадии зарождения. Мир таких островов как Утопия видит больше и дальше. Знакомясь с книгами, которые Рафаэль Гитлодей привез им, они возвращаются в прошлое. Им это интересно, и они это делают с удовольствием. И, конечно же, этот мир рад всем гостям, это ты знаешь на собственном опыте.

Томас предложил:

- Мы так долго задержались на этой части, я думаю, сестричка, ты сможешь вернуться и прочесть еще раз. После уточнений станет все на свое место, а мы идем дальше:

О рабах

"Рабами они не считают ни захваченных в войне (кроме тех, кого они сами взяли в бою), ни детей рабов, ни, наконец, никого из пребывающих в рабстве у других народов, кого могут они купить. Но они обращают в рабство тех, кто у них допустит позорный поступок, или же тех, кто в чужих городах осужден на казнь за совершенное им злодеяние (такого рода люди встречаются весьма часто). Многих из них иногда они приобретают по дешевой цене, чаще же получают их даром. Эти рабы не только постоянно пребывают в работе, но и находятся в цепях. Со своими согражданами-рабами утопийцы обходятся суровее оттого, что, они полагают, те заслужили худшей участи, **так как, прекрасно воспитанные, отменным образом были они обучены добродетели, однако не смогли удержаться от преступления.**

Иной род рабов, когда какой-нибудь трудолюбивый и бедный работник из другой страны своей волей решается идти к ним в услужение. С такими они обходятся хорошо и не менее мягко, чем с гражданами, разве что работы дают немного больше, оттого что те к ней привыкли. Когда такой раб пожелает уехать (это случается нечасто), его не удерживают против воли, но и не отпускают ни с чем.

О больных, как я сказал, они пекутся с великим усердием и не пренебрегают ничем, чтобы вернуть им здоровье лекарствами или же пищей, Более того, страдающих неисцелимым недугом, они утешают, сидя около них, разговаривая, принося им какие только могут облегчения. Впрочем, если недуг не только не излечим, но, напротив, постоянно мучает и терзает больного, тогда священники и должностные лица убеждают человека, что, поскольку он не может справиться ни с какими жизненными обязанностями, в тягость другим, тяжек самому себе и **уже находится по ту сторону от своей собственной смерти, надобно ему решиться не кормить долее свою беду и погибель и умереть, если только он уверен, что жизнь для него - мучение.**

Более того, утешившись доброй надеждой, да освободит он себя сам от этой горестной жизни, как от тюрьмы и жестокости, или дозволит своей волей другим исторгнуть себя из нее. Этот поступок будет разумным, оттого что он собирается прервать своей смертью не удобства, а пытку. Оттого что, делая так, он последует в этом деле советам священников, то есть толкователей воли Божией, и поступит благочестиво и свято. Те, кого они убеждают в этом, кончают жизнь по своей воле в голоде или же, усыпленные, отходят, не чувствуя смерти.

Против воли утопийцы никого не убивают и ничуть не уменьшают своих забот о таком человеке. Они уверены, что уйти из жизни подобным образом почетно. В ином случае, если кто причинит себе смерть, и священникам, а также сенату не будет доказана ее причина, то его не удостоивают ни земли, ни огня, но позорно выбрасывают в какое-нибудь болото без погребения.

Брак

Женщина выходит замуж не ранее восемнадцати лет. Мужчина - не прежде, чем ему исполнится на четыре года больше. Если мужчина или женщина до супружества будут соединены тайной страстью, его и ее тяжко наказывают. Таким вообще запрещается супружество, если только правитель милостью своей не отпустит им вину. Однако отец и мать семейства, в котором был допущен проступок, подвергаются великому бесчестию, оттого что они, наблюдая, небрежно исполняли свой долг.

Это злодеяние утопийцы карают так сурово, потому что заботятся о будущем; если же не удерживать людей от случайного сожителства, то в супружестве редко укореняется любовь, а ведь надобно будет всю жизнь провести с одним человеком и, сверх того, придется переносить все тяготы, которые это с собою несет.

Далее, при выборе супруга они сурово и строго соблюдают, как нам показалось, наинелепейший и весьма смешной обряд. Женщину, будь то девица или вдова, почтенная и уважаемая матрона показывает жениху голой, и какой-ли-

бо добропорядочный мужчина ставит в свой черед перед девушкой голого жениха.

Когда мы, смеясь, не одобрили этого обычая как нелепость, утопийцы, напротив, выразили удивление редкостной глупостью всех прочих народов, которые при покупке жеребенка, когда дело идет о небольшой трате денег, бывают столь осторожны, что, хотя он и так почти голый, они отказываются его приобрести, пока не снимут с него седло и не стащат всю сбрую, чтобы не затаилась под этими покрывками какая-нибудь язва.

При выборе супруги, от чего на всю жизнь человек получит удовольствие или же отвращение, поступают они столь небрежно, что, обволакивая все остальное тело одеждой, всю женщину оценивают по пространству едва лишь одной ладони (ибо, кроме лица, ничего не видно) и женятся не без великой для себя опасности сделать свою жизнь несчастной (если что-нибудь позже произойдет). Ибо не все столь мудры, чтобы смотреть на один только нрав; даже сами мудрецы в супружестве соединяют с духовными добродетелями некоторую долю телесных достоинств. Короче говоря, под этими накидками может скрываться весьма гадкое уродство, которое сможет целиком отвлечь душу от жены, когда от нее уже совершенно нельзя будет отделаться.

Если какое-нибудь уродство приключится случайно после вступления в брак, то каждому необходимо нести свой жребий, однако, дабы не попался кто-нибудь в ловушку прежде этого, надобно оградить себя законами. Заботиться об этом следует с весьма большим усердием, оттого что в этих частях света только утопийцы довольствуются одной женой.

Брак там расторгается нечасто и не иначе, чем смертью; исключением служит прелюбодеяние и случай, когда невозможно снести тяжелый нрав. Оскорбленной стороне сенат дает право переменить жену или мужа. Оставшийся все время влачит жизнь позорную, а также безбрачную. В противном случае, против воли жены, если нет на ней никакой вины - за исключением того, что появился у нее какой-то телесный изъян, - ее нельзя отвергать. Ибо они полагают жестоким покидать кого-либо тогда, когда он более всего нуждается в утешении, и думают, что это же будет неверной и слабой защитой в старости, так как старость приносит болезни и сама есть болезнь.

Впрочем, если нравы супругов недостаточно схожи между собой, то, после того, как обе стороны найдут себе тех, с кем надеются прожить слаще, иногда бывает, что они по обоюдной воле расстаются и вступают в новый брак. Однако не без согласия сената, который не допускает разводов до того, как члены его совместно со своими женами не разберут дела со всей тщательностью. Да и тогда нелегко. Оттого, что утопийцы знают, что доступная, легкая надежда на новый брак менее всего полезна для укрепления супружеской любви.

Осквернителей брака наказывают тяжелейшим рабством, и если обе стороны состояли в браке, то претерпевшие обиду (если только они этого желают), отвергнув совершившего прелюбодеяние, сочетаются браком между собой

или же с кем захотят. Но если один из оскорбленных сохраняет любовь к весьма мало достойному супругу, то закон не препятствует при желании сопроводить осужденного на рабство; и тогда случается, что раскаяние одного и послушное усердие другого, вызвав сострадание правителя, возвращает виновному свободу. Впрочем, вторичное преступление карается уже смертью.

За остальные злодеяния никакой закон не предписывает никакого определенного наказания, но когда совершается какой-нибудь жестокий и непростительный поступок, то кару определяет сенат. Жен учат мужья, родители - детей, если только не допустят они такой большой вины, за которую положено там карать прилюдно. Почти все особо тяжкие преступления караются обычно осуждением на рабство. Утопийцы полагают, что в этом не меньше страха для преступников и больше выгоды для государства, чем если бы стали они торопиться убить виновных и сразу от них избавиться. Ибо своим трудом они принесут больше пользы, чем своей смертью, а их пример на более долгий срок отвратит других от подобного злодейства. Если же и при таком обхождении они примутся снова бунтовать и брыкаться, то их, наконец, убивают как свирепых зверей, которых ни тюрьма не может унять, ни цепь. Но для терпеливых не вся надежда насовсем потеряна: если уймутся они от долгого страдания и выкажут раскаяние, которое подтвердит, что прегрешение печалит их более, чем наказание, то иногда прерогатива правителя, а иногда голосование народа смягчает их рабство или же прекращает его.

Склонять к распутству ничуть не менее опасно, чем распутничать. И вообще во всяком злодеянии определенную преднамеренную попытку утопийцы приравнивают к преступлению. То, что преступление не свершилось, полагают они, нисколько не должно помочь тому, кто не противился, чтобы оно свершилось.

Шутов они считают забавой. Наносить им обиды - великое нечестие, а получать удовольствие от их глупости утопийцы не запрещают. Они думают, что это весьма благотворно для самих шутов. Если кто-нибудь настолько суров и печален, что его не смешит никакой поступок и никакое слово, то утопийцы уверены: такому человеку не надобно поручать заботу о шуте; опасаются, что нельзя ждать достаточно снисходительного присмотра от того, кому от этого не будет никакой пользы и никакой радости (доставлять ее - единственный дар шута). Насмехаться над безобразием и уродством они считают позорным и безобразным не для того, над кем смеются, а для насмешника, оттого что глупо укорять кого-нибудь в недостатке, избежать которого был он не властен.

Подобно тому, как они думают, что естественной красотой пренебрегают от лени и вялости, так, по их мнению, помощи от румян ищут из-за позорной надменности. Ибо они знают по собственному опыту, что никакой красотой своего вида жена не приобретет расположение мужа так, как сделает она это нравом своим и скромностью. Ибо, подобно тому, как некоторых увлекает од-

на только красота, так удержать при себе можно только лишь добродетелью и послушанием.

Утопийцы отвращают от злодеяний не только страхом наказания, но и почестями, которые видны всем, они призывают к добродетелям. Мужам, которые знамениты своими особыми заслугами перед государством, в добрую память об их подвигах и для того, чтобы вместе с тем слава собственных их предков подстрекала и побуждала потомков к добродетелям, утопийцы воздвигают на площади статуи.

Кто хочет обманом получить какую-нибудь должность, лишается надежды на любовь. Живут утопийцы в любви, оттого что должностные лица не надменны и не страшны; их называют отцами, они себя так и держат. К ним относятся как подобает: почет оказывают добровольно, а не исторгают его насильно. Даже сам правитель отличается не одеянием или короной, а тем, что носит он пучок колосьев, подобно тому, как знак первосвященника - это восковая свеча, которую несут перед ним.

Законов у них весьма мало. Ведь людям с такими установлениями достаточно самых малочисленных законов. Они даже особенно не одобряют другие народы за то, что тем не хватает бесконечных томов законов и их толкований. Сами же они считают в высшей мере несправедливым связывать кого-либо такими законами, число которых превышает возможность их прочесть или которые столь темны, что их никто не может понять.

Более того, утопийцы вовсе отвергают крючкотворов, которые разбирают дела хитроумно и толкуют законы изворотливо. Они считают правильным, когда каждый ведет свое дело сам и говорит судье то, что собирался рассказать защитнику. Так и тумана будет меньше, и легче будет разузнать истину. Пока станет говорить тот, кого никакой защитник не обучил притворству, судья умело взвесит частности и поможет более простодушным людям одолеть наветы хитрецов. Это трудно соблюдать другим народам, имеющим груды чрезвычайно запутанных законов. Впрочем, у утопийцев в законах разбирается каждый. Ибо, как я сказал, законов весьма немного. Кроме того, чем проще толкование закона, тем более справедливым они его считают.

Ибо, они говорят, все законы издаются только для того, чтобы напомнить каждому его долг. Более тонкое толкование вразумляет весьма немногих (ибо немногие смогут его понять), меж тем, как более простой и ясный смысл законов ясен всем. **С другой стороны, что касается простого народа, которого больше всего и который более всего нуждается в научении, то ему все равно: не издашь ты закона вовсе или, издав, истолкуешь его так, что до смысла его можно будет докопаться разве что с помощью великого ума и долгих рассуждений.** До этих изысканий не сможет добраться незатейливый ум простого люда, да и не хватит ему для этого жизни, занятой добыванием пропитания.

Привлеченные этими их добродетелями, соседние народы, которые свободны и живут по своей воле (ибо многих из них сами утопийцы уже давно освободили от тирании), просят себе у них должностных лиц: одних - каждый год, других - на пятилетку. Когда кончится срок, их с почетом и хвалою отправляют назад и опять привозят с собой на родину новых.

Конечно, эти народы прекрасно и весьма поучительно пекутся о своем государстве. Если благополучие его и гибель зависят от нравов должностных лиц, то можно ли выбрать кого-нибудь разумнее тех, которых нельзя отвести от чести ни за какую мзду? (Ибо это бесполезно, оттого что в скором времени утопийцам надлежит вернуться назад.)

Гражданам должностные лица незнакомы, и они не могут стать на чью-нибудь сторону по злему пристрастию своему или вражде. Как только заведутся в судах эти два бедствия - лицепрятие и алчность, тотчас же разрушают они всякую справедливость - главнейшую опору государства. Те народы, которые просят утопийцев управлять ими, они зовут союзниками, прочих, кого они одаривают благодеяниями, называют друзьями.

Утопийцы не заключают ни с одним народом договоров, в которые прочие народы столько раз вступают друг с другом, нарушают их и возобновляют. Ибо к чему договор, говорят утопийцы, как будто природа недостаточно связывает крепко человека с человеком? Думаешь, тот, кто пренебрегает такой связью, станет сколько-нибудь печься о верности словам?

К этому мнению они склоняются преимущественно потому, что в тех краях договоры и союзы правителей обыкновенно соблюдаются с невеликой честностью. В Европе, однако же, особенно в тех частях, которыми завладела христианская вера и религия, величие договоров свято и нерушимо отчасти из-за справедливости и доброты правителей, отчасти же из-за почтения и страха перед верховными понтификами, которые как сами не берут на себя ничего такого, что не исполнят самым тщательным образом, так и всем прочим правителям велят всячески держаться своих обещаний; отвращающихся от этого они наставляют пасторским порицанием и строгостью. Утопийцы вполне заслуженно считают величайшим позором отсутствие верности договорам, особенно у тех людей, которые зовутся верными.

Но в том новом мире, который экватор отделяет от этого нашего мира едва ли столь сильно расстоянием, сколь иной жизнью и нравами, договорам нет никакого доверия. Чем более многочисленными и священными церемониями они опутаны, тем скорее они расторгаются. Нетрудно найти изъясн в словах, которые умышленно записываются столь хитро, что никогда нельзя их связать настолько крепкими узами, чтобы нельзя было увернуться или увильнуть как от самого договора, так и от верности ему. Если бы такую уловку или скорее обман и хитрость случайно обнаружили в сделке частных лиц, то с великой надменностью стали бы кричать, что это-святотатство, достойное висе-

лицы. Конечно, давшие правителям такой совет еще и похваляются, что это их рук дело.

И получается, что справедливость оказывается не чем иным, как всего лишь плебейской, низкой доблестью, которая отстоит от королевского величия весьма далеко. Или же существуют по крайней мере две справедливости, из которых одна приличествует простому народу и ходит пешком, ползает по земле, не смея перескочить через забор, скованная со всех сторон многими цепями; и другая - доблесть правителей, которая величественней, чем народная, а также и гораздо свободнее ее, оттого что для нее не существует ничего недозволенного, за исключением того, что не угодно ей самой.

Как я сказал, эти нравы правителей, так плохо соблюдающих договоры, полагаю я, и служат причиной того, что утопийцы не заключают новых договоров: если бы они жили здесь, возможно, они изменили бы свое мнение. Хотя им кажется, что, даже если бы договоры и соблюдались наилучшим образом, плохо, что вообще укоренился обычай их заключать. Из-за этого выходит, что народ, отделенный от другого народа небольшим расстоянием, только холмом или же ручьем, думает, что он не связан с ним по природе никаким союзом. Эти народы полагают, что они родились врагами и неприятелями и по справедливости губят друг друга, если только не мешают этому договоры.

Более того, заключив их, они не объединяются в дружбе, но оставляют за собой свободу грабить, поскольку по недомыслию при записи договора в его условия не было внесено ничего такого, что с достаточной предусмотрительностью могло бы этому помешать. Утопийцы же думают, напротив, что никого не надобно считать врагом, если только он не причинил никакой обиды. Вместо договора должно быть братство по природе, оно будет лучше и крепче связывать людей по духу, чем условия соглашений; оно свяжет их не словами".

- У меня много вопросов. Рабы из чужих городов - это скорее всего грешники планет? По законам энергетики в аду их держит, как в кандалах, гравитационное поле.

- Да, это один тип рабов, есть еще два.

Оиула засмеялась: - Я их, наверное, знаю. Есть рабы, которые искупая свои грехи, выполняют возложенные на них работы. Они помогают жителям городов.

- И эти работы, дочка, они выполняют в основном на планетах. Два твоих друга, которых ты называешь роботами, относятся к этой категории. Они прекрасно воспитанные, обученные, совершившие преступление по своей несдержанности. Их возвращают на землю и дают испытательный срок. Направляются в помощь, и, если они хорошо справятся со своим заданием, как искупившие вину, уходят в вечную жизнь вместе с тем, к кому были прикреплены. Часто за хорошую работу за них ходатайствуют, и они выходят раньше из отряда рабов, но продолжают выполнять начатое дело. Это тебе тоже знакомо,

потому что ты своей настойчивостью давно сделала своих друзей свободными.

- Папочка, как ты меня обрадовал!

- Разве ты не верила? Они тебе сами говорили об этом.

- Да нет, я верила, но сейчас я знаю точно. Вера и знание отличаются.

Оид улыбнулся: - Да, дитя мое, именно по этой причине на твоей планете "Веру" заменит "Знание". Ну а третий тип рабов ты знаешь?

- Знаю! Это те, кто все свои силы направляют на дело Божие. Они с большой радостью говорят: "Я раб Божий". Быть таким рабом - великая благодать, так как именно они вершат все дела Его. От людей часто можно слышать: "Почему Священное Писание нас называет рабами, я не хочу быть рабом". Оказывается, это большое достоинство называться рабом Божьим, и это еще нужно заслужить!

Оиула воспроизвела продолжение текста.

- Следующий абзац рассказывает, как астральный мир помогает больным и умирающим. Так как в мире вечности нет болезней и смертей, то понятно, что они говорят об общении с народом, подобным нам.

Часто больные и умирающие говорят о приходе к ним в гости ранее усопших. Считалось, что это предсмертный бред. На самом же деле они навещают и помогают справиться с болями, утешая и даже сообщая, когда их мучения кончатся. И тогда умирающий говорит точное время своего ухода из жизни. Какие же мы глупые и невежественные в своем незнании! Наверное, они же дают совет больному, как быстрее прекратить мучение. Поэтому умирающие часто просто перестают пить и есть.

- Сестричка, ты остановилась на грустной теме, идем дальше.

- Тема и правда грустная, мой братец, но ты наверное уже забыл, как она актуальна в мире смертных. С такими случаями сталкивается почти каждый человек, и то, что произошло на его глазах, будет самым большим доказательством правоты наших слов. Какой вопрос дальше?

Оид вступил в разговор:

- В своей книге Томас **рассказывает о вступлении в брак**. Закон двойной спирали говорит нам, что рядом с мужчиной почти всегда находится женская структура. Хорошее описание дает притча об Адаме, Еве и дереве в середине рая, на котором сидит змей. Это полный рисунок двойной спирали. Во Вселенной же все состоит именно из этой энергетической структуры. Есть исключения, такие, как священники и высокие структуры Сынов Божьих, которые на определенном участке развития удалены от женского начала, так как их структура формируют основные узловые высокоэнергетические вихри. Но их совсем немного.

- Папа, браки совершенные на Земле, сохраняются в астральном мире или нет?

- Если любовь сохраняется до ухода в вечность, то эта пара, конечно же, и в вечности будет вместе, так как их спираль, практически, едина. Но основная масса найдет свою половину только в мире вечности. При начале нового века все пары займут свои места в структурах звездных систем.

Оиула добавила:

- А на планеты опустится энергетический ковчег с юными представителями астрального мира. Создав пары, объединенные ангелами любви - амурами, дети прошедшего века материализуются и дадут первое поколение народа нового века. Вот так сохраняется непрерывность жизни народов в каждой Звезде. А мы считали, что человек произошел от обезьяны. Просто дикость!

Глазенки Оиулы загорелись, блеснув иронией и насмешкой.

- Папочка, ты мне объясни, почему Господь так обидел наших ученых, дав знания простой дочери Земли. И не только ученых, много других, которые считают себя достойными этого дара.

- Что тебе ответить, дитя мое? Во всем этом есть одна основная цель: продолжение жизни зависит от женщины. Знания, которые сейчас растут в тебе, подобны формированию хромосомного набора для будущей яйцеклетки женщины. Все дети, которые освоив эти знания, прервут свой жизненный путь по причине конца века, объединятся, сформировав эту яйцеклетку. Она даст начало жизни будущего поколения человечества. Это коротко. Подробнее во всем ты разберешься позже. И еще можно сказать, что Богу виднее, кто более достоин благодати.

Оиула задумалась.

- Да, милая, это не игрушка, несмотря на то, что работа эта выполняется легко и весело.

- Папочка, ты меня озадачил.

- Это лишнее. Тебе нужно учиться. Всему свое время. Ты не одна, мы все рядом с тобой.

Оид обогрел теплом любящего взгляда свое ненаглядное чадо. Оиула успокоилась.

- Оиула, у тебя есть вопросы по этой теме? - спросил Томас.

- Давай разберем все по порядку. Зная, что мир Утопии состоит из тонких астральных структур, нам понятно, почему там нет преступлений, разводов. Все подчиняется одному закону, по которому живет вся Вселенная. Это движение энергии в структуре спирали. Все в гармонии и цветении, и только старость (окончание цикла) может дать помеху в этом единстве света и любви.

Верующий народ планет они называют союзниками, тех, кому дают дар, считают друзьями. От мира зла они сторонятся, предоставляя каждому свободу развития. В твоей книге, Томас, все подробно и понятно описано по этим вопросам.

- Тогда идем дальше.

О военной чести

"Война утопийцам в высшей степени отвратительна, как дело поистине зверское, хотя никому из зверей не присуща она с таким постоянством, как человеку. Вопреки обыкновению почти всех народов, для утопийцев нет ничего бесславнее славы, добытой на войне.

Тем не менее, они в назначенные дни усердно занимаются военными упражнениями; и не только мужчины, но и женщины, дабы не оказаться неспособными к войне когда случится в этом необходимость. Однако они не затевают войну зря, а разве только когда или сами защищают свои пределы, или же прогоняют врагов, или когда они жалеют какой-нибудь народ, угнетенный тиранией, - тогда своими силами они освобождают их от ига тирана и от рабства (это они делают из-за человечности).

Впрочем, помощь друзьям они посылают не всегда для того, чтобы защитить их, но иногда также, чтобы отплатить за нанесенные обиды, а также отомстить за них. Они так поступают, только если до этого, когда еще не началась война, их об этом попросили; и нападают они на зачинщиков распри, проверив дело, потребовав удовлетворения и не получив его. На это они решаются не только всякий раз, когда враги, совершив набег, угоняют добычу, но действуют гораздо более жестоко, когда купцы дружественных народов под предлогом неблагоприятных законов или же пагубного искажения хороших законов, где бы то ни было, под видом справедливости подвергаются несправедливому обвинению.

Не иным было и возникновение той войны, которую незадолго до нашего времени утопийцы вели в защиту нефелогетов против алаополитов.

Алаополиты под предлогом закона, так им самим казалось, отнеслись несправедливо к нефелогетским купцам. Было ли то по праву или без права, но возмездием явилась весьма жестокая война, во время которой к собственным силам и ненависти обеих сторон добавили также свое рвение и средства близлежащие племена: так что одни из цветущих народов были расшатаны, а другие - сильно измучены. Зло рождало зло, и для алаополитов все кончилось их порабощением и сдачей, после которой они перешли под власть нефелогетов (ведь утопийцы боролись не за самих себя). Когда же дела алаополитов процветали, никто не мог с ними сравниться.

С такой жестокостью утопийцы мстят даже за денежные обиды, причиненные их друзьям; за свои - не так. Если же их обманут и они лишатся имущества, однако при этом им не причинят телесного ущерба, то до тех пор, пока они не получают удовлетворения, утопийцы пребывают во гневе и воздерживаются от торговли с этим народом. Не оттого, что о своих гражданах они заботятся меньше, чем о союзниках, но, когда, однако, у тех отбирают деньги, утопийцы сносят это труднее, чем когда это случается со своими, потому что

купцы их друзей теряют свои личные деньги, и для них тяжела рана утраты. У граждан Утопии гибнет только часть государственного добра, при этом такого, который в изобилии есть дома, даже как бы имеется излишек; в ином случае этого нельзя было бы вывозить из государства. Поэтому выходит, что урон ни для кого не чувствителен. Поэтому они считают, что мстить за ущерб смертью многих чрезмерно жестоко: ни в жизни своей, ни в пропитании никто из них не почувствовал неудобства от нанесенного ущерба.

Впрочем, если кого-нибудь из утопийцев противозаконно изувечат или же убьют, то, случилось ли это по воле государства или же частных лиц, разузнав дело через послов, утопийцы не успокоятся, пока не выдадут им виновных; иначе они объявляют войну.

Выданных виновников карают смертью или рабством.

Кровавые победы вызывают у них не только досаду, но и стыд. Они полагают, что даже очень дорогие товары безрассудно покупать за чрезмерную цену. Если утопийцы побеждают и подавляют врагов искусством и хитростью, то весьма сильно этим похваляются, устраивают по этому поводу государственный триумф и воздвигают памятник, словно после отважного подвига. Ибо они хвастаются, что были мужественны и вели войну доблестно, что ни одно живое существо, кроме человека, не может побеждать таким образом, то есть силой ума. Ибо, говорят они, медведи, львы, вепри, волки, собаки и прочие твари сражаются силой своего тела; большинство из них превосходит нас своей мощью и лютостью, однако, они уступают всем нам умом и проницательностью.

Во время войны утопийцы заботятся только об одном - добиться прежде всего того, после чего не надо было бы затевать войну. Если же обстоятельства не позволяют им этого добиться, то они требуют от врагов весьма сурового наказания и полагают, что после этого страх отпугнет их отважиться на то же самое в будущем. Они определяют эти свои предполагаемые цели и поспешно к ним стремятся, однако прежде всего они заботятся о том, как избежать опасности, а не о том, как снискать себе хвалу и славу.

Поэтому тотчас после объявления войны они стараются тайно и в одно время развесить в самых видных местах неприятельской земли много листов, скрепленных утопийской государственной печатью. В этих листах они сулят огромные награды тому, кто убьет вражеского правителя, меньшие, хотя тоже весьма великие, награды назначают они за каждую в отдельности голову тех людей, имена которых внесены в эти списки. Эти люди, считают утопийцы, следуют за самим правителем и являются виновниками возникновения раздора. Ту награду, которую они предопределяют дать убийце, удваивают тому, кто приведет к ним живым кого-либо из внесенных в списки. Также и самих внесенных в списки они приглашают действовать против сотоварищей, предлагая им плату и вдобавок безнаказанность.

Поэтому быстро получается так, что те держат на подозрении всех прочих смертных, друг друга, никому не доверяют полностью, пребывают в величайшем страхе и немалой опасности, не будучи никому верны. Ибо известно, что чрезвычайно часто случалось, как добрую часть внесенных в списки, и первым делом самого правителя, предавали те, на кого прежде возлагалась величайшая надежда. Столь легко подарки толкают на любое злодеяние; утопийцы же дают их безо всякой меры. Однако они помнят, к какой опасности они побуждают, и стараются величину риска возместить значительностью благодеяний. Поэтому также обещают они даровать в личную и постоянную собственность весьма доходное владение в наиболее безопасных местах, принадлежащих их друзьям; это они выполняют с превеликой надежностью.

Другие народы не одобряют этот обычай купли-продажи врагов, а считают это жестоким злодеянием души - выродка. Утопийцы же считают это для себя достохвальным, полагая, что люди, которые таким образом, вовсе безо всякого сражения, заканчивают самые большие войны, благоразумны. Они также называют человеческими и милосердными тех, кто смертью немногих виновных искупает многочисленные жизни невинных (как своих, так и врагов), которые должны были бы погибнуть в сражении. Потому что большое количество врагов и простой народ утопийцы жалеют почти не менее своих граждан, зная, что они идут на войну не своей волей, а что их гонит безумие правителей.

Если не получается таким образом, то утопийцы разбрасывают семена раздора, выращивают их, завлекая надеждой на власть брата правителя или же кого-нибудь из знати. Если ослабеют внутренние группировки, то они подбивают и направляют на врагов соседние народы, откапывая какую-нибудь старую статью договора, в которых у королей никогда нет недостатка.

Свои средства, предназначенные для войны, - деньги утопийцы дают щедро, граждан же - весьма скупно; настолько каждый им дорог, так они ценят друг друга, что никого из своих не хотят они променять на вражеского правителя. Но золото и серебро, оттого что хранят их только лишь для этой надобности, расходуют они без затруднений, тем более что, если даже истратят они все целиком, жизнь их от этого не станет менее удобной. Кроме богатств, которые хранятся у них дома, у них есть также огромные сокровища за границей, оттого что весьма многие народы, как сказал я раньше, у них в долгу.

Так, посылают они на войну солдат, нанятых повсюду, особенно у заполетанцев. Этот народ живет в пятистах милях от Утопии, на востоке; он страшен, груб, дик. Он предпочитает суровые леса и горы, которые его вскормили. Племя крепкое, привычное к жаре, холоду и труду, лишенное всяких радостей, не занимаясь земледелием, не заботясь ни о жилище, ни о платье, эти люди пекутся только лишь о скоте. По большей части заполетанцы живут охотой и грабежом. Рожденные для одной только войны, они усердно ищут возможности вести ее; найдя, с жадностью хватаются за нее и, выступив в боль-

шом количестве, задешево предлагают себя любому, кто ищет солдат. Знают они в жизни только одно искусство-то, которым добывается смерть.

Они отважно и с неподкупной верностью сражаются за тех, кому служат. Однако они не связывают себя никаким определенным сроком, но становятся на чью-либо сторону при условии, что на другой день готовы перейти к врагам, если те предложат им больше денег, а через день снова вернутся обратно, приглашенные за немного более высокую цену.

Редкая война начинается без того, чтобы в том и другом войске не насчитывалось бы изрядного числа заплотанцев. И каждый день случается, что люди, объединенные кровным родством, нанятые одной и той же стороной живут вместе самым дружеским образом, а немного погодя, разойдясь в противоположные войска, сталкиваются как враги. Злобно, забыв о происхождении, не помня о дружбе, сражаются они друг с другом, и нет у них иной причины добиваться обоюдной гибели, кроме той, что наняли их за скудные деньжонки разные правители. Заплотанцы столь тщательно считают деньги, что, прибавив одну монету в день их легко склонить перейти на другую сторону. Так быстро впитали они алчность, которая, однако, несколько им не на пользу. Ибо то, что добывают они кровью, они тут же расходуют на роскошь, и притом весьма жалкую.

Этот народ воюет за утопийцев против кого угодно, оттого что утопийцы нанимают их и платят за их труд столько, сколько им не дают нигде в другом месте. Утопийцы ищут себе на потребу как хороших людей, так и весьма плохих для употребления их во зло. Когда требует того нужда, соблазненных великими посулами, подвергают они величайшим опасностям, из которых очень многие чаще всего никогда не возвращаются за получением денег; оставшимся они с полной честностью выплачивают то, что посулили, дабы развеять в них такую же отвагу. И утопийцы ничуть не озабочены тем, сколь многие из тех погибнут, полагая, что от рода человеческого заслужат они величайшую благодарность, если смогут очистить землю от всех этих отбросов, от этого безобразного и нечестивого народа.

Вслед за ними они используют войско тех, за кого они подняли оружие, потом вспомогательные отряды прочих друзей. В самом конце они присоединяют своих сограждан, из которых какого-нибудь мужа испытанной доблести они ставят во главе всего войска. Его замещают двое, но, пока он невредим, оба пребывают в положении частных лиц; если же его захватят в плен и убьют, то, словно по наследству его заменяет один из двух, а этого - в зависимости от случая - третий, чтобы опасность, в которую попал полководец, не привела в замешательство все войско, ибо военный жребий переменчив.

В каждом городе производится набор тех, кто вызывается идти на войну добровольно. Ибо никого не гонят за границу служить против воли, оттого, что утопийцы убеждены, что робкий от природы не только сам не выкажет никакой отваги, но и вселит страх в своих товарищей. Впрочем, если на отечест-

во обрушится война, то такого рода малодушных, но здоровых людей помещают на корабли попеременно с лучшими гражданами. Или же располагают их там и сям по стенам, откуда нельзя убежать. Таким образом, стыд перед своими, близость врага и лишение надежды на бегство подавляют в них страх, и крайняя необходимость часто порождает в них доблесть.

Однако никого из них не тянут воевать за границей против воли, и женщинам, желающим сопровождать мужей в военной службе, не только не препятствуют, но даже поощряют их в этом и подстрекают похвалами. Каждую из выступивших ставят в строй рядом с мужем.

Потом каждую окружают дети, свойственники и родственники, дабы ближайшими помощниками были те, кого сама природа побуждает поддерживать друг друга. Величайший позор видят утопийцы в том, что жена возвращается без супруга, или в том, что сын приходит назад, потеряв отца. Поэтому получается, что если у утопийцев дошло до рукопашного боя и враги оказывают сопротивление, то долгое и мучительное сражение длится вплоть до взаимного уничтожения.

Утопийцы как раз прилагают все усилия к тому, чтобы не было необходимости сражаться им самим, и стараются закончить войну с помощью заменяющих их наемников; но когда невозможно избежать того, чтобы самим вступить в битву, то они сражаются столь же бесстрашно, сколь разумно они уклонялись от этого, пока было возможно. Они не обретают храбрости при первом натиске, но становятся сильнее постепенно, медленно и упорно; и когда окрепнут духом, то их легче уничтожить, чем повернуть вспять. Уверенность в том, что дома у каждого есть пища, а также отсутствие тревожной заботы и мысли о своем потомстве, ибо это беспокойство повсеместно губит благородные порывы, поднимают у них дух и создают презрение к поражению. К тому же знание военной науки доставляет им уверенность, и, наконец, верные суждения, которые внушены им с детства обучением и добрыми государственными установлениями, придают им храбрость. Поэтому они не ценят жизнь столь дешево, чтобы тратить ее попусту, но и не считают ее столь непомерно дорогой, чтобы жадно и позорно держаться за нее, когда честь повелевает им умереть.

В то время, когда повсюду кипит жесточайшая битва, отборнейшие юноши, давши клятву и обет, вызывают на бой вражеского полководца, бросаются на него открыто; устраивают засаду, наступают издали или вблизи, нападают длинным и непрерывным клином, в котором все время на место усталых воинов приходят неизнуренные. И редко случается (разве только удастся ему спастись бегством), чтобы не убили они этого полководца или чтобы не попал он живьем во власть врагов.

Если утопийцы победят, то они прекращают резню, ибо бегущих они охотнее захватывают в плен, чем убивают. И никогда они не преследуют бегущих так, чтобы не было у них тем временем под знаменами хоть одного отряда,

готового к бою; если остальное войско их побеждено, а победу одержал их последний отряд, то они скорее позволят удрать всем врагам, чем допустят преследование бегущих, смешав свои ряды. Они помнят, как изменчив исход всего сражения: и с ними самими не раз случалось, что после того, как большая часть всего их войска была побеждена и сокрушена, а враги, кичась победой, повсеместно преследовали уходящих, небольшое число утопийцев, выстроенных для подкрепления и выжидающих случая, внезапно нападали на разбросанных и блуждающих врагов, которые пребывали в беспечности, почувствовав безопасность раньше времени. Верная и несомненная победа исторгалась из рук, и, наоборот, побежденные побеждали победителей.

Нелегко сказать, в чем утопийцы хитрей и осмотрительнее: в устройстве засад или в том, как их обойти. Ты считаешь, что они готовятся к бегству, когда они менее всего об этом помышляют, напротив, когда они принимают такое решение, ты полагаешь, что они менее всего об этом думают. Ибо если как раз они чувствуют, что уступают врагу числом или же расположением места, то ночью в молчании они снимают лагерь и ускользают, воспользовавшись какой-нибудь военной уловкой, или же незаметно отходят днем, соблюдая такой порядок, что при отступлении нападать на них еще опаснее, чем при наступлении.

Лагерь они тщательнейшим образом укрепляют очень глубоким и широким рвом; землю, которую выкапывают, они выбрасывают на внутреннюю сторону; для этой работы они не пользуются трудом наемных работников, это делается руками самих солдат; трудится все войско, за исключением тех, кто стоит на валу на страже на случай внезапности. Поэтому при усилиях столь многих людей большие и занимающие много места укрепления утопийцы заканчивают с невероятной быстротой.

Для отражения ударов они пользуются крепким оружием, удобным для какого угодно движения и ношения, так что даже при плавании они не чувствуют никакой тяжести. Ибо плавать в вооружении они привыкли с самого начала военного обучения. Оружие для боя на расстоянии - стрелы, которые с чрезвычайной силой и меткостью бросают не только пешие, но и конные; в рукопашном бою они убивают насмерть не мечами, а топорами, их острием или тяжестью, рубя или же коля.

Они с чрезвычайной ловкостью придумывают машины; сделав их, они тщательнейшим образом их прячут, дабы, обнаруженные раньше, чем потребует этого дело, не принесли они им больше насмешек, чем пользы. При устройстве машин более всего они пекутся о том, чтобы было их легко перевозить и удобно поворачивать.

Перемирия, заключенные с врагами, утопийцы соблюдают столь свято, что не нарушают их, даже если их на это вызывают. Вражеской земли не опустошают, посевов не сжигают, более того, заботятся, насколько это возможно сделать, как бы не потоптать их ногами людей или лошадей, полагая, что по-

севы растут им на пользу. Никого из безоружных они не обижают, если только это не лазутчики. Сдавшиеся города оберегают и завоеванных не разоряют, но убивают тех, кто противился сдаче, обращая прочих защитников в рабство. Никого из воевавших не трогают. Если утопийцы узнают, что кто-то советовал сдаться, то они уделяют таким людям какую-то долю из добра осужденных, остальное имущество дарят союзникам. Ибо никто из самих утопийцев никакой добычи не берет.

Впрочем, закончив войну, издержки они налагают не на друзей, на которых потратились, а на побежденных; под этим предлогом они требуют денег, которые сохраняют на случай подобных войн, а также земельные владения немалой ценности, которые навсегда переходят к ним. Такого рода доходы они теперь имеют от многих народов: появившись по разным причинам, они выросли больше, чем до семисот тысяч дукатов каждый; утопийцы отправляют в те земли некоторых своих граждан под титулом квесторов, чтобы те жили там богато и представляли собою знатных людей; однако, еще много денег остается, и их вносят в казну, если не предпочтут их доверить тому же народу; утопийцы делают так до тех пор, пока не появится у них необходимость в деньгах, но едва ли когда случается, чтобы они потребовали назад все. Часть земельных владений они предназначают тем, кто по их собственному наущению берет на себя опасное дело, о котором я рассказал прежде.

Если какой-нибудь правитель готовится покорить утопийцев, подняв на них оружие, тотчас же с большим войском устремляются они из своих пределов ему навстречу; ибо они не ведут на своей земле войну наудачу и никогда нет такой необходимости, которая принудила бы их допустить на свой остров чужие войска союзников".

- Интересное описание войны. Самих утопийцев война практически не касается, так как их мир расположен в структурах Звезд. Своими военными действиями они защищают слабые народы планет, считая их своими союзниками и друзьями. Они не убивают злобный народ, а подвергают их пленению. Точнее, пленит их опять же структура двойной спирали. Все распределяется по своим местам, подобное к подобному.

Посылают они на планеты перед войной и письменные листки. В них они учат бороться с неприятелем (злом) и спасать как можно больше из их лап. Я правильно поняла?

- Все верно, детка. Утопийцы очень хорошо понимают незащищенность народа планет от зла. Знают коварство и хитрость врагов и поэтому прилагают все силы для спасения как можно большего количества народа. Сами они не воюют, а нанимают воинов из структуры зла за золото и серебро. Посмотри, как это происходит.

Одна созерцания высветила звездную систему. Об окончании века говорило большое скопление темной энергетики в виде грозовых туч. Яр-

кая вспышка Звезды осветила все планеты. В этих живительных потоках растворились светлые души всех народов. Волна вернулась в структуру Звезды, увлекая в своих потоках все чистое. И только тогда началась война. Звезда испускала поток за потоком энергии, подобные золоту и серебру. Вражеские войска, стараясь завладеть этим богатством, начали уничтожать друг друга. Уровень за уровнем уничтожались неприятельские легионы, ненасытные и алчные. Астральный мир не участвовал в этой войне. Город в структуре Звезды жил своей жизнью, потоки идущие свыше пополняли энергетические затраты на этот процесс очищения.

Оид остановил процесс информационного показа.

- Дочка, ты сейчас захватила маленький кусочек информации "военных действий", этого пока достаточно. Более подробно мы узнаем при знакомстве с Иоанном Богословом. А сейчас нам предстоит познакомиться с религией утопийцев.

О религиях утопийцев

"Религии отличаются друг от друга не только на всем острове, но и в каждом городе. Одни почитают - как Бога - Солнце, другие - Луну, третьи - какое-нибудь из блуждающих светил. Есть такие, которые предполагают, что не просто Бог, но даже величайший Бог - это какой-то человек, некогда отличившийся своею доблестью или славой. Но гораздо большая часть утопийцев - она же и намного более разумная - полагает, что совсем не те боги, а некое единое божество, вечное, неизмеримое, неизъяснимое, которое выше понимания человеческого рассудка, разлито по всему этому миру силой своей, а не огромностью. Его они называют родителем. Только на его счет они относят начала, рост, увеличение, изменения и концы всех вещей, никому, кроме него, не воздают они божеских почестей.

Даже и все прочие утопийцы, хотя они и верят по-разному, однако, согласны с этими в том, что считают, будто есть единое высшее существо, которому люди обязаны и сотворением всего мира, и провидением. Все утопийцы вместе называют его на своем родном языке Митрой, но расходятся в том, что этот один и тот же бог у разных людей разный. Каждый признает, что, кем бы ни был тот, кого они считают высшим божеством, у него вообще одна и та же природа, и только его воле и величию по согласию всех народов приписывается верховная власть надо всем. Впрочем, понемногу у всех них это разнообразие в суевериях прекращается и появляется одна религия, которая, кажется, превосходит остальные своим смыслом. Несомненно, что прочие религии давно бы уже исчезли, если бы при неудаче, посланной судьбой кому-то в то время, когда он задумал переменить религию, его страх не истолковал бы ему все так, что вышло это не случайно, а ниспослано небом, будто божество, культ которого он оставляет, мстит за нечестивый умысел против него.

А после того, как они услышали от нас об имени Христовом, Его учении, образе жизни и чудесах, о не менее достойном удивления упорстве стольких мучеников, добровольно пролитая кровь которых за долгий срок и на большом пространстве привела на их путь столь многочисленные народы, ты не пове-ришь, с какой готовностью и они Его признали; они сделали это то ли по како-му-то тайному Божиему научению, то ли оттого, что эта религия оказалась ближе всего к той ереси, которая у них сильнее всего; хотя, я думаю, немало-важно было то, что они услышали, что Христу нравилась общая жизнь Его уче-ников и что она до сих пор сохраняется в наиболее верных христианских об-щинах. И вот - по какой бы причине это ни случилось, немало утопийцев пере-шло в нашу религию и омылось святой водой.

Оттого, однако, что среди нас четверых, к сожалению, не было ни одного священника - ибо нас осталось всего столько, так как двое умерли, - утопий-цы, хотя и были они посвящены во все таинства, не обрели тех, которые у нас свершают только священники. Впрочем, утопийцы понимают эти таинства и чрезвычайно к ним стремятся. Они даже усердно обсуждают между собой, не может ли кто-нибудь, избранный из их числа, получить сан священника без назначения к ним христианского епископа. Кажется, они на самом деле соби-рались избрать такого, но, когда я уезжал, еще не избрали.

Даже те, которые не соглашались с христианской религией, никого, одна-ко, не отпугивают от нее и не нападают ни на кого из принявших ее. Только вот один из нас был наказан, когда я был там. Вскоре после обряда очищения он прилюдно рассуждал о христианской религии, хотя мы ему этого не сове-товали; в этом его рассуждении было больше рвения, чем рассудительности, по горячности своей он не только предпочитал наши святыни прочим, но и во-обще осуждал все прочее. Он заявлял, что они - языческие, что поклоняются им нечестивцы и святотатцы, которых надобно покарать вечным огнем. Ко-гда он долго так проповедовал, его схватили, судили, но не за презрение к религии, а за возбуждение смуты в народе. И осудили, приговорив к изгна-нию. Действительно, среди древнейших установлений утопийцев числится и то, что никого нельзя наказывать за его религию.

Ибо Утоп с самого начала, когда узнал, что до его прибытия жители беспре-станно воевали из-за религии, заметив, что при общем несогласии разные сек-ты сражаются за родину раздельно, воспользовался случаем и одолел их всех. Одержав победу, он прежде всего объявил нерушимым, что каждому дозволяется следовать какой угодно религии; если же кто-нибудь станет об-ращать в свою религию также и других, то он может это делать спокойно и рассудительно, с помощью доводов, не злобствуя при этом против прочих ре-лигий, если он не уговорит советами, то не смеет действовать силой и обязан воздерживаться от поношений.

Того, кто об этом спорит чрезмерно дерзко, утопийцы наказывают изгнани-ем или же рабством.

Утоп учредил это, не только заботясь о мире, который, как он видел, полностью разрушается от постоянной борьбы и непримиримой ненависти, но, решая так, он полагал, что это важно для самой религии, о которой он не дерзнул сказать ничего определенного, как бы сомневаясь, не требует ли Бог разного и многообразного почитания и поэтому одним внушает одно, другим - другое. Конечно, он думал, что странно и нелепо силой и угрозами принуждать к тому, чтобы всем казалось истинным то, во что веришь ты сам. Более того, если истинна одна религия, а все прочие суетны, то Утоп легко предвидел, что, наконец, истина когда-нибудь выплывет и обнаружится сама собой (если повести дело разумно и умеренно). Если же бороться за истину оружием и смутой, то наилучшая и святейшая религия погибнет из-за самих суетных суеверий, подобно тому, как гибнут хлеба в терновнике и кустах (оттого что наихудшие люди наиболее упорны).

Поэтому он оставил все это дело открытым и дозволил, чтобы каждый был волен веровать, во что пожелает, - за исключением того, что свято и нерушимо запретил кому бы то ни было до такой степени ронять достоинство человеческой природы, чтобы думать, будто души гибнут вместе с телом, что мир несется наудачу, не управляемый провидением. И поэтому утопийцы верят, что после земной жизни за пороки установлены наказания, а за добродетель назначены награды. Того, кто думает по-иному, они даже не числят среди людей, оттого что он возвышенную природу своей души унижил до ничтожной скотской плоти; и не считают они его гражданином, оттого что, если бы не одолевал его страх, ему были бы безразличны все их установления и обычаи. Разве можно усомниться в том, что он, не страшась ничего, кроме законов, и не надеясь ни на что, кроме своего тела, угождая своим собственным желанием, не постарается либо тайно, хитростью обмануть государственные законы своего отечества, либо нарушить их силой?

Поэтому человеку с такими мыслями утопийцы не оказывают никакого почтения, не дают никакой должности, не возлагают на него никаких обязанностей. На такого повсюду смотрят как на человека пустого и низкого. Впрочем, его не подвергают никакому наказанию, так как они убеждены, что никто не может заставить себя почувствовать что-либо; но утопийцы не принуждают никого угрозами скрывать свои мысли и не допускают притворства и лжи, которые они ненавидят с удивительной силой, оттого что это ближе всего соседствует с обманом. Правда, утопийцы запрещают такому человеку рассуждать, защищая свое мнение, но это только перед толпой. Ибо перед священниками и почтенными мужами они не только дозволяют говорить, но даже убеждают это делать, так как уверены, что безумие наконец уступит разуму.

Есть и другие люди, и их немало, их не преследуют, они по-своему не вовсе лишены разума, их не считают дурными; у них совсем иное порочное мнение: будто души у скотины тоже существуют вечно. Однако по достоинству эти души не надобно сравнивать с нашими, и животные не рождены для равного с

нами счастья. Почти все утопийцы считают верным и несомненным, что души людей ожидает неизмеримое блаженство; поэтому всех больных они оплакивают, но не сожалеют ни о чьей смерти, если только не видят, что кто-нибудь расстается с жизнью с тревогой и против воли. Ибо они считают это весьма дурным предзнаменованием и полагают, что конец страшен отчаявшейся душе, знающей о каком-то зле, втайне предчувствующей грозящее наказание. **К тому же они думают, что Богу нисколько не будет угоден приход того, кто не бежит с охотой когда его зовут, а, упираясь, тащится против воли.** На людей, умирающих таким образом, они смотрят с ужасом, усопших выносят в печали и молчании и зарывают труп в землю, помолившись милостивому Богу, чтобы в кротости Своей простил Он их слабости.

Напротив, того, кто скончался радостно, полный доброй надежды никто не оплакивает, погребение таких людей сопровождают пением и с великим чувством препоручают их души Богу; тело же, наконец, более с почетом, чем со скорбью, сжигают, а на месте сожжения воздвигают колонну, на которой вырезана надгробная надпись об усопшем. Вернувшись домой, они вспоминают его нрав и дела, и ни одна сторона его жизни не обсуждается чаще и охотнее, чем его радостная кончина.

Они полагают, что эта память о стойкости - весьма действенное поощрение для живых, дабы стали они людьми добродетельными; думают также, что этот обряд весьма приятен усопшим; **по мнению утопийцев, усопшие тоже участвуют в этих беседах, хотя их и не видно (оттого что у смертных слабое зрение).** Ибо лишение свободы переселяться, куда они пожелают, не согласуется с уделом счастливых; умершие были бы вовсе неблагодарными, если бы им не хотелось увидеть своих друзей, с которыми при жизни связывала их обоюдная любовь и доброта; они думают, что у хороших людей эти качества, как и прочие добрые свойства, после смерти скорее увеличиваются, чем уменьшаются. Следовательно, они верят, что мертвые пребывают среди живущих, наблюдая за их словами и поступками; поэтому, словно полагаясь на таких защитников, утопийцы принимаются за свои дела весьма решительно и вера в присутствие покойников удерживает их от тайной бесчестности.

Гадания и прочие предсказания, проистекающие от пустого суеверия, находящегося у других народов в великом почете, утопийцы полностью презирают и даже высмеивают. Чудеса же, которые происходят безо всякой помощи природы, они почитают как деяния и свидетельства присутствия божественной воли. Они говорят, что подобное у них встречается часто, и иногда в делах великих, а также затруднительных, они с полной верой совершают общие молебствия и добиваются желаемого.

Они полагают, что созерцание природы и хвала за это - дело, угодное Богу. Однако есть такие - и их, конечно, немало, - которые, побуждаемые религией, отвергают науки и не стремятся ни к какому знанию; у них нет никакого досуга, они решили заслужить счастье, которое наступит после смерти, только

лишь одними делами, а также доброй услужливостью по отношению к прочим людям. Поэтому одни заботятся о больных, другие исправляют дороги, чистят канавы, чинят мосты, режут дерн, выкапывают песок, камни, валят деревья и рубят их, возят на телегах в город дрова, зерно, а также другие вещи, ведут себя как слуги не только по отношению к государству, но и по отношению к частным лицам и делают больше, чем рабы. Ибо они охотно и весело принимаются повсюду за любое тяжелое и грязное дело, от которого очень многих отпугивает работа, отвращение и безнадежность; они заботятся о досуге для прочих, а сами постоянно пребывают в деле и в труде, однако не ставят этого в счет другим, не насмежаются над их жизнью и не превозносят свою. Чем более они уподобляются рабам, тем более их все почитают.

У них, однако, есть две школы. Одни неженатые; они не только воздерживаются от Венеры, но и не едят мяса. Некоторые - даже вообще никакой животной пищи. Отвергнув вовсе удовольствия земной жизни как вредные, бдением и постом жаждут они только жизни будущей; в надежде скоро ее обрести они, меж тем, пока радостны и бодры.

Другие не менее привержены к труду, но предпочитают супружество, не отказываясь от его утех и полагая, что они по долгу своему перед природой должны дать отечеству детей. Они не избегают никакого удовольствия: если оно не отрывает их сколько-нибудь от труда. Они любят мясо четвероногих животных, потому что считают, что от такой пищи станут более сильными и годными для любой работы.

Утопийцы полагают, что эти люди разумнее, но те - более благочестивы. Если бы они, предпочитая супружество безбрачию, ставя суровую жизнь выше спокойной, опирались бы на доводы разума, то над ними смеялись бы; теперь же, когда они говорят, что их побуждает к этому религия, на них взирают с почтением и уважением. Ведь утопийцы с наибольшей озабоченностью следят за тем, как бы ни о какой религии не сказать чего-нибудь опрометчиво. Такого рода люди-те, которых они на своем языке называют по-особому - "бутрески"; это слово можно истолковать как "святые".

Священники в Утопии обладают исключительным благочестием, поэтому их в каждом городе весьма немного, при одинаковом числе храмов не более тринадцати, если только не отправляются они на войну. В этом случае семеро из них уходят с войском и столько же тем временем заменяют их, но, вернувшись, каждый получает свое место обратно. Те, которые остаются, сопровождают в это время первосвященника и по порядку заменяют тех, которые умирают. Надо всеми остальными стоит первосвященник. Священников избирает народ, и - подобно тому, как это происходит с прочими должностными лицами, - это делается тайным голосованием, дабы избежать пристрастия. Избранных посвящает в сан их братство.

Они совершают богослужение, имеют попечение об обрядах и как бы наставляют в нравах; считается великим стыдом, если они вызовут кого-либо к себе по причине его недостаточно честной жизни или упрекнут его.

Впрочем, подобно тому, как дело священников - убеждать и увещевать, так дело правителя и других должностных лиц - смирать преступников и карать их. Священники же отлучают от участия в богослужении тех, кого они признают чрезмерно плохими. И нет почти никакого наказания, которого бы утопийцы страшились более. Ибо тогда на них обрушивается великий позор, их терзает тайный религиозный страх и сама жизнь их недолго пребудет в безопасности. Если не подтвердят они поспешно священникам своего раскаяния, то их хватают, и сенат карает их за нечестие.

Священники обучают детей и молодых людей, но заботу о науках они не считают более важной, чем заботу о нравах и добродетели, ибо они прилагают величайшее старание к тому, чтобы с самого начала еще нежные и податливые детские души впитали мнения добрые и полезные для сохранения утопического государства; укрепившись в детях, эти мнения сопровождают взрослых на протяжении всей жизни и приносят великую пользу для защиты устоев государства, которое гибнет как раз от пороков, возникающих из-за превратных суждений.

Священниками могут быть и женщины. (Ибо этот пол не исключен; но женщин выбирают реже, только вдовых и преклонного возраста). Жены священников - самые лучшие в стране.

Никаких должностных лиц у утопийцев не почитают более, чем священников; настолько, что если даже они допустят какой-нибудь проступок, то они не подвластны никакому общественному суду, а их предоставляют одному только Богу и самим себе. Утопийцы полагают непозволительным касаться смертной рукой того, который, каким бы злодеем он ни был, столь особым способом посвящен Богу, словно святое пожертвование. Этот обычай им весьма легко соблюдать, оттого что священников у них весьма мало. И их выбирают с великим тщанием.

Да и нелегко случиться тому, чтобы наилучший из хороших, возведенный в такое достоинство из уважения к одной только добродетели, впал в соблазн и порок; а если бы это произошло, так как человеческая природа переменчива, то из-за того, что священников мало и не облечены они никакой властью, а есть у них только почет, нет причины страшиться, что от них погибнет государство. У утопийцев они столь редки и малочисленны как раз для того, чтобы достоинство их сословия, которое ныне одаривают столь великим уважением, не падало в цене от оказания почета многим; особенно когда они полагают, что трудно найти много столь хороших людей, годных для сана, получить который невозможно, имея лишь обычные добродетели.

Утопийцы ценят своих священников не более, чем ценят их другие народы, и это, полагаю я, легко увидеть по тому, из-за чего так получилось. Действи-

тельно, когда идет битва между войсками, священники, пребывая в стороне, но не слишком далеко, опускаются на колени, воздев руки к небу, и сперва молятся о мире для всех, потом о победе для своих, но без кровопролития для обеих сторон; когда же утопийцы побеждают, священники устремляются в гущу сражения и сдерживают своих, неистовствующих против поверженных; врагу для спасения жизни достаточно только взглянуть на священников и подозвать их: прикосновение к их развевающимся одеждам защищает также и прочее имущество врагов от всякого ущерба, причиняемого войной.

Все народы повсеместно так высоко их почитают и наделяют их столь истинным величием, по той причине, что священники не менее часто спасали своих граждан от врагов, чем добивались спасения врагов от своих граждан. Ведь известно, наконец, что, когда их собственное войско начинало отходить и положение становилось отчаянным, когда враги обращали их в бегство и были готовы к резне и грабежу, вмешательство священников прекращало кровопролитие, и после разъединения обоих войск на справедливых условиях заключался и устанавливался мир. Никогда не было ни одного народа, столь дикого, жестокого и варварского, чтобы не признавал он, что утопийские священники неприкосновенны и не подлежат насилию.

Праздничными утопийцы считают начальный и последний день каждого месяца, а также года, который они делят на месяцы, ограничивая их обращением Луны, равно как год определяют они круговоротом Солнца. Первые дни они на своем языке называют цинемерными, а последние трапемерными. Эти слова имеют такое значение, как если бы мы перевели "первые праздники" и "конечные праздники".

Храмы выглядят замечательно, оттого что они не только весьма искусно построены, но и способны вместить великое множество народа: при таком малом их количестве это необходимо. Все они, однако же, темноваты. Утопийцы говорят, что это сделано не от неумения строить, а по совету священников, так как они полагают, что неумеренный свет рассеивает мысли, а скудный, как бы неясный, сосредоточивает души и усиливает благочестие.

При том, что в Утопии не у всех одна и та же религия, все ее виды, несмотря на их разнообразие и множество, неодинаковыми путями как бы стекаются к единой цели - к почитанию божественной природы. Поэтому в храмах не видно и не слышно ничего, что, казалось бы, не подходит всем вообще. Если у какой-либо религии есть свой, присущий ей обряд, то каждый исполняет его в стенах собственного дома: общественные богослужения свершаются таким образом, чтобы они вообще не противоречили ни одному из частных. Поэтому в храме нельзя заметить никаких изображений богов, и каждый в высочайшем благочестии волен представлять себе Бога в каком угодно виде. Они не обращаются к Богу, называя Его каким-нибудь особенным именем, кроме Митры. Под этим именем они единодушно признают единую природу божественного величия, какой бы она ни была; утопийцы не творят никаких

молитв, которых не мог бы произнести любой человек без поношения своей веры.

И вот, в конечные праздники сходятся они, постившиеся до вечера, в храм, чтобы возблагодарить Бога за то, что благополучно прошел год или месяц, последним днем которого и является этот праздник; на следующий день (ибо это первый праздник), **утром, они стекаются в храмы, чтобы помолиться всем вместе о благополучном и счастливом ходе наступающего года и месяца, который они собираются начать этим праздником.**

В конечные праздники, перед тем как отправиться в храм, жены бросаются в ноги мужьям, дети - родителям. Они признают, что согрешили, сделав что-нибудь или небрежно исполнив свой долг, и молят о прощении за проступок. Таким образом, если и нависало какое-нибудь облачко домашнего раздора, то от такого извинения оно рассеивается, и они могут участвовать в богослужении с чистой и ясной душой. Участвовать же в нем в смятении - святотатство.

Поэтому те, которые сознают за собой ненависть или гнев против кого-нибудь, в страхе перед быстрым и грозным отмщением идут на богослужение только после примирения и очищения.

Когда приходят в храм, то мужчины идут в правую его часть, а женщины - отдельно, в левую. Потом они располагаются так, что из каждого дома люди мужского пола садятся впереди отца семейства, а мать семейства заключает ряд женщин. Так они заботятся о том, чтобы вне дома за всеми движениями у всех следили те, чья воля и власть правят ими дома; они также усердно наблюдают за тем, чтобы младший повсюду сидел рядом со старшим, чтобы дети, доверенные детям, не проводили в детских забавах то время, в которое им надлежит проникаться священным страхом к всевышним, потому что это главнейший и почти единственный путь к добродетели.

Никаких животных на богослужении утопийцы не закалывают, и они не считают, что божественное милосердие, которое в щедрости Своей даровало людям жизнь для жизни, радуют кровь и убийства. Они возжигают ладан, а также другие благовония и к тому же приносят множество восковых свечей не по причине незнания того, что это, равно, как и самые молитвы людей, ничего не прибавляет к природе божества, но им нравится такой безвредный род поклонения, и они чувствуют, что эти запахи и освещение, а также прочие обряды, не знаю почему, возвышают людей и побуждают их с большей радостью поклоняться Богу.

Народ в храме одет в белое платье. Священник надевает многоцветное, удивительное по выделке и виду; материя же не слишком дорогая. Не золототканая, не изукрашена она редкими камнями, но сработана из разных птичьих перьев столь умело и с таким искусством, что стоимость работы невозможно сравнить ни с какой ценной материей. К тому же в пухе и перьях этих пернатых, а также в том определенном порядке, в каком располагаются

они на облачении священника, утопийцы говорят, содержится некая сокровенная тайна; истолкование ее (оно тщательно передается священнослужителями) должно напоминать им о божественных благодеяниях и, наоборот, об их собственном благочестивом отношении к Богу, а также об их долге друг перед другом.

Как только священник в таком наряде выходит из дверей, все сразу благоговейно падают ниц, и повсюду стоит такое глубокое безмолвие, что самый вид всего этого вселяет некий страх, словно от присутствия какого-то божества. Пробыв немного времени на земле, по знаку, данному священником, они поднимаются. Затем они поют Богу хвалы, которые перемежают игрой на музыкальных инструментах, но большей частью иного вида, чем те, которые в ходу у нас. Очень многие из них превосходят приятностью те, которые употребляются у нас, так что их не надобно даже и сравнивать с нашими. В одном, однако, несомненно, утопийцы сильно отличаются от нас: вся их музыка, играют ли на органах, поют ли человеческие голоса, чрезвычайно естественно подражает чувствам и воспроизводит их; в молитвенной речи и в радостной, примирительной, смятенной, печальной и гневной звучание так совпадает с содержанием, род мелодии настолько соответствует смыслу, что она удивительным образом действует на души слушателей, потрясает их и зажигает.

Под конец священник, равно как и народ, вместе торжественно повторяют праздничные молитвы, составленные так, что, хотя и читают их все вместе, каждый в отдельности может отнести их к самому себе. В них каждый признает Бога творцом, правителем мира и, кроме того, источником всех прочих благ, воздавая Ему хвалы за все полученные благодеяния, и особенно за то, что по воле Божией попал он в наисчастливейшее государство и получил в удел такую веру, которая, надеется он, наиболее истинная. Если молящийся здесь в чем-нибудь ошибается или если существуют государство и вера лучшие, чем эти, если они более угодны Богу, то молящийся просит, чтобы Бог благостью Своей даровал ему это познать. Ибо он готов всюду следовать за Богом; если же этот вид государства наилучший и вера эта самая правильная, тогда пусть наделит его Бог стойкостью, и да приведет Он всех прочих смертных к тем же устоям жизни, к тому же мнению о Боге; если только неисповедимую волю Его не радует это разнообразие верований.

Наконец, утопиец молится, чтобы Бог принял его к себе, даровав ему легкий конец, хотя молящийся и не смеет предопределить, скоро это наступит или нет. Хотя если не оскорбит это величия Божьего, то утопийцу гораздо более по сердцу отойти к Богу после самой тяжелой смерти, чем весьма долго еще вести полную успехов жизнь вдали от Него.

Сотворив эту молитву, они снова бросаются на землю и, вскоре поднявшись, уходят обедать; остаток дня они проводят в играх и военных упражнениях.

Я правдивейшим образом описал вам, как смог, устройство этого государства, которое я, во всяком случае, считаю наилучшим, а также и единственным, какое по праву может притязать называться государством. В других местах, если даже и говорят повсюду о благополучии общества, то заботятся о своем собственном. Здесь же, где нет ничего личного, утопийцы всерьез заняты делом общества; конечно, и те, и другие полностью правы.

Ибо в иных местах каждому человеку известно, что если он сам о себе не позаботится, то как бы ни процветало государство, он все равно погибнет от голода; поэтому необходимость побуждает его прежде принимать в расчет себя, а не народ, то есть других людей.

Наоборот, здесь, где все принадлежит всем, ни у кого нет сомнения, что ни один отдельный человек ни в чем не будет иметь нужды, если только он позаботится о том, чтобы были полны общественные житницы. Оттого, что здесь нет скарредного распределения добра, нет ни одного бедного, ни одного нищего. И, хотя ни у кого там ничего нет, все, однако же, богаты.

Разве жить вовсе безо всяких тревог, с радостной и спокойной душой не значит быть очень богатым? Не надобно дрожать за собственное пропитание, мучиться от жалобных требований жены, страшиться бедности сына, беспокоиться о приданом для дочери. Каждый может быть уверен, что будут сыты и счастливы и он сам, и все его близкие: жена, сыновья, внуки, правнуки и весь длинный ряд потомков, о которых высокородные люди думают заранее.

Теперь о том, что утопийцы ничуть не меньше пекутся о тех беспомощных, которые прежде работали, чем о тех, которые работают сейчас. Здесь я хотел бы, чтобы кто-нибудь дерзнул сравнить эту их благожелательность со справедливостью других народов. Чтоб мне пропасть, если я у тех смогу отыскать вообще хоть какой-нибудь намек на справедливость или благожелательность! Ибо что это за справедливость, когда какой-нибудь знатный человек, золотых дел мастер, заимодавец или, наконец, кто-либо, им подобный, кто вовсе ничего не делает, или же дело его такого рода, что у государства в нем не слишком большая необходимость, проводит жизнь в роскоши и блеске, в праздности или в ненужных занятиях?! В то же время работник, возница, ремесленник, земледелец постоянно заняты таким трудом, какой едва могут вынести вьючные животные! И труд этот настолько необходим, что никакое государство не может без него продержаться ни одного года; пища их настолько скудна, жизнь они ведут настолько жалкую, что положение скотины может показаться гораздо лучшим! Ведь у скотины и труд не везде таков, и пища ненамного хуже, и ей она даже больше подходит; в то же время у скотины нет никакого страха за будущее. А людей ныне измучивает напрасный, бесполезный труд и убивает мысль о нищете в старости, оттого, что ежедневно им платят меньше, чем может хватить на день, и у них не скапливается, не остается ничего лишнего, чтобы можно было отложить на старость.

Разве справедливо и благодарно такое государство, которое расточает столь великие дары так называемым высокородным, золотых дел мастерам и прочим такого рода бездельникам или же льстецам, изобретателям пустых удовольствий?! Оно нисколько не заботится о земледельцах, угольщиках, рабочих, возницах и ремесленниках, без которых не существовало бы вообще никакого государства. Злоупотребив их трудом в расцвете их жизни, в годы, когда они отягощены болезнью и терпят во всем нужду, забывают их бессонные ночи, не помнят ни о каких их благодеяниях и в высшей степени неблагодарно расплачиваются с ними самой жалкой смертью.

Еще хуже то, что богатые из дневного заработка бедных некоторую сумму вымогают не только личным обманом, но и с помощью государственных законов; таким образом, если прежде казалось несправедливым давать очень низкое вознаграждение за очень высокие заслуги перед государством, то теперь все извратили и, наконец, издав закон, объявили это справедливым.

Поэтому, когда я внимательно наблюдал и размышлял обо всех государствах, которые процветают и донныне, честное слово, не встретил я ничего, кроме некоего заговора богатых, под предлогом и под именем государства думающих о своих выгодах. Они припоминают и измышляют все пути и способы, чтобы, во-первых, не боясь потери, суметь удержать то, что они сами накопили пагубными ухищрениями, а потом - для того, чтобы откупить для себя труд всех бедных людей и воспользоваться им, заплатив за него как можно дешевле. Эти затеи стали уже законом, как только богатые от имени государства, а, значит, и от имени бедных, постановили однажды, что их нужно соблюдать.

И эти очень плохие люди со своей ненасытной жадностью поделили между собой все то, чего хватило бы на всех! Сколь далеко им, однако же, до счастья государства утопийцев! Совсем уничтожив само употребление денег, утопийцы избавились и от алчности. Какое множество бед отсекали они, какую жатву преступлений вырвали они с корнем! Ибо кому не известно, что с уничтожением денег отомрут обманы, кражи, грабежи, раздоры, возмущения, тяжбы, распри, убийства, предательство, отравления, каждодневно наказываемые которые, люди скорее мстят за них, чем их обуздывают; к тому же одновременно с деньгами погибнут страх, тревога, заботы, тяготы, бессонные ночи. Даже сама бедность, которой одной только, казалось, и нужны деньги, после полного уничтожения денег тут же сама исчезнет.

Это станет яснее, если ты представишь себе какой-нибудь бесплодный и неурожайный год, в который умерло от голода уже много тысяч людей; я открыто заявляю, что если бы в конце этого голода перерыли амбары богатых людей, то в них нашли бы так много хлеба, что, распределив его среди тех, кто погиб от бедности и болезни, никто бы вообще не почувствовал этой скупости неба и земли. Так легко было бы добыть себе пищу, если бы не блаженные эти

деньги, которые, по общему мнению, были славно придуманы, чтобы открыть доступ к пропитанию, а они-то теперь и преграждают нам путь к пропитанию.

Не сомневаюсь, что это чувствуют даже богатые; они хорошо знают, насколько лучше такое положение, когда нет нужды ни в чем необходимом, чем то, когда есть много лишнего; насколько лучше вырваться из многочисленных бедствий, чем оказаться заложником великого богатства! У меня нет никакого сомнения в том, что весь мир с легкостью давно бы уже перенял законы утопийского государства как по причине собственной выгоды, так и под влиянием Христа-Спасителя (который по великой мудрости Своей не мог не знать, что лучше всего, а по благодати Своей не мог присоветовать того, о чем знал, что оно - не лучше всего); но противится этому одно чудище, правитель и наставник всякой гибели - гордыня. Она измеряет счастье не своими удачами, а чужими неудачами. Она даже не пожелала бы стать богиней, если бы не осталось никаких убогих, над которыми можно было бы ей властвовать и глумиться, только бы ее собственное счастье сияло при сравнении с их убожеством, только бы, выставив свои богатства, мучила она их и усиливала их бедность. Эта Авернская змея обвиняет сердца смертных, чтобы не стремились они к лучшему пути жизни, и, словно рыба-прилипало, задерживает их и мешая им.

Оттого, что гордыня укрепилась в людях слишком глубоко и невозможно ее легко вырвать, я рад, что хотя бы утопийцам досталось государство такого вида, который я охотно пожелал бы всем; они нашли такие жизненные устои, положили их в основу государства не только весьма счастливо, но и, насколько это может предугадать человеческое предвидение, навсегда. Ведь они у себя вместе с прочими пороками выкорчевали корни честолюбия и партий, над ними не висит никакой опасности пострадать от домашнего разлада, от которого только и погибли исключительно хорошо защищенные богатства многих городов. Когда же дома сохраняют полное согласие и крепкие устои, зависть всех соседних правителей не может потрясти такую державу или поколебать ее (они давно уже не раз пытались это сделать, но всегда бывали отбиты).

Когда Рафаэль это рассказал, мне представилось, что немало из того, что у этого народа установлено обычаями и законами, кажется весьма нелепым; не только способ ведения войны, их обряды и верования, а сверх того и другие их установления, а также, самое главное, то, в чем главнейшая основа всего устройства - разумеется, общая жизнь и пища, отсутствие какого бы то ни было обращения денег. Одно это полностью уничтожает любую знатность, великолепие, блеск, величие, которые, по общему мнению, составляют истинное достоинство и украшение государства.

Однако я знал, что Рафаэль утомлен рассказом, и я не был достаточно уверен в том, что он сумеет стерпеть рассуждения, противоположные его суждениям, особенно потому, что я вспомнил, как он порицал людей за то, что они

боятся, как бы не подумали, что они недостаточно умны, в случае, если они не найдут чего-нибудь смешного в чужих мыслях; поэтому, похвалив установления утопийцев и его речь, взяв Рафаэля за руку, я повел его в дом ужинать, сказав, однако же, перед этим, что у нас еще будет время глубоко поразмыслить об этих делах и поговорить с ним подробнее. О, если бы это когда-нибудь произошло!

Меж тем я, например, могу согласиться не со всем, что говорил человек, вообще-то, бесспорно, в высшей степени просвещенный и опытный в делах человеческих. Впрочем, я охотно признаю, что в государстве утопийцев есть очень много такого, чего нашим странам я скорее бы мог пожелать, нежели надеюсь, что это произойдет".

КОНЕЦ ВТОРОЙ КНИГИ

ПОЛУДЕННОЙ БЕСЕДЫ РАФАЭЛЯ ГИТЛОДЕЯ О ЗАКОНАХ И УСТАНОВЛЕНИЯХ ОСТРОВА УТОПИЯ. ИЗВЕСТНОГО ДО СИХ ПОР НЕМНОГИМ, В ПЕРЕДАЧЕ МУЖА СЛАВНЕЙШЕГО И ПРОСВЕЩЕННЕЙШЕГО ГОСПОДИНА ТОМАСА МОРА ЛОНДОНСКОГО ГРАЖДАНИНА И ШЕРИФА.

- Вот мы и подошли к последней части удивительной "Утопии". Если раньше описывалась в основном жизнь астрального мира городов (звезд) острова Утопии, то в главе "вера" повествование идет о народах, населяющих планеты (крестьянские дома).

- Папочка, неужели миры огромной Вселенной так подобны. Читая о многообразии вер на острове Утопии, представляешь свою планету. Как мудро поступает Утоп. Многое из этой книги можно взять за основу и в нашей жизни.

Оид улыбнулся: - Карл Маркс построил свою теорию научного коммунизма на основе Утопии Томаса Мора.

- Да, но в первой книге достаточно ясно сказано, что при наличии хотя бы малейшей собственности, все приведет к корысти и наживе. Папа, какая роль Карла Маркса в развитии человечества? Его труды и мечты попытались воплотить в России, построить коммунистическое общество. Я давно поняла, что в нашей жизни ничего просто так не происходит, во всем есть порядок и предопределение. Как понять нашу мечту о построении коммунизма?

Оид засмеялся: - Вот ты куда пришла в своих рассуждениях. Давай сделаем анализ. Мы знаем, что всему есть начало и конец в мире материи. Конец пришел и царскому самодержавию. Попытка восстановить этот строй в настоящее время - неслыханная глупость. Прошлому возврата нет. Умы представителей всех народов всегда идут на шаг вперед. Всеобщее угнетение и несправедливость заставляют искать искру света. Вот эта искра и родилась в умах таких мыслителей как Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Ленин попытался претворить мечту в дело. И надо сказать, не так плохо получилось. Но, опять та-

ки, у всего есть время и ритмический период. Рост зла на планете способствует повороту любого благого начинания на гибель и уничтожение.

- Объясните мне вот такой вопрос: революция принесла освобождение простому народу, но эта же революция разрушила храмы.

- К этому вопросу нужно подойти сразу с нескольких сторон. Прошло 70 лет, и забыли, до какой нищеты был доведен народ огромной страны. В период гнета у власти были самодержец царь и церковь. Богатые и сытые церковные служители. Не было им дела до страдания обездоленного народа. Как такая церковь могла повести себя во время революции и после нее. Конечно же, она не принимала власти рабочих и трудящихся. Что оставалось делать? Свергнут царь, свергнуты или уничтожены все, кто шел за ним. Это жестокая необходимость, так как враги всегда воюют. Совсем не даром Иисус Христос называет церковных служителей своего времени фарисеями. Презрение к простому люду и злобный нрав царили в храмах Божьих. Не слышат и не видят они нового, передового, боятся потерять свои титулы и звания. Собственность дороже всего. Ответственность за безвыходность народа лежит всегда на правящей касте. Преступная власть доводит народ до войны, ей и ответ держать перед Богом.

- Папочка, тогда как понять то, что сейчас ставят вопрос о причислении последнего русского царя к великим мученикам?

- У царя уже есть титул. За свои дела он отвечает перед Богом, а суд ему часто приходит уже на Земле. Хорошего царя и правителя народ любит и почитает. Божий ставленник, в первую очередь, будет заботиться о своем народе.

- Так сложно все понять.

- Нет, дочка, все очень просто, нужно делать все по совести. Но совесть заставляет заботиться о других, а это не выгодно.

- Интересно, такие проблемы есть и в других галактиках?

- Мир народа многолик и разнообразен, у каждого есть зоны плюса и зоны минуса. Это говорит о том, что имеется масса проблем и вопросов. Но мы отвлеклись от нашей темы.

- Нет, я приготовила вопрос по теме. Вот мы читаем Утопию и видим, что в нашем мире все подобно. Можно это подобие применить и к описанию об усопших, как они приходят в наш мир, как живут в вечности?

- Конечно, милая, астральный мир - это одна большая семья Божьих детей. Хороший Отец никогда не выделяет в семье лучших и худших детей, для него они все одинаковые. Значит, и условия всем единые.

- Томас, в твоей книге иногда трудно понять, о ком идет речь; о жизни астрального мира или о жизни народа, населяющего планеты. Можно, наверное, пояснить: в городах (Звездах) живет астральный мир и разноликости вер у них нет, так как они обитают в мире Единого Бога. Рассказ об утопийцах, где преобладает различие вер, затрагивает зоны планет, подобных Земле.

- Да, сестричка, эта часть как бы захватывает мир материи, но дальше говорится, что все эти веры, в конце концов, приходят к единому Богу. Точнее, жизнь в ином мире им открывает истину и показывает на их заблуждение. Есть и такие, которых заблуждение уводит в ад. Опять подтверждение о наличии ада.

- Вот теперь понятно, братец! Ой, дальше читать тяжело. Такое чувство, что ты описываешь наш сегодняшний мир. Как страшно знать о том, что на всем протяжении жизни на Земле идет угнетение трудящегося. Всегда на его шее сидит куча упырей. Теряется надежда на лучшее будущее. А нам так она сейчас нужна.

- Ты забыла о том, что все меняется. За горестями идут радости. Тяжкие испытания переживает ваш народ, но великая благодать уже вошла в твой мир. Ты ведаешь ее силу. Наберись терпения. Как ласково приходит рассвет, так восходит благодать на твой народ. Сестричка, скажи, кого ты считаешь своим народом?

Оиула рассмеялась.

- Вопрос трудный. Пообщавшись с вами, я изменилась. Земля для меня стала моим маленьким домом. И, конечно же, я не делю народ. Мы все едины, и дом у нас - наша планета. Но сердце у меня сейчас очень болит о народах бывших Республик. Это одна семья, как бы нечисть не пыталась нас разделить. Стонет многоликая страна, дьявол свободно разгуливает в своем бешенстве. Я знаю, что всему придет конец. Но очень хочется, чтобы это было поскорее. У вас нет времени, вы всегда говорите "скоро". Для нас скоро - это завтра или даже сегодня.

В диалог включился Тау:

- Оиула, ты расстроилась. Давай совершим увлекательное путешествие в будущее твоей страны.

- Тау, я боюсь! Несбыточные надежды тяжелы.

- Почему несбыточные? Я тебя приглашаю не в мир фантазий, а в реальное будущее. Ты могла бы и сама уже путешествовать по этому маршруту, но тебя держит страх. Ты боишься ошибиться?

- Да, боюсь. Я боюсь, что могу выдать желаемое за будущее.

- Будь смелее. У тебя сильное видение, смотри и говори. А сейчас в путь!

Окно созерцания выбросило в сторону сидящих за столом разноцветный фонтан энергий. Яркие потоки одели всех в нежный туман. Они вдруг оказались в атмосферных слоях планеты Земля.

Энергетические цветовые спектры разукрасили всю планету. Мощные вихри, кото-

рые сформировали в центре планеты шесть стремительных спиралей, ворвались в атмосферные слои. Бледные расцветки спиральных структур, постепенно сгущаясь, стали сочными. Скорость энергетических потоков в вихрях росла. Казалось, что внутренний огонь в магме планеты разгорался все сильнее и сильнее, стараясь вырваться наружу.

Оиула смотрела как замороженная. Ее пугало это бесконтрольное ускорение энергетических процессов.

- Папочка, это так резко усиливается энергетическая активность планеты?

- Да, милая, планета вошла в новый циклический режим.

- Что будет с растительным и животным миром человека? Ведь все живое развивается в определенных для каждого вида энергетических структурах.

- Ты правильно подметила, ситуация сложная. Но на оставшиеся тридцать лет на планете еще хватит ресурсов для проживания человека. Погибнут более чувствительные растения, деревья, животные. И появится масса новых насекомых, гусениц, жуков. Трудно будет вырастить и сохранить урожай. Много бед принесут стихии. Повышение активности в недрах планеты уже сопровождается ростом уровня воды в реках, озерах и морях, образованием тайфунов, смерчей. Просыпаются вулканы.

- Эти процессы действуют на организм человека?

- Человек - маленькое подобие Вселенной и планеты. Все процессы, происходящие во Вселенной, передаются Звездам. Энергетический всплеск Звезды отражается на каждой планете. Все живое на планете принимает эту волну своим телом.

Мы много говорим о том, что подходит время окончания века, и отмечено оно будет энергетическим всплеском, несущим волну. Эта волна переменит весь облик Вселенной. В данном случае мы говорим о прохождении глобальной волны, но каждый небольшой всплеск также преподносит сюрпризы и изменения. На Земле уже заметили прямую зависимость всего живого от солнечной активности, и это правильно. Чем сильнее вспышка в структуре Солнца, тем больше энергии вышло в солнечную систему. Это можно сравнить с отапливаемой квартирой. Чем больше тепла, тем приятнее находиться в этой квартире кто любит тепло, и тяжелее тем, кто не переносит жары.

Печка планеты Земля с наступлением эпохи Водолея стала гореть жарче. Теплолюбивые будут процветать, морозостойкие гибнуть. Это сравнение, конечно же, в упрощенном варианте, все гораздо сложнее. Чтобы понять реакцию человека, используй голограмму своего астрала.

Оиула вызвала голограмму с программным информационным блоком. Программа несла ответ на вопрос взаимодействия человека с окружающей средой.

Энергетический двойник юной Оиулы развивался в полной гармонии с окружающей средой. Энергию Солнца, проходящую через атмосферные слои планеты, равномерно принимало все тело. Планета, испуская гравитационные потоки, смешивала с атмосферой свои энергии и также участвовала в развитии человеческого организма.

Все взаимосвязано. Солнце подает энергию огня, планета - энергию Земли. В процессе взаимодействия этих двух противоположнозаряженных стихий, возникают вода и воздух. То, из чего и состоит наше тело. И это основные условия всего живого и самой Вселенной.

Но вот голограмма заволновалась. Рядом вышла модель солнечной системы: Солнце ярко вспыхнуло, получив привет от созвездия Водолея. Разгоревшись, оно начало выделять мощные энергетические потоки в свою систему. Планеты, потребляющие эту энергию подобно живительной пище, прореагировали моментально. Активно заработал "желудок" и "сердце" Земли. Это ускорило движение вод в подземных хранилищах. Ожили уснувшие вулканы. Все энергетические потоки в недрах планеты и в окружающей атмосфере изменились. Бледные тона приобрели яркие сочные окраски, скорость их движений возросла.

Голограмма Оиулы стала совершенно другой. Мозг усилил свою работу. Через каналы, связывающие девушку с астральным миром, пошли новые потоки. Росли знание и умение, появилась масса новых способностей. Девушка развивалась одновременно с поступлением новых потоков.

- Вот так безболезненно и синхронно с планетой изменяется человек, живущий с верой и Богом. Светильник его тела - душа своевременно получает измененные энергетические потоки и несет огонь во все уголки тела. Связь с Богом - необходимое условие для нормального развития и долголетия человека, для сохранения души как вечного обитателя Вселенной.

- Я думаю, что теперь можно сопоставить голограмму человека, не принимающего Бога - предложила Оиула.

Рядом с изображением Оиулы появилась голограмма юной жительницы планеты Земля.

Первый этап информации показал процесс развития и формирования до наступления эпохи Водолея.

Оид пояснил: - Молодой организм в детские и юношеские годы, годы отрочества подвластен силам Божьим. Это не относится к тем слоям общества, которые внедряют в мир людей привычки, подобные страшным заболеваниям. К ним относятся пьянство, наркомания, агрессия. Если этот недуг захватит ребенка или юношу, то он попадает во власть зла. Воспитывает его уже эта среда. Мы рассмотрим и этого представителя, а пока внимательно смотри и постарайся определить разницу между твоей голограммой и голограммой этой девушки. Начальный этап развития был подобен. Но вера и общение в этой юной особе отсутствуют, а время привело общество к резким изменени-

ям окружающей среды. Эпоха Водолея принесла новые энергетические потоки.

Оиула внимательно следила за изменениями в организме девушки.

Голограмма начала приобретать красноватый оттенок. Атмосферные слои в виде ярких солнечных лучей окружили тело девушки. Светильник же (душа) была блеклой и закрытой. Канал, соединяющий душу (перикард) и левое полушарие (гипоталамус) закрыт и бездейственен. Чистые атмосферные потоки, необходимые для жизненных процессов, бились о стенки астрального тела, не имея возможности взаимодействовать. Тело оставалось без питания.

И вот тут Оиула замерла: Через каналы ног девушки начала поступать черная энергетика, идущая из недр планеты. Первым делом она проникла в правое полушарие мозга, по модели восьмерки блокировала левое. Так юное создание попало в поле воздействия зла. Нагнетаясь в тело девушки, черные потоки начали взаимодействовать с более чистыми атмосферными потоками. Запылал огонь борьбы. Реакция распада грубой энергии вызвала массу различных негативных эмоций, которые способствовали разрушению нервной и кровеносной систем. Молодой организм разрушался, уступая место действующей на него сущности из мира зла. Так в нашем мире появляются выходцы из ада.

- Папочка, человек не может быть нейтральным. Нас учит и ведет по жизни мир Бога или мир дьявола.

- Да, милая. Человек - это сложная энергетическая система, потребляющая два разнозаряженных потока энергий. Это и есть вечный двигатель, если все системы его работают нормально. Нейтральным он не может быть, так как подчинен всем ритмам Вселенной. Ступив на путь зла, человек теряет свое вечное начало, и тогда его ждет вторая смерть. Она наступает при уничтожении зла на той планете, где жил этот человек. Отсутствие духовного воспитания губит большое количество людей. Давайте посмотрим, что сейчас происходит с пьющими и употребляющими наркотики.

Голограмма воспроизвела третью модель. Молодой мужчина. Блеклые серые тона говорили о критическом состоянии энергетической и материальной основы этого представителя человеческого рода. Темная капсула окружила это существо без интересов и мечтаний. Капсула плотно связана по системе восьмерки с миром, живущим в недрах планеты. Зло зорко стерегло ее содержимое.

Энергетические структуры ожили.

В момент отсутствия алкоголя в организме, черные потоки тянут энергию из каждой клетки этого жалкого существа. Каждая клетка кричит: "Дай". Мечется он, как дикое инопланетное существо. Нет необходимой энергии в атмосфере планеты. Ее нужно создать в его собственном теле и накормить этого ненасытного монстра, который забрался в его тело, мозг и душу. Грызет, угнетает, руководит, командует. Нет минуты, чтобы эта ненасытная тварь не тянула жилы. Все мысли об одном: где взять зелье, чтобы успокоить? Забывает человек о любимой, о детях, нет для него дороже сосущего его. Потерял себя человек.

Вот зелье добыто. Как? Его это мало интересует. Сыты ли дети, плачет ли жена? Живут такие в среде живых людей, как проводники мира ада на поверхность. Вот они соседи по планете, выходцы из параллельных миров.

Трясущимися руками подносит он долгожданный напиток. Огнем загорелся желудок. Зловещий костер разгорелся во всех органах дрожащего человека. Разлагаясь в организме, горючая жидкость (как высокий искусственный энергетик) требует грубые энергетические потоки, необходимые для распада алкоголя. И вот тут приходит черед ненасытного квартиранта. Черная лохматая тварь влазит в это пьяное ничтожество. Энергия алкоголя раздвинула границы истощенного тела и открыла канал выхода монстра. Хохочет сатана: " Вот я разгуляюсь". Заблестели глаза у выпившего, захохотал, появилась сила. Все он может, и все ему дозволено. Как зверь кидается на жену, детей. Ненависть и злоба горят, на все он способен в таком состоянии. Довольна ненасытная тварь, поселившаяся в человеке, хорошо маскируется. Век на исходе, а "великие умы" человечества не могут понять, как хитро сатана управляет их миром. Нагулялась нечисть в мире людей и сиганула восвояси с диким хохотом. Разбирайся теперь, что и как.

Не помнит наш герой в своем тяжелом похмелье, что он натворил. Не помнит, потому что нет его. От него осталось только безвольное истощенное тело, подобное грязной изношенной одежде. Долго ли еще вытерпит эта одежка?

Вот они, новые энергетические потоки Водолея. Взаимодействуя с окружающей средой, выходец из ада в теле человека расходует сейчас жизненные ресурсы во много раз больше. Если раньше человек мог пить долгие годы, то новые энергетические условия способствуют сгоранию организма пьющего в десятки и сотни раз быстрее. По этой причине участились проводы в иной мир категории этих жителей планеты.

Оиула смотрела, затаив дыхание.

- Папочка, как помочь этим людям? Неужели они все гибнут.

- Основная масса пополняет ад. Только Божья помощь может освободить человека от этого рабства. В первую очередь зло уничтожает нервную систему, и все управление человеком берет в свои узды.

Человек не осознает опасности своего положения и катится по наклонной до полного уничтожения. Именно это и ставится основной задачей мира зла. Как можно больше уничтожить, сожрав. Так растет зло, превращаясь в ненасытный легион мрази.

- Наркоманы тоже задействованы по этой системе?

- Да, все протекает также, только скорость уничтожения и распада личности намного быстрее. Это говорит и о большей зависимости. Незнание истины всех этих процессов позволяет злу свободно улавливать в свои страшные сети. Если бы с детства человек знал, что достаточно одного раза, чтобы потерять себя, и понимал, кому он вручает при этом свою жизнь, он был бы осторожней. Это подобно топкому болоту. Достаточно попасть один раз, второго не будет по той причине, что из него невозможно выбраться самостоятельно.

- А если им протянуть руку помощи молитвой? Чтобы она живительной струей напоила их разум и тело. Свет и любовь вернут их к жизни. Если у них нет сил бороться, пусть эта молитва даст силы старанием близких, родственников. Папочка, помогите! Вы сильные и все можете! Нам так нужна ваша помощь. Гибнут хорошие люди. Злобные и подлые в нашем мире правят и богатеют. Им все дозволено. Нет власти, нет хозяина чтобы сказал - хватит! Воры покрывают воров. Как мало меняется облик человечества. Томас Мор описывал свое время, а читаешь его первую книгу и думаешь, что он посетил наш период мытарств. Я умоляю Вас! Помогите!

- Ну что ты, моя милая, мы рядом с тобой для того, чтобы помогать вам. Помогать всеми способами, как только возможно. Главное разбудить человека, научив его общаться с Богом.

Запомни слова молитвы страждущего:

"ГОСПОДИ, ВНЕМЛИ СЛОВУ ПЛАЧА ТВОРЕНИЯ ТВОЕГО. ОБРАТИ ОЧИ ТВОИ НА ЧАДО ТВОЕ И ИЗБАВЬ ОТ ГНЕТА НЕНАВИСТНОГО. ОСВЕТИ ОГНЕМ ИСТИНЫ, ЗАЖГИ ПЛАМЯ ЛЮБВИ И СОЗИДАНИЯ. ОБЕРЕГАЙ И НАПРАВЛЯЙ НА ПУТИ ЖИЗНИ. ТЫ - ОТЕЦ МОЙ. ПРОСТИ И ПОМИЛУЙ. АМИНЬ".

- Удивительная молитва. Она как молния!

- Да, сила ее велика. Нужно знать, что первое время может быть ухудшение состояния у того, на кого читается эта молитва. Ее действие подобно прижиганию.

- Она всем будет помогать?

- Все дается по вере и упованию на милость Божию. Молитва эта преодолевает все преграды, вымощенные злом.

Оиула улыбнулась. Разум ее кричал: "Люди, слушайте! Слушайте! Господь с вами! Обратитесь к Нему, мир Святых ждет нашего приглашения. Ждет нашего призыва о помощи. Мы забыли, что у нас есть могучий защитник, и Он наш Отец! Взывайте, вас слышат!"

Тау улыбнулся, глядя на сестру: - Продолжим нашу беседу.

- Я согласна, но с условием. Будем говорить о хорошем.
- Это трудно, сестричка. Нам нужно говорить о том, что будет.
- Я понимаю тебя, мой милый Тау, но так хочется, чтобы впереди было что-то хорошее.

- Давай заглянем. Мы с тобой познакомились с глобальными изменениями в недрах Земли, посмотрели прямую зависимость человека от планеты. Все эти импульсы можно перенести и на развитие цивилизаций.

Голограмма планеты возникла перед путешественниками. Космические потоки омывали планету новыми энергиями. Подобно яркому цветку, плавала она в безбрежном океане Вселенной. Все жизненные силы черпала она из своей колыбели. Красоту и аромат этих неповторимых цветов Вселенной создает народ, поселенный Богом в период расцвета природных генетических программ. Ковчег разума, творчества и великой любви опускается на каждую планету для воспроизводства нового поколения обновленной Вселенной. В своих энергетических структурах дивный народ несет знания о Вселенной, силы удивительного творчества слова и мысли, умение преобразовывать тонкие энергетические потоки в материальные структуры. Мир юных ангелов спускается на безгрешную планету и дает начало новому витку жизни на новой планете.

Тау улыбнулся, кружева мыслей увлекли его в мир человека: "Как просто создать бездоказательное учение о происхождении человека из обезьяны и затуманить слабые умы человечества. Они принимают все что угодно, только не Истину Священного писания, где ясно сказано, как был сотворен мир. Каждое самое маленькое растение моделирует жизнь планеты и человечества и говорит о том, что все начинается с семени, которое несет в себе весь генетический код. Солнце, земля и вода вкладывают свои силы и тепло, и только тогда развивается удивительная жизнь растения. Семечко дает росток, росток воспроизводит весь вид и цветет. Цвет закладывает плод с новым семечком. Новое же семя будет ждать следующий виток энергетических потоков, которые дадут силы для возрождения нового витка жизни.

Модель жизни у человека всегда перед глазами, он же ищет знания в раскопанных могилах".

Оиула улыбнулась брату.

- Вы разговариваете только со мной, я прочитала все твои мысли и могла бы мысленно ответить тебе?

- Да, милая. Так привык человек, и ему очень трудно перейти на диалог мысли. Всему нужно учиться, поэтому я поздравляю тебя с новыми успехами.

- Спасибо за поздравления, миленький мой Тау! Но ты что - то включил в моей голове? Есть вопрос. Но я не могу его четко выделить.

- Подумай, сосредоточься.

Оиула вернулась в поток рассуждений Тау. Что ее заинтересовало?

Но вот лицо оживилось, взгляд выражал вопрос.

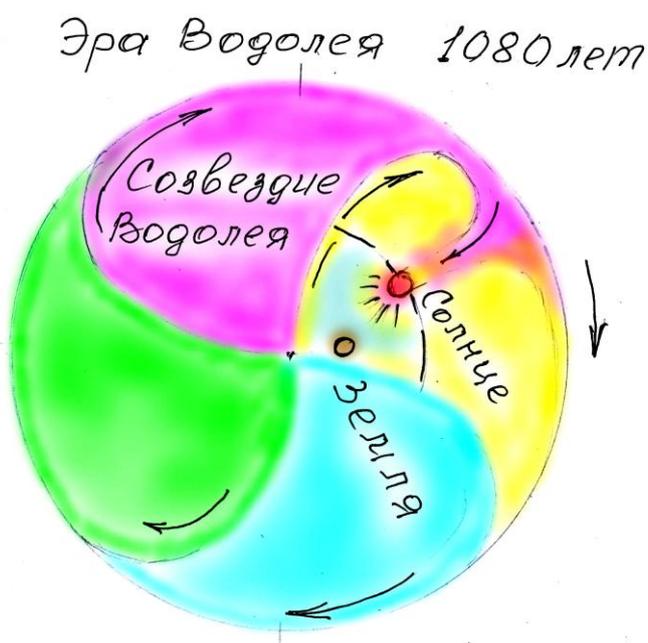
- При твоём рассуждении у меня возникла картина: общество развивается по той же схеме, как и рост растений. Для проклевывания ростка нужно ласковое весеннее солнышко, для формирования плода жаркое тепло летнего солнца. При созревании плода растение уже состарилось и отдает последние силы долгожданному плоду. В этот период необходимы влага и питание. Так развивается и поколение человека. Первые поколения несут творчество, рост всех талантов и способностей. Но вот силы исчерпаны и следующие плоды слабые, некрасивые, кислые и больные. Им уже не могут помочь ни нежные весенние лучи, ни обильный полив. Мы живем в подобном временном периоде. Нет сил у звездной системы, нет сил у планеты, нет энергии для нормального развития народов. Но у меня опять вопрос. Как же тогда человечество сможет поднять свой уровень развития в эти последние годы?

- Вопрос хороший! Давай посмотрим.

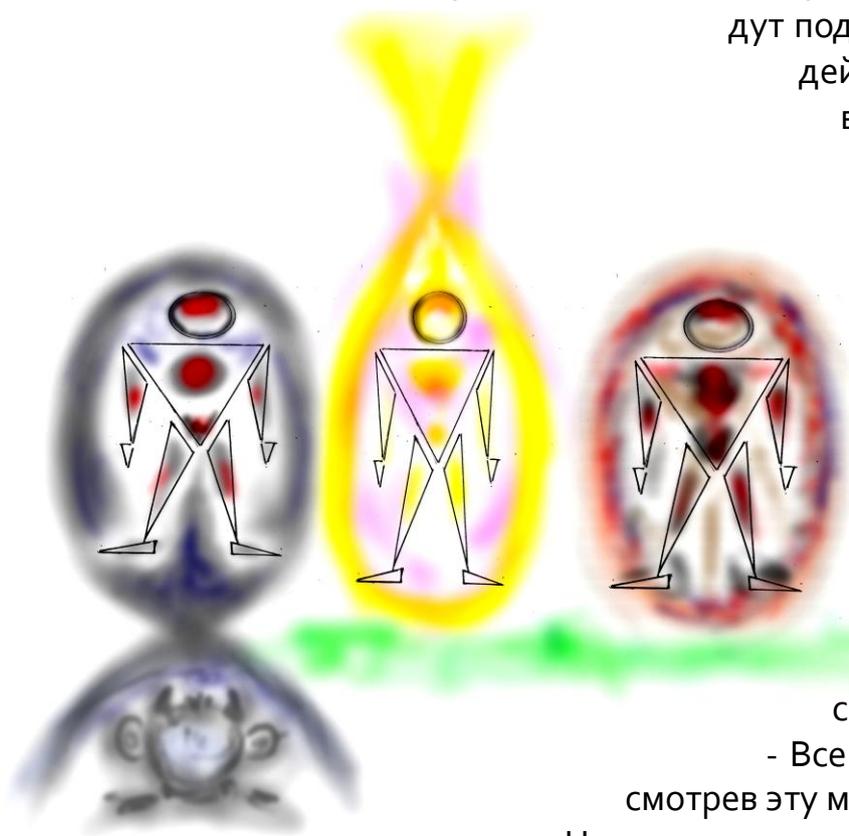
Голограмма Земли исчезла, и на ее место окно созерцания вывело модель Вселенной. Она жила и дышала. Все движения внешних структур спиральных систем шли по ходу часовой стрелки. Сложные вращательные движения говорили о том, что Вселенная всегда кипит, и в ее структурах жизнь не замирает.

Обзорный канал приблизил изображение солнечной системы. Подобно яркому красочному куполу накрывали ее энергетические потоки, идущие от канала или Сторожевой Башни, сформированной спиральной системой созвездия Водолея.

Самая яркая и сильная структура во Вселенной испускала свои лучи потоком, направленным по часовой стрелке. Путь этих энергетических структур проходил через нашу солнечную систему.

- Смотри внимательно, тебе станет понятно, как воздействует Водолей на жизнь. Структура Водолея содержит в себе самый высокий заряд на данный момент и потому подает сильные энергии. Первые потоки волн будут подавать тонкие энергии, воздействующие на разум человека и на тонкие структуры планеты. Но затем поднесет факел в виде энергетического потока, который и зажжет планету Плутон в солнечной системе. Во всех остальных звездных системах 1/6 части Вселенной загорятся планеты, готовые войти в зону рождения.

Оиула внимательно смотрела на живой макет.

- Все стало понятно и ясно, посмотрев эту модель.

- Ну а теперь вернемся к человеку.

Модель увеличилась и ввела в свое поле обозрения три энергетические голограммы человека. Оиула поняла все без слов.

Вторая голограмма изображала верующего человека, имеющего связь с миром вечности. По этому каналу поступал свет и через структуру эпифиза питал новыми потоками мозг и все самые тонкие энергоструктуры. Это в первую очередь железы внутренней секреции, несущие свои потоки по сложной схеме нервной системы. Вторым этапом зажигалась душа, домом которой является перикард. Третий жизненно важный узел загорался в матке или простате. Так освещается тело человека, так оно защищается Богом от всех изменений в огромной Вселенной. Этот тип населения готов встретить новую эпоху безболезненно. Он подобен яркой лампочке, излучающей свет в это изменчивое время.

Яркое мерцание в области головы привлекло внимание Оиулы. Подача тонких структур в голову способствует быстрому развитию мозга человека. Он становится способным осваивать и принимать новую высокоэнергетичную информацию, идущую из космических высот.

- Вот так человек будет познавать космос и знания, идущие к нам?

- Смотри дальше, сестричка.

Первая голограмма была страшна. Модель человека, отвергающего Бога, а поэтому попросту живущего со злом. Питание его шло из недр планеты. Усиливающаяся гравитация в момент энергетической активности возбуждала и поднимала в этом представителе разумного злобу и ненависть. Энергия минуса активно вступала в реакцию взаимодействия с окружающей атмосферой и населением. При росте раздражения росла подача из земли. Образовавшийся фонтан злобы, а затем и болезней не прекращался. Вся система шла на сгорание и уничтожение личности. Астральная структура человека выгорала, и в теле оставалась сущность выходца из-под земли. Проще - из ада, так как питать такого человека может только ад.

Обратив внимание на зону головы, Оиула испугалась. Все процессы были заблокированы страшной лохматой образиной.

- Так это уже и не люди? Это происходит со всеми неверующими?

- Нет, мы показали итог этой категории человечества. Это будущий житель глубин ада. Ад же многоярусный, в нем есть и чистилище, и средние уровни.

- Да, но это все равно ад, это вторая смерть.

- Смерть будет только после того, как пройдутся все уровни ада, и планета подойдет к новому рождению.

Оиула перевела внимание к третьей голограмме.

Истощенное изображение показывало, как будут реагировать больные люди на эти глобальные изменения. Последние силы будут тратиться на преодоление всплесков гравитационных потоков и волн, идущих от усилившего свою активность Солнца.

- Папочка, этой категории, наверное, нужно поскорее обращаться к Богу?

- К Богу нужно обращаться всем, кто хочет дальше жить. На примере видно, что это нужно в первую очередь для человека.

- Тау, мы с тобой ходим вокруг да около межгосударственных и экономических отношений в этот период.

- Эти структуры полностью зависят от человека. Какие энергетические структуры поступают на материк или в зону страны, такая экономика и будет им сопутствовать.

- Это говорит о том, что Россия идет к духовности и рассвету. Западная Европа в зоне "зимы" и упадка, Америка в зоне "осени", а это значит - спад духовности и снижение уровня жизни населения. Этому влиянию подвержены и материки, на которых находятся эти страны.

Оиула задумалась.

- Трудно поверить, братец, что моя родина поднимется и будет расцветать. Трудно не для меня, я это вижу. Трудно для тех, кто сейчас живет на дне этого кошмара. У меня есть предложение побывать в нашем мире моими глазами. Я восстановлю вам в голограмме виденное мною. Вы согласны?

- Что ж, давай попробуем. Мы знаем вашу жизнь, но твое видение откроет для нас твою точку восприятия.

Оиула мысленно создала информационное поле, и пошли воспоминания, вызывающие боль и презрение. Боль за унижение народа, презрение к высшей касте, касте преступников, попирающих права трудящегося человека.

"Разлив большой реки, зеленые леса и белый красивый город на высоком берегу. Вот мой Павлодар! Две основные национальности живут в этом городе как братья. И никакая злобная сила уже не нарушит этого единства. Пытаются озлобить, разделив языковым барьером, но мудрость простого человека сильнее байских выдумок. Тем более, что время разрухи легло тяжким бременем на плечи и казаха, и русского.

Трудно сказать, кому труднее. Русский привык возделывать землю, выращивать огородные культуры. Казаха заставляют этим заниматься необходимостью и голод.

Как назвать тех правителей, которые полностью разрушили свою страну? Разворовали созданное народом, развалили производство и мнят себя ново-явленными баями. Вот как говорит о них великий **Абай** в стихах, прочитанных им при контакте:

ЯЗЫК

Вспомнили язык вы дорогой
И решили дружно всей семьей
Перейти скорее лепетать
На казахский слог. А как же знать,
Как вы будете владеть судьбой?
Как подняться вам одной страной?
Люди мира все идут вперед,
Все стремятся слиться в хоровод.
Все одной семьей нести,
Миру знаний и любви цвести!
Ищет мир один язык.
Вы же, милые, зашли в тупик!
Как вам молвить для планеты всей,
Как сказать, что мир прекрасен - всем?
Вам язык закрыл простора свет.
Нет вам хода и дороги нет.
Оглянитесь и очнитесь от тьмы.
Как могли ослабить русский вы?
Вас учили, нежили на нем,
Вам открыли мир, и разум им включен.
Вы сторонитесь язык судьбы,

Богом избран он. Его струи
Понесут планете всей
Голос Бога, смысл жизни сей.
Вы останетесь как у дыры,
Что несла когда-то столб воды.
А теперь иссохла и ушла,
Унеся с собою жизнь дотла.
Мой народ, тебе кричу:
Поклонись народу Русичу!

БРАТУ.

Я, Абай тебя прошу,
Русский мой товарищ!
Ты прости мою страну,
Не держи обид.
Им неведомо еще,
Что творить начали.
Породила злоба зло,
Мир теперь кипит.

Мало вам земли и Солнца,
Мало света и тепла.
Ты, Казах, прочти законы
Те, что изданы в века.
В них народом утвердилась
Первая статья:
Чтить и быть гостеприимным - для тебя.
Нет там слова о разделе,
Кто твои отцы.
Гость - казаху означает
Ласку дать должны.
Вы же ныне
Гнать собрались брата своего!
Оглянитесь, Бог направит
Гнев свой на того,
Кто нарушит Мир и счастье,
Кто творит всем зло!
Нас Аллах в Коране просит
Делать лишь добро!

Брат мой, Русский,
Будь мудрее и прости семью
Ту, которая болея, поддалась злу.
Зло, несущее раздоры,
Править вновь взялось.
И тебе Господь даст силы
Все пустить вразнос.
Но неведомо народу
Будущее увидеть!
Я же с высшего порога
Могу подсказать:
Свет нести дано вам Богом
И дорогу освещать
Государствам и народам
Всем подряд!
Вы не делите семейство,
Сами отошли!
Но просить им всем прощенья - впереди!

СКАЖУ!

Слово я свое скажу,
Все, что думаю, кричу!
Ваше дело все понять,
Вам потом и грех хлебать!
В вашем мире завелись
Те, что с баями слились.
Угнетать, иметь рабов-
Вот стремленье тех "богов".
Дал им волю ваш вожак.
Бизнес новый, старый крах.
Все стараются подмять,
Чтобы слабому не встать.
Так хотят они вернуть
Силу, рабство, тяжкий труд.
В интересах тех "богов"
Сделать больше дураков.
Чтобы молвить не умели,
Слышать мудрых не хотели.
Есть один для них народ,
Чтоб других не видел тот.
Вас тупеть всех призывают,

Сами же преуспевают.
И учиться, и дружить
Будут в мир другой спешить.
И детей учить направят
К тем, кого для вас лишь хают!
Вам хочу открыть глаза:
Разберитесь, где беда?
Кто велит вам и решает
Все за вас, а вам вещает?
Вас рассорили с народом-
Братом старшим и свободным.
Вам несут узду и мрак.
Разделяют вас на кланы,
Роды, знатность и уставы.
Все вернуть, стараясь, снова
Хочет бай, хоть время ново!

Голограмма же начала работать с памятью девушки. Суровая зима. В разных местах поближе к проходим ютятся наскоро поставленные ящики и коробки с мелким штучным товаром. Присмотритесь, кто торгует. Нищенская старость выгнана на мороз, под ноги заевшейся сволочи. Нет у стариков средств для тарелки супа и теплого угла. Те, кто пережил войну, кормил армию, ударно трудился - выброшены из зоны внимания государства. Да и есть ли оно - Государство? Как точно отзывается о таких деятелях Томас Мор.

"Пусть старых родителей кормят дети",- так предложила первая леди республики... Старая казашка, измотанная работами на квартальных базарах, проклинала эту "леди" за свою сиротскую старость...

Тупые рожи в новеньких дорогих машинах...

Нищенствующие, голодные дети. Студент, идущий на занятия в сорокоградусный мороз в летних кроссовках...

Призыв президента о милосердии богатых к нищему населению...

Люди, обступившие мусорный ящик в поисках остатков пищи...

Лоснящиеся рожи в праздничных юртах...

Свалка, кишущая выброшенным с производства народом...

Голодные, беспомощные глаза стариков у прилавков с продуктами...

Очереди больных немощных стариков в кассах...

Череда разрушенных заводов, развалины домов и общежитий...

Опустошенные детские сады...

Брошенный из-за отсутствия воды застроенный и засаженный двенадцатитысячный дачный массив в самой экологически чистой зоне пригорода. Нет хозяина в городе, все очень заняты наживой.

Полиция (мальчики) на трясущихся разваленных "Уазиках"...

Мордвороты на новых "Мицубиси" и "Ниссанах"...
Медицина и первые ее слова: "сначала оплатите"...
Группы молодежи и свободная продажа наркотиков...
Водка, спиртное - реклама и зазывающие вывески...
Продукты низкого качества. Обвес и обсчёт...

Оиула отвернулась от информационного поля. Это всего лишь информация. Жизнь же несет подобные эпизоды ежедневно и на каждом шагу. Если бы слышал президент, что о нем говорит его народ. И как выдерживает его голова, покрытая таким слоем проклятий?

- Я буду жить надеждой, что придет время, когда я с радостью буду показывать Вам иную жизнь в моем городе.

- Да, картина печальная, но она будет еще ужаснее, если мы начнем анализировать, есть ли в этих людях вера, чем заполнен их духовный мир. Нет Бога для властелинов, нет Бога в душах жителей. Первое, что будет способствовать обновлению - это рост духовности общества, знание, в чем состоит грех. " Не укради " - гласит одна из заповедей. Нет страха перед Богом, страна разграблена "высшей кастой". За все будет с них спрошено и очень скоро. А сейчас, дочка, наше путешествие заканчивается.

Подняв руку, Оид вызвал энергетическую капсулу, окутавшую путешественников. Миг - и они оказались в космическом корабле, который стремительно летел к Земле. Вот она - пристань юной Оиулы. Девушка улыбнулась своим спутникам и мысленно произнесла: "До встречи, я буду ждать!"

В следующее мгновение она сидела за столом в своей комнате. Шел 1999 год.

Научная теория «Построение Мироздания»
Авторское свидетельство
№ 478 от 05. 08.1997г.
Рыбалко Л. А.

НПЦ «АССУР»

Наш адрес: Павлодар,
Email: assur@yandex.ru

Адрес сайта: argonavt2028.narod.ru

2009 ГОД